
**НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ОБЛАСТИ ЭТНИЧНОСТИ,
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ**

Научный совет РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений образован постановлением Президиума РАН от 14 марта 2017 года. Деятельность Научного совета направлена на решение следующих задач:

- ✓ разработка путей реализации Стратегии государственной национальной политики, укрепления общероссийской гражданской идентичности и гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений;
- ✓ поддержка и координация фундаментальных научных исследований;
- ✓ осмысление явлений в этнонациональной сфере в условиях глобализации и актуальных вызовов времени;
- ✓ анализ феномена этничности в современном экономическом, социальном, этнокультурном и политическом пространстве России;
- ✓ выработка рекомендаций для органов власти, обеспечивающих баланс государственных, общественных интересов и интересов людей разной национальности, укрепления единства и целостности России.

Совет является научно-консультативным, координационным и экспертным органом РАН и состоит при Президиуме РАН. Членами Совета являются 65 ведущих отечественных специалистов в области этничности и межнациональных отношений, представляющих центральные и региональные научные учреждения и вузы страны.

Сопредседателями Научного совета являются:

Тишков Валерий Александрович – академик РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН

Хабриева Талия Ярулловна – академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Научный совет по комплексным проблемам этничности
и межнациональных отношений

**НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ОБЛАСТИ ЭТНИЧНОСТИ,
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ**

Материалы сессии Научного совета РАН
по комплексным проблемам этничности
и межнациональных отношений,
19 декабря 2017 г., г. Москва

Москва
2018

Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики. Материалы сессии Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, 19 декабря 2017 г., г. Москва / под ред. В.А. Тишкова; сост. Б.А. Синанов. – М.: ИЭА РАН, 2018. – 315 с.

В основу издания легли доклады сессии Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, состоявшейся в Москве 19 декабря 2017 г. Современное состояние и перспективы научных исследований в области этничности и межнациональных отношений рассматриваются с позиции этнологии, юриспруденции, социологии и философии. Значительное внимание уделено истории национальной политики в России.

Предназначено для специалистов, политиков, преподавателей и студентов.

ISBN 978-5-4211-0209-0

© Коллектив авторов, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

В.А. Тишков, Е.А. Пивнева

Этнологические исследования в академической науке 5

Т.Я. Хабриева, Л.В. Андриченко

Межнациональные отношения как объект научных исследований: состояние современной российской юридической науки 51

Л.М. Дробижева

Изучение этничности и межнациональных отношений в социологии 74

В.А. Ачкасов

Российская этнополитология: достижения и проблемы 101

Ю.Г. Волков

Этничность и межнациональные отношения в российском обществе. Смысл и значимость научных обобщений 132

М.Н. Губогло

Идентичность. Идентификация. (Страницы научной биографии концептов) 159

А.В. Дмитриев, В.В. Воронов

Диаспоры / землячества: общее и особенное 184

В.И. Мукомель

Миграционные исследования: социологическое измерение 200

М. Х. Фарукишин

Этнофедерализм в оценках российских исследователей 211

В.Г. Федотова

Культур-центризм как философская программа
исследования и формирования процессуального
характера рассматриваемых объектов 233

Т.Ю. Красовицкая

Федерализм России в иностранных проектах
Гражданской войны: историографические оценки
и политические практики..... 247

Д.А. Аманжолова, Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков

Центр и периферия в начале XX века: от российского
к советскому 275

Сведения об авторах 314

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

*В.А. Тишков,
Е.А. Пивнева*

В последние годы в российском обществе проявилась особая значимость этнологических исследований. Вопросы этнокультурных процессов и межэтнических отношений, языковой политики все чаще становятся предметом общественных и межгосударственных дискуссий. Научное сообщество не может и не должно изолировать себя от этих процессов. Существенный вклад в разработку этой проблематики вносит Институт этнологии и антропологии РАН, которому в 2018 г. исполнилось 85 лет, а также другие академические институты гуманитарного профиля. В 2010 г. в журнале «Новая и новейшая история» вышла статья, содержащая обзор основных достижений института [Тишков, Пивнева, 2010]. Настоящая публикация призвана познакомить читателей с состоянием этнологической науки в новейший период, имея в виду прежде всего ту область, которую призван координировать Научный совет при Президиуме РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений. Мы имеем возможность остановиться здесь лишь на некоторых наиболее существенных проектах и результатах [Чистов, 1983; Бромлей, Чистов, 1983; Тишков, 2002; Труды ученых Института этнологии и антропологии РАН. 1990–2002, 2003]¹.

---

¹ Полную библиографию книжных изданий института также см. в ежегодных отчетах и на сайте ИЭА РАН (www.iea-ras.ru).

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Работа по целевым научным программам и крупным проектам – важнейшая тенденция в организации научно-исследовательской деятельности Российской академии наук последних десятилетий. С 2003 года под научно-методическим руководством Отделения историко-филологических наук РАН было реализовано пять 3-летних общеакадемических программ: «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» (2003–2005), «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (2006–2008), «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (2009–2011), «Традиции и инновации в истории и культуре» (2012–2014), «Историческая память и российская идентичность» (2015–2017 гг.). С 2018 года началась новая трехгодичная программа под названием «Культурная сложность: понимание и управление». Объединение усилий специалистов различных областей знания вносит существенный вклад в решение фундаментальных научных задач, а также позволяет выйти на более глубокий анализ актуальных политических и социальных проблем современности. Остановимся кратко на основной проблематике и некоторых результатах этнологических/антропологических исследований, проведенных в рамках этих общеакадемических программ.

По программе *«Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»* выявлены адаптационные ресурсы и практики населения различных регионов России к особенностям природного окружения; индивидуальные и групповые механизмы хозяйственной, социально-культурной и социально-психологической адаптации к коренным сдвигам, происходившим в ходе масштабных трансформаций, как в историческом прошлом, так и на рубеже XX–XXI вв. Важным результатом стали выводы о многообразии вариантов адаптационных процессов и их влиянии на динамику социальной жизни и этнических ситуаций в различных регионах России. Исследования также показали, что на особенности адаптации людей к меняющейся среде немаловажное влияние ока-

зывают черты их этнической культуры. Растущее в условиях распада Советского Союза этническое самосознание оказалось во многих случаях фактором, способствующим адаптационным процессам, как и знание языков титульных народов, ставших государственными.

Одним из приоритетов в работе ученых продолжают оставаться вопросы сохранения и комплексного изучения историко-культурного наследия России. Российский цивилизационный комплекс формировался на обширной территории на преимущественной основе русской этнокультурной традиции и православного христианства с участием носителей многих хозяйственно-культурных традиций, религий и духовных ценностей. Все это вместе составляет одну из важнейших основ национальной и этнокультурной идентичности россиян, основу гражданской солидарности и российского патриотизма. Фундаментальная отечественная наука призвана изучать проблемы историко-культурного наследия, пополнять новым научным знанием представления граждан о российском историко-культурном наследии и способствовать его сохранению и использованию в сфере образования молодого поколения.

Именно с таких позиций подходили к исследовательским задачам участники академической программы *«Историко-культурное наследие и духовные ценности России»*. В рамках этой программы разработаны научные проекты по отстаиванию классических интерпретаций отечественного историко-культурного достояния, включая памятники материальной и духовной культуры населения на территории нашей страны, по выявлению и утверждению новых данных и исторических оценок, связанных с потребностями современного развития России и ее геополитического положения.

История народов и культур в контексте межэтнических и межконфессиональных взаимодействий, современная ситуация на стыке глобальности и локальности, альтернативы и сценарии этнического и культурного развития — сюжеты, в которых привычные понятия «традиции» и «новации» служат маркерами происходящих изменений. Цель академических исследований по программе *«Традиции и инновации в истории и культуре»*

состояла в анализе как отдельных явлений, так и этнокультурных комплексов в различных экологических, экономических и политических условиях, в феноменологии собственно традиции и новации в контексте межэтнического диалога. Ключевой темой стала этничность как поле традиций и инноваций. В ходе реализации программы разработаны исследовательские методики и концепции, нацеленные на адекватное толкование этнокультурных реалий, на использование накопленных отечественной наукой знаний, на актуализацию потенциала этнологии/этнографии в информационном пространстве. Получены ответы на многие вопросы о традициях и новациях в управлении, праве, лидерстве, практике принятия решений, воспитании, гендерных отношениях.

Междисциплинарный анализ феномена исторической памяти и ее роли в формировании национального самосознания (идентичности) в процессах нациестроительства, а также в геополитических соперничествах проведен по академической программе *«Историческая память и российская идентичность»*. В конструировании идентичностей в многоконфессиональных, этнически и культурно многообразных странах изучена роль исторической памяти, в которой сквозь призму и потребности современности концептуализируются представления социума об «общем прошлом». Выявлена конфликтная роль как официальной, так и конкурентных версий исторической памяти. Показано, как идеологи и политики пишут и переписывают историю в соответствии со своими представлениями о том, что такое «нация» и из кого она состоит, как интерпретируют прошлое в соответствии с той проектной моделью будущего, которую избрали для конструируемой ими «нации»; как «борьба за память» создает множественность нарративов. Показано как происходит символизация личности или какого-либо события в историческом сознании и культурной памяти последующих эпох. Отмечено влияние различных коммеморативных практик, празднования памятных дат на историческое сознание и их роль как необходимого повторения «исторического воспоминания», формирующего национальное или групповое «мы».

В многочисленных публикациях участников программ раскрыты механизмы и исторические траектории формирования национальной идентичности в различных странах на разных этапах их истории. Исследованы уровни и формы коллективных идентичностей (гражданской, этнической, религиозной, регионально-локальной), их место и взаимодействия в формировании национального (российского) самосознания и патриотизма. Отдельно рассмотрены проблемы исторического опыта сосуществования носителей разных культур, традиций, исповеданий в формировании российской государственности. Особое внимание уделено самосознанию русского народа в связи с исторической памятью, религиозными практиками, праздничной культурой и другими этнокультурными компонентами. Все эти итоги получили отражение в фундаментальных публикациях по программам [Этнокультурное взаимодействие в Евразии, 2006; Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям, 2009; Историко-культурное наследие и духовные ценности России, 2012; Традиции и инновации в истории и культуре, 2015].

В рамках программы *«Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации»* (2014-2016) проведено исследование влияния промышленного освоения на коренные малочисленные народы Арктики и Севера, корпоративной социальной ответственности работающих в регионе промышленных компаний. В фокусе внимания исследователей оказались традиционные отрасли хозяйства, рынок труда и занятости, социальная сфера и культура. Специальное внимание уделено опыту взаимодействия коренных народов и промышленных (государственных, частных, международных) компаний, корпоративной социальной ответственности бизнеса. Проведен анализ инновационных форм образования на российском Севере. Полученные научные результаты могут составить основу для определения принципов и задач региональной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, в том числе по развитию традиционных видов хозяйственной деятельности, социальной и образовательной политике, а также в законодотворче-

ской деятельности [Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение, 2016].

Программы содержат значительный инновационный компонент и отвечают мировым научным стандартам, обеспечивая российский приоритет в разработке отечественной историко-культурной тематики. Они содействуют в решении важнейших задач национальной консолидации российского народа, его коллективного самосознания и гражданской солидарности. Данные разработки могут найти применение в сфере государственного управления, в обеспечении национальной безопасности, предотвращении рисков экстремизма и терроризма.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

В последние годы ряд обстоятельств побудил российских ученых и политиков обратиться к вопросам этнокультурного и религиозного многообразия, организации культурно-сложных обществ, регулирования межэтнических отношений и конфликтов. Некоторые существенные результаты были получены в области изучения феномена идентичности и конфликтов, устройства современных наций и современного нациестроительства, многообразных форм идентификационных процессов и идентичности [Национализм в мировой истории, 2007; Российская нация: Становление и этнокультурное многообразие, 2011; Этничность и религия в современных конфликтах, 2012; Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание, 2017].

Существенный вклад внесен в понимание процесса формирования российской национальной идентичности, роли больших коллективов, государств и отдельных личностей в историческом процессе. В фундаментальной монографии В.А. Тишкова «Российский народ. История и смысл национального самосознания» рассмотрены вопросы, имеющие огромное значение для российских граждан и страны в целом – почему мы один народ-нация, как мы себя ощущаем и как нас воспринимает остальной мир? Особое внимание уделено категории «российский народ», а также процессу формирования национальной идентичности

(нациестроительства). Отстаивается точка зрения о существовании исторического Российского государства (Российская империя – СССР – Российская Федерация) [Тишков, 2013].

Активно ведется изучение феномена культурной сложности современного мира и современных наций-государств, прежде всего России, с целью выработки адекватного понимания и эффективного управления обществом со сложной и драматической историей, мировыми культурными достижениями и внешними вызовами геополитического соперничества. Важнейшим результатом стала возможность поднятия дискуссии по поводу российской нации, ее природы и характерных особенностей на новый сравнительно-теоретический уровень, позволяющий перейти от бесплодных дебатов по поводу того, есть или нет в России нация, к типологии современных государств, выявлению критериев для их отнесения к той или иной форме государственно-политического устройства, а также оснований, механизмов формирования и роли культурного единства в каждой из специфических национальных моделей. Именно эту задачу решает коллективная монография «Культурная сложность современных наций» [Культурная сложность современных наций, 2016]. Концептуальное осмысление проблематики культурного многообразия современных обществ сочетается с богатым эмпирическим материалом. Рассматриваются: кризис классических наций-государств, трудности постколониального нациестроительства, а также специфические формы обращения с культурным многообразием, свойственные обществам Востока.

В какой мере культурная сложность российского общества является потенциалом развития и каковы возможные риски? Для ответа на эти вопросы ведущими российскими этнологами, социологами, религиоведами в 2015–2017 гг. проведено фундаментальное исследование, результаты которого нашли отражение в коллективной монографии «Этническое и религиозное многообразие России» [Этническое и религиозное многообразие России, 2017]. Общероссийский контекст объясняет историческую и современную динамику полиэтничного состава населения и характер межэтнических отношений, а также государственного устройства и управления в Российской Федерации.

В значительной степени в последние десятилетия заметно обновилась теоретико-методологическая база этнологии и антропологии [Антропология социальных перемен», 2011; Феномен идентичности в современном гуманитарном знании, 2011]. Вопросам концептуально-понятийного переоснащения этнической проблематики в научных исследованиях и политической практике были посвящены многие работы известных ученых [Губогло, 2004; Губогло, 2013; Артемова, 2004; Антропология на пороге III тысячелетия, 2004; Белик, 2005; Пушкарева, 2007; Этнические категории и статистика. Дебаты в России и во Франции, 2008; Тишков, Шабаев, 2011; Арутюнов, 2012; Антропология академической жизни: традиции и инновации, 2013; Инновации в антропологии: новые направления, объекты и методы в российских антропологических исследованиях, 2015; Алгоритмы человечности. Опыт социально-антропологического исследования, 2017]. Во многом новаторским стал опыт изучения современных *этногенетических мифов*, который показывает большую мобилизирующую роль образов прошлого в этнополитическом процессе, в особенности в эскалации межэтнической напряженности [Шнирельман, 2003; Шнирельман, 2006; Шнирельман, 2015; Шнирельман, 2012; Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов, 2011]. В условиях высокой миграционной активности населения выявление фундаментальных причин этнической нетерпимости и общественных конфликтов на почве ксенофобии имеет не только научное, но и важное общественное значение.

Что касается истории этнологической науки, в этом вопросе достигнуты успехи в *публикации источников и введении в научный оборот классического наследия*. Вышло в свет уникальное собрание основных документальных источников на русском языке по истории российской колонизации Калифорнии с наиболее известным поселением Крепость Росс [Россия в Калифорнии. Русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях, 1803–1850, 2005]. Исследована хранящаяся в МАЭ РАН (Кунсткамере) малоизвестная коллекция этнографических предметов и гравюр, связанных с кругосветными экспедициями Джеймса Кука [Иванова, 2005]. На основе архив-

ных материалов Института этнологии и антропологии РАН вышли в свет пять выпусков ранее закрытых для публикации так называемых «докладных записок» 1950 – начала 1990-х годов, написанных сотрудниками института для партийных или государственных инстанций по итогам экспедиционных выездов на Российский Север. В настоящее время эти документы приобрели значимость ценного источника, отражающего влияние управленческих решений на жизнедеятельность северных народов².

Опубликованы труды из творческого наследия известных исследователей, сохраняющие свое значение и в наше время [Миллер, 2005; Широкогоров, 2016; Широкогоров, 2017]. Издано несколько книг о жизненном пути и научном наследии выдающихся ученых, во многом определивших направления развития этнологии и антропологии в нашей стране в XX веке [Репрессированные этнографы, 2003; Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века, 2004; Тишков, 2008; Керимова, 2011; «Не любопытства ради, а познавая для...» К 75-летию Юрия Борисовича Симченко, 2011; Тумаркин, 2011; Тумаркин, 2012; Три века российской этнографии: страницы истории, 2017].

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Отечественная этнология внесла большой вклад в становление жанра энциклопедических изданий, основанных на комплексном исследовании этнических общностей. Ценный материал о разнообразии и богатстве культуры народов России и мира содержат историко-этнографические и энциклопедические издания, выполненные при непосредственном научном и организационном участии сотрудников ИЭА РАН: «Народы России», «Народы и религии мира» (за этот цикл работ коллективу ученых была присуждена Государственная премии Российской Фе-

---

² Серия публикаций под общим названием «Этнологическая экспертиза» под редакцией З.П. Соколовой и Е.А. Пивневой.

дерации в области науки и техники за 2001 год). Значительный интерес для специалистов и общественности в целом представляет изданное в 2009 г. при участии сотрудников ИЭА РАН энциклопедическое издание «Народы России. Атлас культур и религий» [Народы России. Атлас культур и религий, 2009]. Атлас содержит современную информацию о народах России, их истории, традиционной культуре, религиях. Подробные карты дают представление о характере расселения этнических общностей, масштабах распространения основных конфессий и традиционных верований в России, что позволяет получить разносторонние знания о многообразии этнокультурной мозаики российского общества.

Ценный визуальный материал о богатстве культуры народов России и мира содержат публикации в серии «Этнографический альбом» [Дмитриева, 2006.; Соколова, 2007; Тишков, 2008; Федянович, 2011; Липинская, 2015; Аржанцева, 2016; Фролова, 2017]. Недавней научной сенсацией стало издание в этой же серии фотографий (со стеклянных негативов XIX в.) материалов этнографических экспедиций графа А.А. Бобринского и фотографа Н.В. Богоявленского в Среднюю Азию и в Персию. Эта коллекция была утеряна и опубликована в ИЭА РАН впервые. Эти фотографии – визуальные свидетельства самоотверженного труда выдающихся русских ученых, высветивших своими исследованиями темные пятна на «этнографической» карте далекой окраины Российской империи [Памирские экспедиции графа А.А. Бобринского 1895–1901 годов: этнографический альбом: фотографии Н.В. Богоявленского, 2013].

С начала 1990-х гг. ведется работа над многотомной историко-этнографической серией «Народы и культуры». Публикации представляют собой полный свод знаний о той или иной этнической общности, а основными авторами текстов выступают ученые из числа представителей самих этих народов. Содержащаяся в этих академических изданиях информация о народах делает данные публикации востребованными в управленческой практике, в системах высшего и среднего образования, а также среди широких кругов читателей. Книги этой серии стали лауреатом многих книжных выставок и международных призов.

ЭТНОЛОГИЯ РУССКОГО И ДРУГИХ НАРОДОВ РОССИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАН

Ведущими направлениями деятельности института остаются изучение истории и этнографии русского народа, малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, народов Кавказа, этнических меньшинств в России и в мире, проблем русскоязычного населения за рубежом. Несколько изданий выдержал коллективный труд под редакцией И.В. Власовой и В.А. Тишкова «Русские» [Русские: история и этнография, 2008] – наиболее полное историко-этнографическое описание самого многочисленного народа нашей страны. В разработках последних лет существенное внимание уделялось миграционной подвижности и адаптации русских в зонах позднего расселения, их социально-культурному статусу, трансформациям в историко-культурном развитии; формированию мировоззрения, многовекового народного опыта и знаний русского народа. Как возник и что есть русский народ? В чем отличие русских от других народов? Какие особенности характера и быта помогли русским освоить огромные территории Евразийского материка и внести крупный вклад в развитие человеческой цивилизации? Эти и многие другие вопросы подняты и освещены в многочисленных публикациях исследователей [Мировоззрение и культура севернорусского населения, 2006; Буганов, Громыко, 2007; Русские: история и этнография, 2008; Кузнецов, 2008; Очерки русской народной культуры, 2009; Русские Рязанского края. Т. 1-2, 2009; Русские: этнокультурная идентичность, 2013; Власова, 2015; Савоскул, 2015; Динамика традиции в региональном измерении. Трансформационные процессы в культуре и языке Костромского края, 2016; Традиционная культура русского народа в период 1920 – 1930-х годов: трансформации и развитие, 2016].

Большое научное и общественное значение имеет изучение исторической памяти о крупнейших событиях и героях нашей национальной истории [Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 г., 2012; Буганов, 2013; Героическое и повседневное в массовом сознании русских XIX–начала XX вв., 2013; Русские начала XXI века: историческая память, самосозна-

ние и культура, 2017]. В качестве примера можно привести книгу А.В. Буганова и М.А. Омарова посвященную памятным датам российской истории. Из огромного множества исторических событий авторами представлены те, которые вызывают у представителей проживающих на территории России народов чувство сопричастности с общей историей, способствуют формированию общероссийской идентичности, укрепляют чувства гражданской принадлежности к российской нации [Буганов, Омаров, 2015].

Выполнены крупные исследования в области народной православной культуры [Цеханская, 2004; Громыко, 2007; Кириченко, 2010; Святыни и святость в жизни русского народа: этнографическое исследование, 2010; Церковные праздники русского народа: от прошлого к настоящему: Сб. ст. и очерков, 2011; Воронина, 2011; Христианство на Северном Кавказе: история и современность, 2011; Цеханская, 2013]. Опубликованы книги по обрядовой и праздничной культуре русских, о феномене русской бани, хлебе и напитках [Баня и печь в русской народной традиции, 2003; Морозов, Слепцова, 2004; Хлеб в народной культуре: Этнографические очерки, 2004; Хмельное и иное: напитки народов мира, 2008; Фролова, 2009; Макашина, Фролова, Тучина, 2010; Праздничная и обрядовая пища народов мира, 2017]. Рассмотрена роль одежды как одного из важнейших элементов материальной и духовной культуры, как знака этнической, сословной, социальной и вероисповедальной особенности структуры общества [Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки, 2011]. Заметный вклад внесен в изучение русских за рубежом [Нитобург, 2005; Святыни русского зарубежья в США, 2006; Живет душа России: неизвестные страницы русского зарубежья, 2007; Остапенко, Субботина, Нестерова, 2012; Курто, 2013; Таболина, 2016], а также проблем, связанных с защитой прав российских соотечественников [Этническая политика в странах Балтии, 2013].

Предпринимаются попытки осмысления роли историко-культурного наследия в современном мире аборигенных народов Севера, в том числе в формировании новых идентичностей, символов, устремлений [Этнокультурное наследие народов Севера России, 2010]. Большой объем работ связан с изучением и

публикацией эпического наследия сибирских аборигенов [Функ, 2005]. Существенный вклад внесен в изучение проблем социальной организации народов Севера и Сибири (например, на телеутском материале дан комплексный анализ двух важнейших традиционных институтов, составлявших основу социальной организации большинства сибирских народов – рода и общины) [Батьянова, 2007]. Продолжается публикация полевых материалов, собранных в районах проживания коренных малочисленных народов Севера в разные годы [Вайнштейн, 2015; Соколова, 2011]. Особо стоит отметить фундаментальную публикацию, содержащую полевые материалы из научного архива известного сибироведа З.П. Соколовой. Материалы были собраны автором в Обско-Иртышском бассейне среди хантов, манси, ненцев, селькупов и эвенков. В издании представлены документы, содержащие описания хозяйства, материальной и духовной культуры, религии и обрядов этих народов, заметки об их повседневной жизни, а также полевые дневники автора с 1956 по 1989 гг. [Соколова, 2016].

Тематика североведческих исследований в постсоветский период стала более разнообразной и более отзывчивой к актуальным проблемам современности. Большое внимание уделяется современным социокультурным процессам у малочисленных народов Севера, проблемам их адаптации к новым социально-экономическим и политическим условиям [В поисках себя: Народы Севера и Сибири в постсоветских трансформациях, 2005; Практика постсоветских адаптаций народов Сибири, 2006, Миссонова, 2006; Постсоветские трансформации: политика идентичности и природопользование в России, 2009 / Beach H., Funk D. & Sillanpää L. (Eds.), 2009; Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера России, 2012], правовым аспектам современной жизни и взаимоотношениям с государством и бизнесом [Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии, 2003; Право в зеркале жизни. Исследования по юридической антропологии, 2006; Люди Севера. Права на ресурсы и экспертиза, 2008; Новикова, 2014]. Проведено несколько этнологических экспертиз в районах активного промышленного освоения, по результатам кото-

рых предложены рекомендации органам государственной власти и местного самоуправления, а также организациям коренных малочисленных народов по оптимизации принимаемых управленческих решений [Звиденная, Новикова, 2010; Мартынова, Новикова, 2011; Василькова, Евай, Мартынова, Новикова, 2011; Мартынова, Новикова, 2012]. Обсуждаются вопросы методологии и методики, а также практики полевых исследований на Севере России. Ведутся работы по экономической антропологии, которая рассматривает вопросы, связанные с рыночными отношениями и коммерциализацией аборигенных культур. Большое внимание уделяется трансформациям этничности северян в ходе освоения ими городского пространства, анализу механизма преемственности культурных традиций в условиях города [Поле как жизнь: К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН, 2017]. Одним из выводов в результате исследований стала констатация, что коренные народы Севера и Сибири постоянно провоцируются на включение или изобретение все новых адаптационных механизмов, благодаря сохранению в стране политики списочного, группового (а не личностного) подхода к людям, а это, в свою очередь, провоцирует институционализацию все новых и новых этнических групп.

В области *кавказоведения* накоплен новый материал об особенностях этнокультурных процессов в регионе, культурном наследии и его роли в оптимизации современной ситуации. Исследовательская проблематика касалась вопросов эволюции политической культуры адыгов, формирования историко-культурного облика армян Юга России, этнопедагогических традиций народов Кавказа, культурно-трансформационных процессов в Дагестане, сохранения культурного наследия народов Южного Кавказа и др. [Калоев, Цаллагова, 2005; Дулая, 2007; Ариба, 2007; Социокультурная коммуникация у народов Кавказа, 2016; Цаллагова, 2016; Социокультурная коммуникация у народов Кавказа, 2017].

Проанализирован характер взаимодействия современных форм этнической культуры народов Северного Кавказа и процессов культурной глобализации. Сделан вывод о необратимом воздействии мировых культурных процессов на жизнь, и особенно духовные ценности, народов региона. Исследования показали, что в кавказских социумах, общественное мнение которых

в целом настроено против агрессивных инновационных воздействий, последствия глобализации носят противоречивый характер. С одной стороны, одним из механизмов противостояния воспринимается верность традиции, в которой видится спасение от непонятной и враждебной стихии глобализации. В то же время многие стороны современной кавказской жизни подверглись за последнее время существенным изменениям, причем не только в сфере материального и хозяйственного быта, но и в области социо-нормативной культуры. Это свидетельствует о наличии определенных адаптивно-селективных механизмов, которые актуализированы в настоящее время в социальной практике. Установлена роль идеологического фактора в сохранении и актуализации культурного наследия народов Кавказа, показаны механизмы развития, сохранности и возрождения культурных традиций в условиях трансформирующегося социума, функциональная специфика традиционных ценностей в глобализирующемся мире [Северный Кавказ: профилактика конфликтов, 2008; Народы Северного Кавказа и культурная глобализация, 2010; Республики Северного Кавказа: этнополитическая ситуация и отношения с федеральным центром, 2012; Культурное наследие народов Кавказа, 2014]. Рассмотрены цивилизационные и этнокультурные взаимодействия кавказских этнических групп в диаспоральном отрыве от основного этнокультурного массива. Исследования показали, что основными механизмами поддержания этнокультурной идентичности является организационное сплочение общин, культивирование этнически маркированных элементов бытовой культуры [Город в этнокультурном пространстве народов Кавказа, 2014; Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизация, 2015].

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК НАРОДОВ МИРА

Продолжено изучение вопросов, связанных с происхождением и этнокультурным обликом народов мира. Значительная часть исследований по европеистике была посвящена современным тенденциям в динамике этнокультурного облика Европы под воз-

действием интеграционных процессов, глобализации и миграции населения. Результатом полевых изысканий социально-антропологического характера в различных регионах Европы, многочисленных интервью, анализа юридических актов и статистических данных стал трехтомный труд «Европейская интеграция и культурное многообразие» [Европейская интеграция и культурное многообразие региона. Ч. 1-3, 2009]. Большое внимание в нем уделено анализу трансформации этнокультурных традиций в новой Европе (семейные ценности, формы социального поведения, конфликты и общественные движения с этнической окраской и др.). Исследователи сосредоточили внимание на проблеме открытости повседневной культуры к иному, выделив такой аспект этого явления, как европейский образ жизни в диалоге различных культурных традиций. По мнению авторов, особенности социально-культурных процессов в «большой Европе» требуют уточнения комплекса наиболее существенных взаимозависимостей и взаимосвязей между социальной, культурной политикой европейских государств и другими ключевыми внутренними и внешними сферами функционирования региона. Результаты проведенных изысканий способствуют более объективному и убедительному подходу к поставленной проблеме в целом, позволяют продемонстрировать общие на современном этапе тенденции в развитии регионализма и идентичностей в Европе.

На европейских материалах получены оригинальные выводы о роли гражданского общества в интеграции этнически смешанной среды. Подробно описаны и изучены исторически обусловленные «центробежные» и «центростремительные» тенденции в изменении этнической культуры, а также сформировавшиеся в связи с ними культурные модели поведения, отраженные в общественных институтах (социальные группы, их среда, институты коммуникации), в знаковой сфере (идеология, символика, культурные коды, ментальность, картина мира), повседневной поведенческой практике (обычаи, ритуалы, обряды, церемонии, этикет, нормы поведения, стереотипы поведения, в том числе межэтнические) и др. [Фаус-Леутская, 2003; Иванова, 2004; Любарт, 2005; Меняющаяся Европа. Проблемы этнокультурного взаимодействия, 2006; Рыжакова, Завьялова, 2008;

Наша повседневная жизнь. Антропологические исследования ученых России и Сербии, 2008; Модернизация экономики и самоуправления в республиках Северного Кавказа и швейцарский опыт организации общества и, 2013; Европа меньшинств – меньшинства в Европе. Этнокультурные, религиозные и языковые группы, 2016; Рыжакова, 2015; Рыжакова, 2017].

В поле зрения ученых находилась также этнокультурная ситуация на пограничных территориях. Например, в координации с белорусскими коллегами выполнено исследование по проблемам белорусско-русского пограничья. Предметом изучения стали региональные особенности в демографической, языковой, конфессиональной сферах, ландшафтно-топографическое и архитектурно-планировочное своеобразие организации обитаемой среды, обрядовая культура по обе стороны белорусско-русского пограничья, а также идентичность и культурная специфика населения этих территорий [Григорьева, Касперович, 2004; Белорусско-русское пограничье, 2005; Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского пограничья, 2012]. Сделан анализ особенностей формирования населения пограничья, рассмотрено влияние исторического фактора на региональную и этническую идентичность, исследована динамика взаимовлияний в традиционной культуре русских, украинцев, белорусов и других групп, населяющих пограничные области, а также изменения и современное состояние межэтнических отношений в регионе. На примере Калининградской и Гродненской областей осуществлен комплексный этнологический анализ традиционных и новых форм этнокультурной адаптации молодежи в пограничном регионе для определения роли этнокультурных стратегий в сохранении идентичности и возможности ее трансформации у молодого поколения [Этнокультурные процессы в Гродненском Помеманье. Прошлое и настоящее, 2013].

На примере народов *Америки* исследован широкий круг вопросов, связанных с властью как социокультурным феноменом – ключевыми в социальной антропологии проблемами исторической типологии потестарных и государственных структур, вопросами происхождения и исторической динамики ранних форм социальной стратификации, эволюции властно-управленческих

функций и иерархических структур в государствах разного типа [Власть в аборигенной Америке. Проблемы индеанистики, 2006]. По материалам совместных полевых выездов исследователей СССР и Кубы в разные районы острова в 1980–1987 гг. комплексно представлена традиционная культура сельского населения этой страны [Традиционная материальная культура сельского населения Кубы, 2003]. Через анализ результатов междисциплинарных исследований, связанных с историографией и этноконоведением, музееведением и антропологией, представлено текущее состояние американистики в России [Источники и историография по антропологии народов Америки, 2016].

Определенное внимание было уделено процессам преобразований в социальных нормах и культуре у народов *Центральной Азии*, прослежены этапы и факторы этих преобразований, механизмы и пути модернизации. Рассмотрение центрально-азиатского опыта модернизации позволило, в частности, исследовать теоретическую проблему неравномерности развития различных обществ, ответить на вопрос, какие особенности имеет процесс модернизации в мусульманских странах, а также изучить отличительные характеристики советской и постсоветской модернизации. Получены новые данные по проблемам этногенеза и этнической истории, материальной и духовной культуры, современных этнических и этнополитических процессов у народов Средней Азии и Казахстана [Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты, 2004; Горшунова, 2006; Абашин, 2007].

Проводятся кросскультурные исследования *социально-психологических* процессов в современном обществе, психологической адаптации представителей традиционных культур к модернизации образа жизни [Татарко, Козлова, Лебедева, 2008; Скоробогатая, 2008]. Например, осуществлено оригинальное теоретико-эмпирическое исследование влияния культуры (ценностей, временной ориентации, уровня религиозности) и социального капитала (доверия и гражданской идентичности) на социально-экономическое развитие общества. Предложен новый культурно-специфический подход к группировке ценностей, с помощью

которого представлено влияние культуры на социально-экономические установки россиян [Лебедева, Татарко, 2007].

Этносоциологи института сосредоточили усилия на анализе современных этносоциальных процессов в их многовариантности, взаимодействии и конкретном проявлении в разных сферах жизни. Публикации демонстрируют новое понимание социальной структуры современных народов, процессов модернизации и ретннизации культуры, служат осмыслению национальных отношений как результирующего индикатора социально-этнического развития постсоветского общества [Арутюнян, 2003]. Введены в научный оборот материалы масштабных этносоциологических исследований, посвященных анализу этнорегиональных аспектов адаптации населения России и стран СНГ к реалиям современной жизни. Получены новые данные о формировании этнической и конфессиональной, гендерной и семейной, региональной и гражданской идентичностей, выявлены факторы их функционирования и определена их роль в современных адаптационных процессах. Опубликованные работы отличает стремление авторов акцентировать внимание на «болезнях» точках современного этнорегионального развития и попытки показать основные векторы решения наиболее острых проблем. Они позволяют найти ориентиры стратегического развития РФ, состоящие прежде всего в недопущении огромного разрыва в уровнях экономического развития регионов и в сокращении масштабов социальной поляризации.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И КОНФЛИКТЫ

Многие работы ИЭА РАН (исследования по заказу государственных министерств и ведомств, научное консультирование госструктур, разработка проектов нормативных правовых документов федерального уровня, этнологическая экспертиза) связаны с обеспечением практических потребностей российского общества и являются свидетельством актуальности и востребованности знаний и методов этнологической науки для выработки основ управления обществом и государством.

Важное место в исследованиях института занимает изучение таких проблем общественной жизни России, как ксенофобия, этнический и религиозный экстремизм, *социальные конфликты*. Анализируются проявления современных форм расизма и антисемитизма в условиях нарастающей глобализации [Шнирельман, 2010; Шнирельман, 2006; Шнирельман, 2011. Т. 1-2; Шнирельман, 2012; Шнирельман, 2017]. В условиях высокой миграционной активности населения и роста межэтнической напряженности в обществе выявление фундаментальных причин этнической нетерпимости и социальных конфликтов на почве ксенофобии имеет для российской этнологии не только научное, но и важное прикладное значение.

Значимым вкладом в методологическое осмысление этих процессов стало исследование института, осуществленное совместно с Бергхофским центром (Германия). Оно показало, что содействие взаимным адаптационным усилиям конфликтующих сторон, а также и третьих сторон, стремящихся разрешить конфликт, является важнейшей частью стратегии предупреждения социальных, религиозных и этнических конфликтов. В таком содействии чрезвычайно велика роль государственных структур управления, поэтому в тех российских регионах, где проблеме взаимной адаптации уделяется должное внимание, уровень общественной нетерпимости оказывается ниже, и не столь велика опасность проявления гражданских противоречий [Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра, 2007].

Большое внимание уделяется проблемам государственной *миграционной политики*, теориям, подходам и практикам решения задач гражданской и культурной интеграции. Например, исследованы актуальные для постсоветской России процессы формирования, становления и этнополитической мобилизации новых этнических сообществ, возникающих в стране в результате миграционных процессов [Миграция и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений, 2015; Миграция и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений, 2016]. Первым российским опытом изучения проблемы так называемых новых этнических групп стала книга «Новые этни-

ческие группы в России», суммирующая результаты коллективного исследования в нескольких десятках российских регионах характерного общественного феномена восприятия этнических меньшинств как некоренной части жителей. Такое восприятие является основой распространения бытовых предубеждений и ксенофобии, а со стороны представителей власти приводит к неадекватным управленческим решениям, порождающим общественные коллизии и даже открытые конфликты. Сделан вывод о том, что не сам по себе факт миграционного притока, но именно искаженно воспринимаемая ситуация многокультурности предстает в общественном сознании как «серьезная проблема». В тех российских регионах, где власти и экспертное сообщество осознанно препятствуют распространению негативных этнических стереотипов, общественная ситуация намного спокойнее, несмотря на миграционный приток населения из других регионов и государств [Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции, 2008]. В научный оборот введен обширный документальный материал по вопросам организации и мобилизации мигрантских этнических сообществ, который содержится в сравнительно новом для современных российских обществоведов источнике – этнических средствах массовой информации [Малькова, 2011; Антропология Медиа: теория и практика, 2016].

На базе новых полевых материалов и литературных данных изучены проблемы, тенденции и перспективы миграции как коренного, так и некоренного населения Центральной Азии в позднесоветский и постсоветский периоды. Сделаны выводы о влиянии миграций на социальную, экономическую, политическую и религиозную ситуацию в странах этого региона и в России [Ситнянский, Бушков, 2016]. Рассмотрены миграции российских казахов в трансграничном российско-казахстанском пространстве [Ларина, Наумова, 2016].

В практической деятельности по стабилизации этнополитической обстановки на постсоветском пространстве находят применение опыт и информация экспертов созданной в 1993 г. на базе института *Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN)*. Система этнологиче-

ского мониторинга освещает состояние этнических отношений в 12 постсоветских государствах и более чем в 40 субъектах Российской Федерации с многоэтническим составом населения. Получаемые на основе ежеквартального мониторинга данные об уровне общественно-политической напряженности в регионах Российской Федерации объединяются в сводные таблицы и в совокупности формируют общероссийские тренды. Динамические ряды рейтинга конфликтности публикуются в ежегодных докладах Сети «Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах» (отв. ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов). В специальных монографиях представлена методология и методика [Тишков, Степанов, 2004]³, обобщен опыт проведенных исследований [Этнологический мониторинг: разработка фундаментальных подходов этнополитического мониторинга для оптимизации межнациональных отношений и предотвращения конфликтов в России, 2017]. На основе данных мониторинга изданы публикации прикладного характера, ориентированные на ознакомление государственных лиц, принимающих решения [Российский Кавказ. Книга для политиков, 2007].

Впервые в российской этнологии по единой программе опросов населения и опросов экспертов в регионах Российской Федерации изучена взаимосвязь социальных показателей и показателей этнической нетерпимости. Разработаны рекомендации органам государственной власти и местного самоуправления в сфере социальной политики с учетом обстановки на региональных рынках труда и необходимости противодействия этническим конфликтам и ксенофобии [Социальные факторы этнической нетерпимости (итоги междисциплинарного исследования), 2014]. Положено начало фундаментальному изучению методов измерения риска этнических конфликтов в России на основе систематического анализа и верификации таких методов в полевых условиях. Осуществлялась инвентаризация и критическая оценка накопленных в современной гуманитарной науке мето-

---

³ См. также опубликованный отчет по программе ЮНЕСКО «Управление социальными трансформациями» - MOST: Степанов В.В., Тишков В.А. Этничность, конфликт и согласие. М., 2003.

дов изучения межэтнических отношений, применяющихся, прежде всего, в России и сопредельных государствах. Разработана рабочая концепция полевых исследований и принципы формирования экспресс-диагностики уровня общественной нетерпимости и уровня ксенофобии. Представлены итоги региональных опросов российской студенческой молодежи (исследования проводились в четырех федеральных округах – Центральном, Приволжском, Южном и Северо-Кавказском) о гражданской идентичности и иных формах идентичности, дана сопоставительная оценка уровня толерантности молодежи, ее социальные ориентиры [Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал», 2014].

Подготовлена *серия экспертных докладов* о состоянии межэтнических отношений и конфликтов в регионах России (в частности, на Северном Кавказе и в Поволжье), а также в сопредельных государствах. Гражданская, этническая, социально-групповая идентичность, социальное самочувствие населения рассмотрены через призму массовых репрезентаций в связи с проблемами общественной терпимости, преодоления националистических настроений и радикализма [Межэтнические и конфессиональные отношения в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад, 2013; Состояние научной экспертизы межэтнических и конфессиональных отношений в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад, 2013; Межэтнические и конфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе. Экспертный доклад, 2013; Молодежь в полиэтничных регионах Приволжского федерального округа, 2013; Состояние научной экспертизы по проблемам этнической истории, культуры, межэтнических и конфессиональных отношений в Северо-Кавказском федеральном округе. Экспертный доклад, 2013; Межэтнические и конфессиональные отношения в Южном федеральном округе. Экспертный доклад, 2013].

Изданы методические рекомендации по систематическому формированию *гражданской идентичности российской молодежи*. Главная цель рекомендаций – реализация в России силами государственных и общественных структур целенаправленных и хорошо скоординированных мер по распространению и

упрочению идей гражданского единства и культурного многообразия российского народа., воспитание уважения к малой и большой Родине, региональным культурам и общероссийской культуре, формирование общероссийского самосознания и ценностей [Мартынова, Степанов, Тишков, 2015]. Представлены подходы к формированию национальной идентичности и воспитанию личности молодого гражданина. В этом контексте рассмотрены вопросы нации как согражданства, культурного многообразия и гражданского единства, политики языкового разнообразия, образования и воспитания в многоэтничной среде, миграционной политики через призму гражданских чувств и патриотизма [Мартынова, Степанов, Тишков, 2015]. Осуществлен анализ специфики процессов социализации молодежи в условиях российской городской провинции с акцентом на изучении личных историй молодых людей, их повседневном быте и планах на будущее [Молодежь в малых городах России. Заметки социального антрополога, 2016].

В соответствии с поручением Президента Российской Федерации от 4 апреля 2012 г. Минобрнауки России совместно с Российской академией наук создало на базе Института этнологии и антропологии РАН и РОО «Содействие осуществлению этнологического мониторинга и раннему предупреждению конфликтов» (Сеть этнологического мониторинга) *Распределенный научный центр межнациональных и межрелигиозных проблем* (РНЦ), который охватывает своей деятельностью Северо-Кавказский, Южный и Приволжский федеральные округа. Центр имеет своей целью выполнять актуальные и приоритетные исследования прикладного значения, которые могут содействовать более эффективной работе органов государственной власти и управления, предупреждению и разрешению межэтнической напряженности и конфликтов, утверждению российского самосознания, гражданского согласия и толерантности. В основу работы РНЦ положен метод подготовки аналитических докладов с рекомендациями, а также подготовка научных, справочных и методических материалов для государственных служащих, политических и общественных деятелей, работников средств массовой информации.

Только за последние три года РНЦ подготовил более 20-ти *экспертных докладов*, содержащих анализ состояния межэтнических отношений и религиозной ситуации в регионах России [Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крымском федеральном округе. Экспертный доклад за первое полугодие 2015 года, 2015; Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад за первое полугодие 2015 года, 2015; Состояние международных отношений и религиозная ситуация в СКФО (по состоянию на первое полугодие 2015 г.): экспертный доклад, 2015; Межэтнические отношения и религиозная ситуация в субъектах Южного федерального округа. Экспертный доклад (по состоянию на первое полугодие 2015 года), 2015; Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России, 2016; Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад за первое полугодие 2016 года, 2016; Межэтнические отношения и этнокультурное образование в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад по итогам специсследования, 2016; Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе: (второе полугодие 2015 г.): экспертный доклад, 2016; Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе. Экспертный доклад (по состоянию на первое полугодие 2016 года), 2016; Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крымском федеральном округе. Экспертный доклад за первое полугодие 2016 года, 2016; Состояние международных отношений и религиозная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа (первое полугодие 2016 г.): экспертный доклад, 2016; Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад за первое полугодие 2017 года, 2017; Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе. Экспертный доклад за первое полугодие 2017 года, 2017; Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе (по состоянию на первое полугодие 2017 года). Экспертный доклад, 2017; Межэтни-

ческие отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе. Экспертный доклад 2017, 2017; Мониторинг реализации государственной национальной политики в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад, 2017; Реализация гуманитарного предметно-дисциплинарного цикла в школах и вузах в аспекте формирования российской идентичности, воспитания гражданской ответственности и солидарности в регионах Северо-Кавказского федерального округа. Экспертный доклад. Научное издание, 2017; Состояние межэтнических отношений и религиозная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа: экспертный доклад, 2017; Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад, 2017]. Проведены уникальные исследования в сфере этнологического мониторинга в Крыму. Изучено развитие этнополитической ситуации в условиях социальных и экономических трудностей и непростой международной обстановки после Крымского референдума и воссоединения Крыма с Российской Федерацией. Анализируются общественные процессы, связанные с гражданской, этнической и языковой идентичностью, формированием гражданской солидарности [Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов, 2017].

Важнейшим свидетельством актуальности и востребованности знаний и методов этнологической науки для выработки базовых основ управления обществом и государством стала работа ИЭА РАН по реализации целевой программы *«Москва многонациональная: формирование гражданской солидарности, культуры мира и согласия»*. Исследование было нацелено на научно-аналитическое осмысление современных этносоциальных процессов в столице, поиск эффективных механизмов снижения социально-психологической напряженности в обществе, мер противодействия экстремизму, выработку механизмов мониторинга, диагностики и прогнозирования ситуации в мегаполисе. По решению Правительства Москвы на базе Центра межнационального образования «Этносфера» с участием ведущих ученых,

специалистов московских и федеральных структур работал Курс повышения квалификации государственных служащих социальной сферы, работников правоохранительных органов и средств массовой информации административных округов г. Москвы.

В опубликованных исследованиях освещены этнокультурные процессы в московском мегаполисе, рассмотрены сложности взаимной адаптации москвичей-старожилов и мигрантов, особенности взаимодействия юных москвичей разных национальностей. На улучшение межэтнических отношений в российской столице и в России в целом, направлена серия публикаций, посвященных актуальной и острой проблеме, связанной с деятельностью российских СМИ [Малькова, 2004; Малькова, 2004; Малькова, 2005; Малькова, 2007; Малькова, 2014].

Проведена работа по выявлению проблемных ситуаций в межкультурном взаимодействии в столице и разработаны механизмы повышения эффективности межконфессионального и межэтнического диалога в молодежной среде [Молодые москвичи. Кросскультурное исследование», 2008]. В частности, осуществлена научно-методическая разработка и апробация активных методов подготовки школьников к эффективному межэтническому и межконфессиональному диалогу. Разработаны программы занятий по этнологии народов России для школьников, программы и методы тренинга межкультурного взаимодействия для школьников старших классов и студентов колледжей, а также инструкции для учителей и воспитателей с практическими советами и научно-методическими объяснениями. Подготовлен и опубликован комплект научно-методической литературы по образовательному курсу и тренингу [Толерантность и культурная традиция, 2002; В мире жить – с миром жить, 2002; Идентичность и толерантность, 2002; Этническая толерантность в поликультурных регионах России, 2002; Диагностика толерантности в СМИ, 2002; Малькова, Тишков, 2002; Межкультурный диалог: Курс лекций по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия, 2003; Лебедева, Стефаненко, Лунева, 2004; Лебедева, Лунева, Стефаненко, 2004. Кн. 1; Лебедева, Стефаненко, Лунева, 2004. Кн. 2]. Книги содержат анализ социально-психологических проблем развития этнической идентично-

сти, этнических стереотипов и предрассудков у детей и подростков, а также теории и методы снижения стереотипов и предрассудков, практические программы улучшения межэтнических отношений в сфере образования. Опыт комплексного анализа этнополитической ситуации в Москве нашел отражение в изданной в 2015 г. книге «Московская модель этнической политики» [Московская модель этнической политики, 2015]. Гражданская, этническая, социально-групповая идентичность, социальное самочувствие жителей мегаполиса изучены в связи с проблемой массовых репрезентаций, общественной терпимости, преодоления националистических настроений и радикализма; предложены подходы государственной национальной политики применительно к условиям столицы.

В числе прикладных разработок института – результаты проекта «*Этническая политика России в сфере образования: разработка методов анализа нормативно-правовых документов для оптимизации системы принятия решений*». Исследование показало, что за последние годы начался переход от децентрализации к формированию единого в России образовательного пространства, и это сопряжено с существенными коллизиями общественных взаимоотношений, в том числе – и в системе взаимоотношений регионов с федеральным центром. Дело в том, что с начала 1990-х гг. в российском законодательстве действовала норма о компонентной организации образования: федеральный компонент, национально-региональный компонент, школьный компонент. Национально-региональный компонент, который был отдан в распоряжение регионам, составлял до недавних пор один из механизмов осуществления государственной национальной (этнической) политики в сфере образования. С декабря 2007 г. покомпонентное разделение образования было упразднено, что вызвало острые дебаты, которые до сих пор не завершены. Суть претензий республик – свертывание федеральным центром национальной политики, опасность запрета преподавания нерусских языков и национальных культур. Сотрудниками института предложены методы автоматизированного анализа региональных нормативных правовых документов в сфере этнической политики. На основе результатов исследования подготовлены

материалы для парламентских слушаний «Федеральный государственный Образовательный стандарт – стратегический ресурс устойчивого развития многонационального общества: законодательная инициатива субъектов Российской Федерации» Комитета Государственной Думы по делам национальностей Российской Федерации. На этих парламентских слушаниях была сделана попытка найти консенсус между федеральными структурами власти и представителями российских республик по вопросу об упразднении покомпонентной системы образования.

Большое внимание уделено проблемам школьного и вузовского обучения национальным языкам и этнокультурного образования в регионах (Приволжский, Южный, Северо-Кавказский федеральные округа Российской Федерации) [Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России», 2016; Право на этнокультурное образование: модель общественного мониторинга, 2017; Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе, 2017]. Изучены общественные потребности, представлена оценка общественно-политических последствий управленческих решений в этой сфере и влияния на межэтнические отношения, предложена модель общественного мониторинга реализации прав граждан на этнокультурное образование.

Различные варианты *языковой политики*, направленной как на развитие, сохранение и упрочение национальных (государственных) языков, так и на защиту и поддержку региональных языков и языков меньшинств рассмотрены на примере ряда европейских стран и регионов. Особое внимание обращено на стратегии разных акторов (европейских институтов, национальных и региональных правительств, интеллектуалов и элиты, а также рядовых носителей языков), возникающие между ними противоречия и пути их примирения. В 2009 г. Институт этнологии и антропологии РАН подготовил специальный доклад для Совета Европы «Статус и поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации» в связи с перспективами ратификации Россией Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств. Совместно с Министерством регионального развития Российской Федерации, Представительством Европейской

Комиссии в России в рамках Совместной программы «Национальные меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества» был разработан ряд рекомендаций по вопросам имплементации Хартии.

Россия подписала Европейскую Хартию региональных языков или языков меньшинств, но пока что не ратифицировала ее. В последние несколько лет проблема ратификации обсуждается в высших эшелонах федеральной власти, а также за рубежом. Представители Совета Европы ратуют за ратификацию. В России взвешивают возможные «за» и «против», которые могут последовать после применения требований Хартии, в частности, анализируются последствия для внутривосточной ситуации в некоторых республиках, а также то, как может повлиять ратификация на международный имидж страны, если часть требований Хартии будет затруднительно исполнять.

В представленном докладе говорится о большом языковом и культурном разнообразии населения Российской Федерации, которое несопоставимо по своим масштабам с любой другой европейской страной. Требования Хартии должны учитывать такие особенности. В то же время направленность российского законодательства совпадает с идеями и духом Хартии, и многие вопросы, которые ставит этот документ, давно и успешно решаются в России. По отдельным концептуальным и конкретным направлениям российские правовые нормы и политика опередили требования Хартии. Имплементация положений Хартии может осуществляться не только в результате ее ратификации, но и за счет совершенствования действующих в Российской Федерации правовых норм и системы принятия решений в языковой политике и иных сферах социального и культурного развития.

Большое значение для прогнозирования межэтнических отношений и профилактики конфликтов, корректировки национальной и этнорегиональной политики имеет издание основанной в 1990 г. серии «Исследования по прикладной и неотложной этнологии». За эти годы в серии опубликовано более 260 брошюр и монографий. Все они основаны на новейшем полевым материале, собранном в разных регионах страны и мира. Публикуемые материалы находят применение в деятельности политологов и

политиков, социологов и экономистов, обществоведов и журналистов, органов законодательной и исполнительной власти.

В целом отечественная этнология за последние годы продемонстрировала выдающиеся достижения. Впечатляет новое разнообразие тематики, приверженность классическим этнографическим методам добывания нового знания и очень высокая продуктивность большинства научных работников за достаточно скромные материальные вознаграждения. Огромную роль все эти годы играли дополнительные возможности, которые наиболее активные ученые получали через систему грантов двух отечественных фондов поддержки научных исследований – Российского гуманитарного научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований. Их поддержка инициативных проектов, экспедиционных работ, издательских проектов, научных конференций и поездок для участия в них во много раз превосходила все другие внешние источники финансирования нашей гуманитарной науки.

В нашей статье мы описали главным образом труды Института этнологии и антропологии РАН и работы, выполненные совместно с учеными других научных и вузовских центров. Однако этнология и антропология успешно развивается в других научных учреждениях, а также в вузовских коллективах, особенно на немногочисленных кафедрах этнологии, социально-культурной и физической антропологии. В сфере социально-культурной антропологии или на стыке дисциплин начали успешно работать историки, лингвисты, социологи, психологи, политологи и культурологи. Настоящими общероссийскими смотрами состояния нашей науки в масштабах всей страны стали регулярные конгрессы этнологов и антропологов России, которые проходят один раз в два года, и уже состоялось двенадцать таких конгрессов. Опубликованные материалы конгрессов дают более чем впечатляющую картину отечественной этнологии со всеми ее достижениями и проблемами [VII Конгресс этнографов и антропологов России: доклады и выступления (Саранск, 9–14 июля 2007), 2007; VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов (Оренбург, 1–5 июля 2009), 2009; IX Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов (Петрозаводск, 4–

8 июля 2011), 2011; X Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов (Москва, 2–5 июля 2013), 2013; XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов (Екатеринбург, 2-5 июля 2015 г.), 2015; XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов (Ижевск, 3–6 июля 2017), 2017].

Рассуждения об «инкарнациях» антропологии, дискуссии по вопросам теории и методов в изучении этничности и этнической идентичности остаются на повестке дня. Что такое «антропология» как исследовательская дисциплина и как специфическая сфера интеллектуальной деятельности? Парадокс ее развития таков, что нет двух стран, в которых ответ на этот вопрос прозвучал бы одинаково. И тем не менее, это единая область знания с установившимися границами и сформировавшимися стилями интеллектуальной работы. В чем специфика, схожесть и несхожесть последних в разных странах? [Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы, 2012; Двадцать лет спустя (1991–2011): Реорганизация пространства и идентичности: Сб. статей, 2012] Однако сугубо внутрицеховые сюжеты мы бы хотели оставить для другой публикации.

Список литературы

- «Не любопытства ради, а познания для...» К 75-летию Юрия Борисовича Симченко / Ред. Н.А. Дубова, Ю.Н. Квашнин. М.: Старый Сад, 2011.
- IX Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов (Петрозаводск, 4–8 июля 2011). Петрозаводск, 2011. 565 с.
- VII Конгресс этнографов и антропологов России: доклады и выступления (Саранск, 9–14 июля 2007). Саранск, 2007. 512 с.
- VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов (Оренбург, 1–5 июля 2009). Оренбург, 2009. 600 с.
- X Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов (Москва, 2–5 июля 2013). Москва, 2013. 303 + ЛП с.
- XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов (Екатеринбург, 2-5 июля 2015 г.). Москва; Екатеринбург, 2015. 504 с.
- XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов (Ижевск, 3–6 июля 2017). Москва; Ижевск, 2017. 512 с.

- Абашии С.Н.* Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб: Алетейя, 2007.
- Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М., 2009.
- Алгоритмы человечности. Опыт социально-антропологического исследования / Под ред. М.Н. Губогло, отв. ред. Д.В. Громов. М., 2017.
- Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы / Ред. и сост. А.Л. Елфимов. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- Антропология академической жизни: традиции и инновации / Отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2013.
- Антропология на пороге III тысячелетия. Т. 1-2. М., 2004.
- Антропология социальных перемен» / Отв. ред. Г.А. Комарова, Э.-Б. Гучинова. М.: РОССПЭН, 2011.
- Аржанцева И.А.* Хорезм: история открытий исследований. Этнографический альбом. Ульяновск. 2016.
- Артемова О.Ю.* Охотники /собиратели и теория первобытности. М., 2004.
- Арутюнов С.А.* Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М.: Инфра-М, 2012.
- Арутюнян Ю.В.* Трансформация постсоветских наций. М., 2003.
- Ариба С.Г.* Народная медицина абхазов / Отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе. М., 2007.
- Баня и печь в русской народной традиции / Отв. ред. В.А. Липинская. М., 2003.
- Батьянова Е.П.* Род и община у телеутов в XIX – начале XXI века. М.: Наука, 2007.
- Белик А.А.* Историко-теоретические проблемы психологической антропологии. М., 2005.
- Белорусско-русское пограничье / Отв. ред. Р.А. Григорьева, М.Ю. Мартынова. М., 2005.
- Бромлей Ю.В., Чистов К.В.* Ордена Дружбы народов Института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР – 50 лет // Советская этнография. 1983. № 4.
- Буганов А.В.* Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX – начала XX вв. Историко-этнографическое исследование. М.: Принципиум, 2013.
- Буганов А.В., Громько М.М.* О воззрениях русского народа. М., 2007, 2-е изд.

- Буганов А.В., М.А. Омаров М.А.* Памятные даты российской истории, способствующие формированию российской идентичности / Под ред. В.А. Тишкова. Пермь. ОТиДО. 2015.
- В мире жить – с миром жить / Авт.-сост. Н.А. Лопуленко, М.Ю. Мартынова. М., 2002.
- В поисках себя: Народы Севера и Сибири в постсоветских трансформациях / Отв. ред. Е.А. Пивнева, Д.А. Функ. М., 2005.
- Вайнштейн С.И.* Кеты Подкаменной Тунгуски. Историко-этнографическое исследование по материалам экспедиций 1948—1949 гг / Отв. ред. Е.П. Батьянова. Красноярск, 2015.
- Василькова Т.Н., Евай А.В., Мартынова Е.П., Новикова Н.И.* Коренные малочисленные народы и промышленное развитие Арктики (Этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе). Москва.
- Власова И.В.* Русский Север: историко-культурное развитие и идентичность населения. М.: ИЭА РАН, 2015.
- Власть в аборигенной Америке. Проблемы индеанистики / Отв. ред. А.А. Бородатова, В.А. Тишков. М.: Наука, 2006.
- Воронина Т.А.* Русский православный пост: От первых установлений – к современной практике. М.: Современные тетради, 2011.
- Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004.
- Героическое и повседневное в массовом сознании русских XIX–начала XX вв. / Под ред. А.В. Буганова. М.: ИЭА РАН, 2013.
- Город в этнокультурном пространстве народов Кавказа / Под ред. Ю.Д. Анчабадзе. М.: ИЭА РАН, 2014.
- Горшунова О.В.* Узбекская женщина. Социальный статус, семья, религия. По материалам Ферганской долины. М., 2006;
- Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского пограничья / Отв. ред. М.Ю. Мартынова, М.: ИЭА РАН, 2012.
- Григорьева Р.А., Касперович Г.И.* Население Белорусско-русского пограничья: демография, язык, этническая идентификация. Минск, 2004.
- Громыко М.М.* Святой праведный старец Феодор Кузьмич Томский – Александр I Благословенный. Исследование и материалы к житию. М., 2007.
- Губогло М.Н.* Антропология повседневности. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Губогло М.Н.* Концептуально-понятийное переоснащение этнической проблематики в научных исследованиях и политической практике. М., 2004.

- Двадцать лет спустя (1991–2011): Реорганизация пространства и идентичности: Сб. статей / Отв. редактор Е.И. Филиппова. М.: РГГУ, 2012.
- Диагностика толерантности в СМИ / Отв. ред. В.К. Малькова. М., 2002.
- Динамика традиции в региональном измерении. Трансформационные процессы в культуре и языке Костромского края / отв. ред. и сост. И.А. Морозов, И.С. Слепцова. М.: ИЭА РАН, 2016.
- Дмитриева С.И.* Традиционное искусство русских Европейского Севера. М.: Наука, 2006.
- Европа меньшинств – меньшинства в Европе. Этнокультурные, религиозные и языковые группы. / Отв. ред. – составители М.Е. Кабицкий, М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2016.
- Европейская интеграция и культурное многообразие региона. Ч. 1-3 / Отв. ред. М.Ю. Мартынова. М., 2009.
- Живет душа России: неизвестные страницы русского зарубежья / Отв. ред. и сост. Т.В. Таболина. Вып. 2. М., 2007.
- Звиденная О.О., Новикова Н.И.* Удэгейцы: охотники и собиратели реки Бикин (Этнологическая экспертиза 2010 года). М.: ИД «Стратегия»; ИП Андрей Яковлев, 2010.
- Иванова Л.А.* Куковская коллекция Петербургской Кунсткамеры: проблемы источниковедения и атрибуции. М.: Наука, 2005.
- Иванова Ю.В.* Труды и праздники албанских крестьян». М., 2004.
- Идентичность и толерантность / Отв. ред. Н.М. Лебедева. М., 2002.
- Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Под ред. И.С. Семенов. М.: Из-во «Весь мир», 2017.
- Инновации в антропологии: новые направления, объекты и методы в российских антропологических исследованиях / Ред. С.В. Соколовский М.: ИЭА РАН, 2015.
- Историко-культурное наследие и духовные ценности России / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М., 2012.
- Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 г. / Отв. ред. А.В. Буганов. Тула: Гриф и К, 2012.
- Источники и историография по антропологии народов Америки. / Отв. редакторы М.Ю. Мартынова, Е.С. Питерская, Д.В. Воробьев. М., 2016.
- Калоев Б.А., З.Б. Цаллагова З.Б.* Осетины. М., 2005.
- Керимова М.М.* «Жизнь, отданная науке. Семья этнографов Харузиных. Из истории российской этнографии (1880–1930)» / Отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: Восточная литература РАН. 2011.
- Кириченко О.В.* Женское православное подвижничество в России (XIX – сер. XX в.). М.: Алексеевская пустынь, 2010.
- Кузнецов С.В.* Хозяйственные, религиозные и правовые традиции русских XIX – начало XXI в. М., 2008.

- Культурная сложность современных наций / Отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. М.: РОССПЭН, 2016.
- Культурное наследие народов Кавказа / Отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе. М.; СПб.: Нестор-История, 2014.
- Курто О.И.* Русский мир в Китае: Исторический и культурный опыт взаимодействия русских и китайцев. М.: Восточная литература, 2013.
- Ларина Е.И., Наумова О.Б.* Сквозь модернизацию: традиции в современной жизни российских казахов. М.; СПб.: Нестор-История. 2016.
- Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г.* Тренинг этнической толерантности для школьников. Учебное пособие для студентов психологических специальностей. М., 2004.
- Лебедева Н.М., Стефаненко Т.Г., Лунева О.В.* Межкультурный диалог в школе. Кн. 1. Теория и методология. М., 2004.
- Лебедева Н.М., Стефаненко Т.Г., Лунева О.В.* Межкультурный диалог в школе. Кн. 2. Программа тренинга. М., 2004.
- Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Ценности культуры и развитие общества. М., 2007.
- Липинская В.А.* Традиционная культура русского народа в средней полосе Европейской части страны». Этнографический альбом. Самара: ООО «Медиа-Книга», 2015.
- Любарт М.К.* Семья во французском обществе. М.: Наука, 2005.
- Люди Севера. Права на ресурсы и экспертиза / Отв. ред. Н.И. Новикова. М., 2008.
- Макашина Т.С., Фролова А.В., Тучина О.А.* Календарные и семейные праздники Русского Севера в конце XIX – начале XX в. М.: Звезда и Крест, 2010.
- Малькова В.К.* «Не допускается разжигание межнациональной розни...». Из опыта анализа российской прессы. М., 2005.
- Малькова В.К.* Мобилизация этнических сообществ в современной России. М.: ИЭА РАН, 2011; Антропология Медиа: теория и практика. Под ред. В.К. Мальковой, В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2016.
- Малькова В.К.* Москва – XXI век – новая полиэтничная реальность. Изд. Ламберт, 2014.
- Малькова В.К.* Москва – многокультурный мегаполис. М., 2004.
- Малькова В.К.* Полиэтническая Москва в начале нового тысячелетия. Как видит и показывает ее столичная пресса. М., 2007.
- Малькова В.К.* Этнические аспекты журналистики: Из опыта анализа российской прессы. М., 2004.
- Малькова В.К., Тишков В.А.* Этничность и толерантность в СМИ. М., 2002.

- Мартынова Е.П., Новикова Н.И.* Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения: Этнологическая экспертиза 2011 года. М.: ИП А. Яковлев, 2011.
- Мартынова М.Ю., Степанов В.В., Тишков В.А.* Методические рекомендации органам государственной власти и управления и общественным организациям России по формированию гражданской идентичности молодежи. Пермь.: ОТ и ДО, 2015.
- Мартынова М.Ю., Степанов В.В., Тишков В.А.* Формирование гражданской идентичности. Книга для молодежи (ред. Тишков В.А.). М.: ИЭА РАН, 2015.
- Межкультурный диалог: Курс лекций по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия / Под ред. В.А. Тишкова, М.Ю. Мартыновой, Н.М. Лебедевой. М., 2003.
- Межэтнические и конфессиональные отношения в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / Отв. ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.; Ижевск, 2013.
- Межэтнические и конфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе. Экспертный доклад / Отв. ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013.
- Межэтнические и конфессиональные отношения в Южном федеральном округе. Экспертный доклад / Отв. ред. В.А. Тишков, Л.Л. Хоперская, В.В. Степанов. М. – Ростов-на-Дону, 2013 и др.
- Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крымском федеральном округе. Экспертный доклад за первое полугодие 2015 года / Ред. Тишков В. А., Мануйлов А. Н., Степанов В. В. Москва – Симферополь: ООО «Антиква», 2015.
- Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад за первое полугодие 2015 года / Ред. Тишков В.А., Амелин В.В., Степанов В.В. М. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2015.
- Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад за первое полугодие 2016 года / Ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.; Оренбург; Ижевск: ООО ИПК «Университет», 2016.
- Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад за первое полугодие 2017 года / Ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.; Оренбург; Ижевск: Издательство Оренбургского государственного университета, 2017.
- Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе. Экспертный

- доклад за первое полугодие 2017 года / Ред. Е.В. Гросфельд. М.; Симферополь: Изд-во «Ариал», 2017.
- Межэтнические отношения и религиозная ситуация в субъектах Южного федерального округа. Экспертный доклад (по состоянию на первое полугодие 2015 года) / Под общей редакцией В.А. Тишкова. Ростов-на-Дону: Издательство Фонд науки и образования, 2015.
- Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе: (второе полугодие 2015 г.); экспертный доклад / Редкол.: В.А. Тишков, Г.С. Денисова. – Ростов-на-Дону: Изд-во “Фонд науки и образования”, 2016.
- Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе. Экспертный доклад (по состоянию на первое полугодие 2016 года) / Под общ. ред. акад. В.А. Тишкова. Ростов-на-Дону: Издательство Фонд науки и образования, 2016.
- Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крымском федеральном округе. Экспертный доклад за первое полугодие 2016 года / Ред. Е.В. Гросфельд. М.; Симферополь: ООО «Антиква», 2016.
- Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе (по состоянию на первое полугодие 2017 года). Экспертный доклад / под редакцией Г.С. Денисовой. Ростов-на-Дону: Издательство Фонд науки и образования, 2017.
- Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе. Экспертный доклад 2017. / под редакцией профессора Г.С. Денисовой. Ростов-на-Дону: Издательство Фонд науки и образования, 2017.
- Межэтнические отношения и этнокультурное образование в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад по итогам специсследования / Ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016.
- Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России / ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2016.
- Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России» / Ред. В.А. Тишков и В.В. Степанов. Москва: ИЭА РАН, 2016.
- Меняющаяся Европа. Проблемы этнокультурного взаимодействия / Отв. ред. М.Ю. Мартынова. М., 2006.
- Миграция и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений / Ред. В.В. Степанов. М.: Изд-во «Летний сад», 2015.
- Миграция и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений / Ред. В.В. Степанов. М., 2016.

- Миллер Г.Ф.* История Сибири / Отв. ред. С.И. Вайнштейн и Е.П. Батянова. М.: Восточная литература, 2005.
- Мировоззрение и культура севернорусского населения / Отв. ред. И.В. Власова. М.: Наука, 2006.
- Миссонова Л.И.* Уйльта Сахалина: большие проблемы малочисленного народа. М., 2006.
- Модернизация экономики и самоуправления в республиках Северного Кавказа и швейцарский опыт организации общества и экономики / Под общей ред. И.Л. Бабич, М.Ю. Мартыновой, Ю.В. Вирт. М.: ИЭА РАН, 2013.
- Молодежь в малых городах России. Заметки социального антрополога. / Отв. ред. и составители М.Ю. Мартынова, Н.А. Белова. М.: ИЭА РАН, 2016.
- Молодежь в полиэтничных регионах Приволжского федерального округа / Отв. ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013.
- Молодые москвичи. Кросскультурное исследование» / Отв. ред. М.Ю. Мартынова, Н.М. Лебедева. М., 2008.
- Мониторинг реализации государственной национальной политики в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / Ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.; Оренбург; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2017.
- Морозов И.А., Слепцова И.С.* Круг игры: Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (конец XIX – начало XX в.). М., 2004.
- Московская модель этнической политики / Ред. О.В. Кульбачевская, В.В. Степанов. М.: Росинформагротех, 2015.
- Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизация / Отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе. М.: Три квадрата, 2015.
- Народы России. Атлас культур и религий / Под ред. А.В. Журавского, О.Е. Казьминой, В.А. Тишкова. М., 2009.
- Народы Северного Кавказа и культурная глобализация / Отв. ред. И.Л. Бабич. М., 2010.
- Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007.
- Наша повседневная жизнь. Антропологические исследования ученых России и Сербии / Под ред. М. Мартыновой и Д. Радойич. М., 2008.
- Нитобург Э.Л.* Русские в США: История и судьбы, 1870–1970: Этноисторический очерк. М: Наука, 2005.
- Новикова Н.И.* Охотники и нефтяники: Исследование по юридической антропологии. М.: Наука, 2014.

- Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции / Под ред. В.В. Степанова, В.А. Тишкова. М., 2008.
- Обзор важнейших работ института за предшествующий период см.: Чистов К.В. Из истории советской этнографии 30–80 годов XX века. К 50-летию Института этнографии АН СССР // Советская этнография. 1983. № 3.
- Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии / Отв. ред. Новикова Н.И. М., 2003.
- Остапенко Л.В., Субботина И.А., Нестерова С.Л.* Русские в Молдавии: двадцать лет спустя (этносоциологическое исследование). М.: ИЭА РАН, 2012.
- Очерки русской народной культуры / Отв. ред. И.В. Власова. М.: Наука, 2009.
- Памирские экспедиции графа А.А. Бобринского 1895–1901 годов: этнографический альбом: фотографии Н.В. Богоявленского / Отв. ред. В.А. Тишков, авт. каталога М.Б. Лейбов, Д.Н. Худоназаров. М.: Наука, 2013.
- Поле как жизнь: К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН / Отв. ред. Е.А. Пивнева. М.; СПб.: Нестор-История, 2017.
- Постсоветские трансформации: политика идентичности и природопользование в России / Ред. Х. Бич, Д. Функ, Л. Силланпяя. Упсала, 2009 / Beach H., Funk D. & Sillanpää L. (Eds.) Post-Soviet Transformations: politics of identity and resource use in Russia. Acta Univ. Ups., Uppsala Studies in Cultural Anthropology No.46, Uppsala, 2009.
- Право в зеркале жизни. Исследования по юридической антропологии / Отв. ред. Новикова Н.И. М., 2006.
- Право на этнокультурное образование: модель общественного мониторинга / Ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М., 2017.
- Праздничная и обрядовая пища народов мира» / отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М., 2017.
- Практика постсоветских адаптаций народов Сибири / Отв. ред. Д.А. Функ, Х. Бич, Л. Силанпяя. М., 2006.
- Пушкарева Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007.
- Реализация гуманитарного предметно-дисциплинарного цикла в школах и вузах в аспекте формирования российской идентичности, воспитания гражданской ответственности и солидарности в регионах Северо-Кавказского федерального округа. Экспертный доклад. Научное издание / Научн. конс. В.А. Тишков, отв. ред. М.А. Аствацатурова. Пятигорск: ПГУ, 2017.
- Репрессированные этнографы / Отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М., 2003.

- Республики Северного Кавказа: этнополитическая ситуация и отношения с федеральным центром / Науч. ред. и сост. И.Г. Косиков. М.: МАКС Пресс, 2012.
- Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение / Под редакцией В.А. Тишкова; авторский коллектив: В.А. Тишков, О.П. Коломиец, Е.П. Мартынова, Н.И. Новикова, Е.А. Пивнева, А.Н. Терехина. М.; СПб.: Нестор-История, 2016.
- Российская нация: Становление и этнокультурное многообразие / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2011.
- Российский Кавказ. Книга для политиков. М., 2007.
- Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал» / Ред. В.А. Тишков и др. М.: ИЭА РАН, 2014.
- Россия в Калифорнии. Русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях, 1803–1850 / Составление и подготовка издания: А.А. Истомин, Дж Р. Гибсон, В.А. Тишков. М.: Наука, 2005.
- Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки / Отв. ред. В.А. Липинская. М.: Индрик, 2011.
- Русские начала XXI века: историческая память, самосознание и культура / отв. ред. А.В. Буганов. М., 2017.
- Русские Рязанского края. Т. 1-2 / Отв. ред. С.А. Иникова. М.: Индрик, 2009.
- Русские: история и этнография / Ред. И.В. Власова, В.А. Тишков. М.: АСТ, Олимп, 2008.
- Русские: история и этнография / Ред. И.В. Власова, В.А. Тишков. М.: АСТ: Олимп, 2008.
- Русские: этнокультурная идентичность / Отв. ред. и сост. И.В. Власова. М.: ИЭА РАН, 2013.
- Рыжакова С.И.* Culturalettica: латышская национальная культура и этническая идентичность. М., 2017.
- Рыжакова С.И.* Фуксы, коммильтоны, филистры: очерки о студенческих корпорациях Латвии. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- Рыжакова С.И., Завьялова М.В.* Этнические образы и стереотипы: по результатам сравнительного исследования среди молодежи Латвии и Литвы (1999 – 2003). М., 2008.
- Савоскул С.С.* Мой Переславль. О локальном самосознании личности. М.: ИЭА РАН, 2015.
- Святыни и святость в жизни русского народа: этнографическое исследование / Отв. ред. и сост. О.В. Кириченко. М.: Наука, 2010.
- Святыни русского зарубежья в США / Автор-составитель и отв. ред. Т.В. Таболина. М., 2006.
- Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера России / Отв. ред. Н.И. Новикова, Д.А. Функ. М., 2012.

- Северный Кавказ: профилактика конфликтов / Ред. А. Айрапетян, Ю. Анчабадзе, А. Булатов, Л. Соловьева. М., 2008.
- Ситнянский Г.Ю. Бушков В.И.* Миграции населения в Центральной Азии: прошлое, настоящее и будущее. М.: ИЭА РАН, 2016.
- Скоробогатая А.А.* Этническая идентичность и межкультурное взаимодействие в Северной Башкирии. М., 2008.
- Соколова З.П.* «Северные ханты (Полевые дневники)». М.: ИЭА РАН, 2011.
- Соколова З.П.* Народы Западной Сибири. Этнографический альбом. М.: Наука, 2007.
- Соколова З.П.* Этнограф в поле: Западная Сибирь. 1950-1980-е годы: Полевые материалы, научные отчеты и докладные записки. М.: Наука, 2016.
- Состояние межнациональных отношений и религиозная ситуация в СКФО (по состоянию на первое полугодие 2015 г.): экспертный доклад / под ред. В. А. Тишкова. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015.
- Состояние межнациональных отношений и религиозная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа (первое полугодие 2016 г.): экспертный доклад / Под общ. ред. акад. В.А. Тишкова. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016.
- Состояние межэтнических отношений и религиозная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа: экспертный доклад / научн. ред. В.А. Тишков. Ставрополь: СКФУ, 2017.
- Состояние научной экспертизы межэтнических и конфессиональных отношений в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / Отв. ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.; Ижевск, 2013.
- Состояние научной экспертизы по проблемам этнической истории, культуры, межэтнических и конфессиональных отношений в Северо-Кавказском федеральном округе. Экспертный доклад / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: ИЭА РАН; Пятигорск: Изд-во ПГЛУ. 2013.
- Социальные факторы этнической нетерпимости (итоги междисциплинарного исследования) / Ред. В.В. Степанов, В.А. Тишков. М.: ИЭА РАН, 2014.
- Социокультурная коммуникация у народов Кавказа / Отв. ред. Н.Д. Пчелинцева, Л.Т. Соловьева. М., 2016.
- Социокультурная коммуникация у народов Кавказа / отв. ред. Н.Д. Пчелинцева, Л.Т. Соловьева. М., 2017.
- Таболкина Т.В.* Русский дом на Тубабао. М.: Дарь, 2016.
- Татарко А.Н., Козлова М.А., Лебедева Н.М.* Психологические исследования социокультурной модернизации. М., 2008.

- Тишков В.А.* Горизонты российской этнологии. К 70-летию Института этнологии и антропологии РАН // Новая и новейшая история. 2002. № 5.
- Тишков В.А.* Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. СПб.: Алетей, 2008.
- Тишков В.А.* Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
- Тишков В.А.* Тундра и море. Чукотско-эскимосская резьба по кости. М.: Индрик, 2008.
- Тишков В.А., Пивнева Е.А.* Этнологические и антропологические исследования в российской академической науке // Новая и новейшая история. 2010. № 2.
- Тишков В.А., Степанов В.В.* Измерение конфликта. М., 2004.
- Тишков В.А., Шабает Ю.П.* Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. М.: Наука, 2011.
- Толерантность и культурная традиция / Отв. ред. М.Ю. Мартынова. М., 2002.
- Традиции и инновации в истории и культуре / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.А. Тишков. М., 2015.
- Традиционная культура русского народа в период 1920 – 1930-х годов: трансформации и развитие / Отв. ред. В.А. Липинская. М.: Индрик, 2016.
- Традиционная материальная культура сельского населения Кубы / Отв. ред. Э.Г. Александренков, А.Х. Гарсия Далли. М., 2003.
- Три века российской этнографии: страницы истории / Отв. ред. А.А. Сирина, составители: А.А. Сирина, А.И. Терюков, М.Ф. Хартанович. М., 2017 (электронное издание).
- Труды ученых Института этнологии и антропологии РАН. 1990–2002: Тематический указатель / Сост. О.Л. Милова. М., 2003.
- Гумаркин Д.Д.* Белый папуас. М.: Восточная литература, 2011.
- Гумаркин Д.Д.* Миклухо-Маклай. Две жизни «белого папуаса». М.: Молодая гвардия. 2012.
- Фаис-Леутская О.Д.* Модернизация в Сардинии и этнокультурные трансформации. М., 2003.
- Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов / Ред. В.А. Шнирельман, А.Е. Петров. М.: ИА РАН, 2011.
- Федянович Т.П.* Мордва: Материалы Мордовской этнографической экспедиции, 1953–1969. М.: Наука, 2011.
- Феномен идентичности в современном гуманитарном знании / Составители: М.Н. Губогло, Н.А. Дубова. М.: Наука, 2011.

- Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты / Отв. ред. С.Н. Абашин и В.И. Бушков, М.: Наука, 2004.
- Фролова А.В.* Русский праздник. Традиции и инновации в праздниках Архангельского Севера XX – начала XXI века / Отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: Феория: Дизайн. Информация. Картография, 2009.
- Фролова А.В.* Центральная Россия в фотографиях З.З. Виноградова (из архива Института этнологии и антропологии РАН). Этнографический альбом. М., 2017.
- Функ Д.А.* Миры шаманов и сказителей (комплексное исследование телеутских и шорских материалов). М.: Наука, 2005 и др.
- Хлеб в народной культуре: Этнографические очерки / Под ред. С.А. Арутюнова, Т.А. Ворониной. М.: Наука, 2004.
- Хмельное и иное: напитки народов мира / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М.: Наука, 2008.
- Христианство на Северном Кавказе: история и современность / Отв. ред. И.Л. Бабич, Л.Т. Соловьева. М.: ИЭА РАН, 2011.
- Цаллагова З.Б.* Осетинская народная афористика: поэтика, исторические корни, этнографические реалии. Владикавказ: Издательство СОГУ, 2016.
- Церковные праздники русского народа: от прошлого к настоящему: Сб. ст. и очерков / Под ред. О.В. Кириченко. М., 2011.
- Цеханская К.В.* Иконопочитание в традиционной культуре. М., 2004.
- Цеханская К.В.* Почитание православных святых в России. М.: ИЭА РАН, «Паломник», 2013.
- Цулая Г.В.* Силуэты Грузии. М., 2007.
- Шадринск, 2011; *Мартынова Е.П., Новикова Н.И.* Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения. М., 2012.
- Широкогоров С.М.* Письма В.М. Алексееву (1927–1932) / Отв. ред. А.А. Сирина, вступит. статья, комментарии и аннот. указатели: А.А. Сирина, А.А. Закурдаев. М.: Наука–Восточная литература, 2016.
- Широкогоров С.М.* Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географическом распространении и истории этих групп) / Отв. редакторы и составители А.А. Сирина, В.Н. Давыдов; Ин-т этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. М., 2017.
- Шнирельман В.А.* «Порог толерантности»: идеология и практика нового расизма. Т. 1-2. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Шнирельман В.А.* Арийский миф в современном мире. Т. 1-2. М.: НЛЮ, 2015.
- Шнирельман В.А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

- Шнирельман В.А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003.
- Шнирельман В.А.* Колено Даново: эсхатология и антисемитизм в современной России. М., 2017.
- Шнирельман В.А.* Лица ненависти (антисемиты и расисты на марше). М., 2005. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2010.
- Шнирельман В.А.* Очерки современного расизма. Петрозаводск: Скандинавия, 2006.
- Шнирельман В.А.* Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М.: ББИ, 2012.
- Шнирельман В.А.* Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. М.: Мосты культуры-Гешарим, 2012.
- Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов / Ред. В.Ю. Зорин, Р.А. Старченко, В.В. Степанов). М., 2017.
- Этническая политика в странах Балтии / Отв. ред. В.В. Полещук, В.В. Степанов. М.: Наука, 2013.
- Этническая толерантность в поликультурных регионах России / Отв. ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. М., 2002.
- Этнические категории и статистика. Дебаты в России и во Франции / Ред. Е.И. Филиппова. М., 2008.
- Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М., 2017.
- Этничность и религия в современных конфликтах / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2012.
- Этнокультурное взаимодействие в Евразии / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин, В.А. Тишков. Кн. 1-2. М., 2006.
- Этнокультурное наследие народов Севера России / Отв. ред. Е.А. Пивнева. М.: Август Борг, 2010.
- Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / Ред. В.А. Тишков, В.С. Воронцов, В.В. Степанов. М.; Оренбург; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2017.
- Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе / Ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.; Оренбург; Ижевск, 2017.
- Этнокультурные процессы в Гродненском Помеманье. Прошлое и настоящее. Минск, 2013.
- Этнологический мониторинг: разработка фундаментальных подходов этнополитического мониторинга для оптимизации межнацио-

нальных отношений и предотвращения конфликтов в России / Ред. М.Ю. Мартынова, В.В. Степанов. М., 2017.

Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра / Отв. ред. В.А. Тишков, М.Я. Устинова. М.: Наука, 2007.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Т.Я. Хабриева,
Л.В. Андриченко

Ключевая роль в изучении межнациональных отношений изначально отводилась антропологии, социологии, политологии, философии; в современный период эта доминанта сохраняется, доля специальных юридических исследований не так велика – она не превышает 20% от общего числа.

Подобный дисбаланс объясняется спецификой роли и особенностями функций юридической науки. В некотором смысле исследования юридической науки служат завершающим этапом научного познания, являются своего рода надстройкой над многослойным фундаментом, созданным иными гуманитарными отраслями науки. Юридическая наука призвана определить место предлагаемых ими научных достижений и результатов, если таковое в принципе возможно, в правовой действительности, в системе государственного управления, предоставляя возможность научным идеям воплотиться в реальности. В этом состоит *прикладная роль* юридической науки: именно посредством специально-юридических методов и средств происходит внедрение научно-обоснованных рекомендаций и предложений по совершенствованию управления межнациональными и межэтническими отношениями в правовую систему.

В частности, сегодня перед юридической наукой стоит задача определить возможность и параметры внедрения института

национальной идентичности при условии, что конституционные нормы устанавливают право каждого определять свою национальность по своему усмотрению.

Нельзя не отметить *опережающую роль* юридической науки, позволяющую разрабатывать новые подходы к существующему правовому регулированию, как это имело место в случае возрождения идеи национально-культурной автономии в России. Законодательно поддержанная практика ее создания, очевидно, имела и имеет серьезное стабилизирующее значение.

Представляется важной и *прогностическая функция* юридической науки, позволяющая снизить риски наступления неблагоприятных последствий реализации управленческих решений. К сожалению, в отличие от советского периода, интерес к юридическому прогнозированию в настоящее время несколько утрачен.

Смена научных парадигм на рубеже веков привела к тому, что современная наука стала больше ориентироваться на практические решения, исследования приобрели в основном *«ситуационный»* характер, обеспечивая реализацию, скорее, краткосрочных задач, чем поиск незыблемых научных истин, либо принципиально новых научных продуктов. Большинство научных правовых исследований межнациональных и межэтнических отношений сегодня также носят *прикладной, прагматический характер*, отличаются относительно узким предметом исследования и далеко не всегда содержат комплексный анализ более общих проблем.

При этом развитие отраслей науки формируется в условиях перманентно сменяющихся друг друга геополитических, социально-экономических вызовов и угроз, во многом определяется проводимой в стране государственной политикой, причем наиболее подвержена влиянию этих факторов именно юридическая наука.

Однако изменение ориентиров, параметров научных исследований не привело к полной утрате интереса к фундаментальным направлениям развития юридической науки, что видно, в частности, на примере, в том числе, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, в котором уже на протяжении многих лет готовятся концепции развития российского законодательства, включающие исследование тенденций и перспектив развития законода-

тельства в области межнациональных отношений [Научные концепции развития российского законодательства, 2015: 97–98], а также сформировалась своя научная школа по данному направлению [Страницы истории и очерки о научных школах Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015: 406–421].

Нельзя не учитывать, что достаточно серьезный фундамент для развития современной правовой науки был заложен трудами дореволюционных правоведов [Гессен, 1902.; Градовский, 1875. (том I), 1876 г. (том II), 1883 г. (том III); Загоскин, 1891. XXVIII; Коркунов, 1898; Коркунов, 1892; Коркунов, 1908; Коркунов, 1915; Котляревский, 1907; Котляревский, 1912; Котляревский, 1906; Кистяковский, 1916; Ковалевский, 1880; Ковалевский, 1886; Ковалевский, 1896; Ковалевский, 1911; Корф, 1915. Ч. 1; Шершеневич, 1911; Шершеневич, 1912] и советских ученых [Жвания, 1959; Дурденевский, 1924. Т. 16. Вып. 1.; Советский федерализм, 1930: 210–219; Котляревский, 1926: 34–37; Югай, 1940. Вып. 1.; Югай, 1952. Вып. 3; Мулукаев, 1960; Болтенкова, 1989; Тузмухамедов, 1963] – представителей, прежде всего, науки государственного (конституционного) права.

К работам этих ученых всегда обращались ученые – юристы, находя в них ответы и на решение современных проблем. Многие полученные, особенно в дореволюционный период, результаты остаются актуальными и востребованными в наши дни.

В этот период закладываются основы методологии юридической науки, а также зарождается социологическое направление юриспруденции, к сожалению, сейчас почти утраченное. Особую ценность представляют труды по естественному праву и учению об обществе; не меньшее значение имеют исследования проблем автономии [Лазаревский, 1908; Лазаревский, 1913; Корф, 1915. Ч. 1.; Корф, 1915], федерализма [Кульчицкий (Мозовецкий), 1907; Яценко, 1909], самоуправления [Васильчиков, 1872. Т. 2]. Именно в этот период в России проводятся первые значительные теоретико-правовые исследования сущности национального государства, прорабатываются определения категорий «народность», «нация» и др.; происходит развитие концепции права народов на самоопределение. Эти направления становятся ис-

ходными для развития в последующем юридической теории в области межнациональных отношений, в том числе и в территориальном аспекте.

Исследования советского периода, хотя их было в юридической науке не так много, к тому же немалая часть из них носила схоластический характер. Научные исследования проводились под эгидой принципа единства народов, но они также затрагивали фундаментальные и практические проблемы того периода. Основными направлениями исследований «советской» юридической науки являлись: сближение социалистических наций и народностей; национальная государственность и национальный суверенитет [Тузмухамедов, 1963]; изучение племени, народности, нации как исторических форм общности [Жвания, 1959]; языковое строительство и др. Значительное внимание уделялось национально-территориальной автономии [Дурденевский, 1924. Т. 16. Вып. 1; Дурденевский, 1930: 210–219; Котляревский, 1926. № 6; Котляревский, 1906: 114–117; Мулукаев, 1960; Югай, 1940. Вып. 1.; Югай, 1952. Вып. 3], но это являлось больше результатом приверженности общему руслу государственной политики того периода.

Имеющаяся методология современной юридической науки позволяет проводить исследования как *фундаментального, так и прикладного* характера, и, таким образом, выходить за рамки законодательного регулирования.

Юридическая наука способна решать общие, фундаментальные задачи – *проектируя саму систему* общественных отношений на основе достаточно разнородных данных и научно-обоснованных выводов других отраслей гуманитарных наук, определяя ее устойчивость, выявляя закономерности ее существования и развития, обобщая и формализуя характеристики наиболее значимых свойств субъектов этих отношений – в этом специфика инструментария юридического познания. Именно от полученных юридической наукой результатов во многом зависит дальнейшее развитие отношений уже на основе четких юридических норм и правил, равно как и качество, и эффективность законодательного обеспечения принимаемых управленческих решений.

При этом решение проблем межнациональных и межэтнических отношений во многих случаях требует *сочетания междисциплинарного и узкоспециализированного подходов*.

Для обеспечения научного познания правовая наука использует сложный инструментарий – помимо формально-логических методов, которые в юридической науке преобладают, поскольку именно они позволяют предложить новую правовую конструкцию существования тех или иных отношений, используются многие другие методы, обеспечивающие «сращивание» юридической науки с иными отраслями знания: историко-правовые, социологии права, экономико-правовые и др.

Посредством специально-юридических методов и средств осуществляется исследование теоретико-правовых проблем предотвращения любых форм дискриминации по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности; проблем ксенофобии, мигрантофобии и экстремизма. Кроме того, они позволяют определить влияние конституционных ценностей в этнически сложных государствах на развитие и гармонизацию межнациональных отношений, формирование гражданской идентичности, межэтнической толерантности, патриотического сознания, гражданской ответственности и солидарности.

Методологическая сложность изучения межнациональных отношений обусловлена их многогранностью, что зачастую для юридической науки предполагает наличие уже предварительно сформированного научного фундамента в виде комплексного исследования этих отношений с помощью привлечения методов целого ряда общественных наук – этнологии, социологии, политологии, психологии, экономической науки и др.

КАТЕГОРИАЛЬНО-ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ

Центральное место в юридических исследованиях межнациональных отношений на всех этапах развития, независимо от основных направлений проводившихся исследований, всегда отводилось анализу категориально-понятийного аппарата.

В современной юридической науке категориально-понятийный аппарат, определяющий коллективных и индивидуальных субъектов межнациональных отношений, – одно из наиболее проблемных мест, несмотря на имеющиеся научные исследования.

Так, до сих пор не выработаны унифицированные понятия и категории, позволяющие определить содержательные границы понятий «нация», «национальность», «этнос», «народ», «коренные народы», «народность» и др. Причем многие исследователи сомневаются, а могут ли они быть выработаны вообще. Хотя данные понятия – одни из наиболее глубоких фундаментальных понятий в теории межнациональных отношений, использование которых дает возможность раскрытия новых свойств и развертывания новых теоретических построений.

В этой связи нельзя не вспомнить, как еще в начале прошлого столетия юрист-социолог Б.А. Кистяковский писал, что история всех наук показывает, что «на первых стадиях ... они [понятия] очень долго, исследуя определенные круги явлений, ... отшлифовываются и только затем становятся более правильными. Иначе и быть не может, так как истинное понятие какого-нибудь явления возможно только при полном знании его, а полное знание создается лишь продолжительной и упорной научной практикой» [*Кистяковский*, 1916: 374–389, 405–406].

Наличие столь серьезных проблем с категориально-понятийным аппаратом обусловлено рядом причин.

Во-первых, если в иных общественных науках ситуация упрощается возможностью заимствования и адаптации понятий, в том числе из специальной терминологии зарубежных наук, то в юридической науке не всегда имеется возможность такого заимствованного использования, поскольку категориально-понятийный аппарат, разработанный в рамках иных отраслей общественных наук, чаще всего трудно переложить на язык закона.

Таким образом, особые подходы к развитию категориально-понятийного аппарата в этой сфере определяются спецификой самой правовой формы, посредством которой обеспечивается защита прав субъектов межнациональных отношений – уровень этой формы в государстве наиболее высок. Он всегда предпола-

гает издание федерального закона, поскольку касается развития конституционной правосубъектности основных субъектов межнациональных отношений.

Во-вторых, для развития юридического категориально-понятийного инструментария дополнительные сложности возникают из-за того, что особую роль здесь всегда играет официальная концепция самого государства¹, которая ставит более строгие рамки для исследователей – юристов.

В-третьих, как правило, многие понятия в сфере межнациональных отношений охватить одним определением невозможно, а введение *конкурирующих понятий* только затруднит возможности применения соответствующих норм.

Действительно, нельзя не согласиться, что большинство понятий – это настолько сложные по содержанию и многообразные по конкретным параметрам явления, что охватить каждое из них каким-либо одним определением, не искажая их сущности и не оставляя в стороне их существенные черты, не представляется возможным. Конкурирующие понятия «нация», «народ» и «этнос» вызывают споры в применении принципа самоопределения [Хабриева, 2010: 13–31; Андриченко, 2005: 17–106].

Для целей юридической науки многозначность указанных понятий обуславливает необходимость их дифференциации и установления конкретного значения с учетом имеющегося контекста и целевой установки их использования. То есть, важно различать цели использования соответствующих понятий.

Для этнографии народ – это население, имеющее свой особый уклад жизни, традиции и обычаи, сохранившиеся уникальные черты психического склада, оригинальную культуру и т.д., а для конституционного права – общность, являющаяся источником государственной власти. Для целей международного общения народ (или нация) – это субъект международных правоотношений, который обладает соответствующей правоспособностью. Для целей, например, национально-культурной ав-

---

¹ В данном случае – это Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2015 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666).

тономии народ (или нация, национальность, этническая общность) – это совокупность граждан, осознающих свое общее этническое происхождение и поэтому желающих сохранять и приумножать свои особенные культуру, язык независимо от типичных для данного общества институтов культурной жизни. Таким образом, именно с учетом контекста использования этих понятий, формируются правовые концепции, которые ложатся в основу различных правовых актов [Хабриева, 2010: 17].

При этом нельзя не признать, что юридическая наука все же достигла определенных успехов в разработке целого ряда понятий, успешно применяемых не только на уровне правовых актов, но и используемых другими общественными науками. Речь, прежде всего, идет о формировании понятийных рядов, связанных с такими категориями, как «национально-культурная автономия» [Хабриева, 2003], «национальное меньшинство», «коренной малочисленный народ» [Андриченко, 2005], «традиционное природопользование малочисленных народов» [Кряжков, 2010], «общины коренных малочисленных народов» [Кряжков, 2015: 49–58.] и др.²

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Субъектами межнациональных отношений выступают как индивидуальные, так и коллективные субъекты – человек, народ, нации, этнические группы, территориальные единицы, наконец, само государство. Статус большинства субъектов межнациональных отношений обусловлен конституционными нормами,

---

2 Некоторые из указанных понятий нашли отражение в таких Федеральных законах, как: от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии»; от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»; от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»; от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» и др.

так как непосредственно касается сущности и построения самого государства, основных прав личности, отражает многоуровневую структуру построения общества, основные ценностные ориентиры его развития.

В то же время в юридической науке исследование межнациональных отношений выходит далеко за рамки анализа только правового статуса субъектов этих отношений. Особое внимание в научной юридической литературе всегда уделялось проблемам этнического самоопределения.

Юридические исследования демонстрируют *длительную эволюцию права на самоопределение*, его метаморфозы под влиянием объективных цивилизационных процессов и в сопряжении с ними. Идет постоянный поиск таких институтов и форм, которые использовали бы позитивные стороны в развитии самоопределения и преодолевали, отсекали отрицательные черты, некоторые его разрушительные свойства, позволяли сформулировать юридическую конструкцию взаимоотношений этноса и государства. Осуществляются исследования юридического содержания права на самоопределение на уровне его форм, субъектов, толкования, пределов, в том числе осмысление особенностей реализации права на самоопределение в многонациональных государствах, имеющих различные формы правления и государственно-территориального устройства [Черниченко, 1999; Тузмухамедов, 1963; Тэпс, 2005; Сампиев, 2004; Сумачева, 2013; Султанов, 2016].

Современный подход к решению этого вопроса *дистанцирован* от предшествовавшего ему подхода, учитывавшего только один из возможных аспектов проблемы – самоопределение «вплоть до отделения», который в современных условиях способен провоцировать деструктивные и не поддающиеся регулированию процессы, включая сепаратизм и этнические конфликты [Каранетян, 1996; Каранетян, 2001].

Решение национального вопроса, установление позитивных отношений между различными этносами государства предполагает использование не только известных *территориальных форм* самоопределения, но и иных, *экстerrиториальных форм*, одной из которых является *национально-культурная автономия*, и которые в определенных условиях могут рассматриваться как

полноценная альтернатива и как способ самоорганизации этноса, наилучшим образом учитывающий его исторические особенности, культурные, религиозные и иные интересы.

Более того, современное понимание этих процессов приводит к тому, что самоопределение вообще не сводится только к выбору той или иной формы территориальной или экстерриториальной самоорганизации, поскольку это – только один аспект проблемы. В широком социальном плане речь идет о выборе народом форм собственного социально-экономического, политического, духовного и юридического бытия, способом и формой фиксации которого является Конституция, и в этом другой ее аспект, без учета которого невозможно составить цельную картину реализации данного права [*Хабриева, 2010: 17*].

Таким образом, современная наука исходит из *многообразия моделей самоопределения этносов*, различных *юридических форм его воплощения*, что соответствует политической и правовой природе этого явления. При этом данное право неразрывно связано с различными формами юридического бытия государства и само требует известной формализации, а в свете сложных и многомерных процессов глобализации – учета и новейших региональных интеграционных процессов.

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АСПЕКТЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА

Особый акцент юридическим исследованиям межнациональных отношений всегда придает их анализ в контексте территориального устройства государства, особенно если это касается федеративных государств.

Нельзя не отметить, что в юридических исследованиях в рамках данного направления произошла существенная эволюция: начиная от провозглашения *кооперативного федерализма*, как одной из форм нецентрализованной федерации, с упором на большие возможности национальных субъектов Российской Федерации, в том числе и по вопросам так называемого «разделе-

ния суверенитета», до перехода к модели *реального федерализма*, отвечающего историческим традициям и современному состоянию государства – в Российской Федерации это препарировалось в достаточно жесткое разграничение полномочий как «по вертикали», так и «по горизонтали», с сохранением отдельных прав национальных субъектов Федерации.

В связи с исследованием межнациональных отношений важен аспект федерализма не просто как состояния, а как *процесса* – на *стадии учреждения* федеративного государства (субъекты, включая этнические общности; условия объединения, в том числе условия децентрализации в интересах этнических общностей; закрепление конституционной модели федеративных связей субъектов федерации), на *стадии существования*, где также важен весь набор социальных элементов инфраструктуры федеративного государства (участие этносов в формировании органов государственной власти и органов местного самоуправления, прежде всего их правосубъектность в выборах; учет их интересов в реализации государственной политики; учет этнического компонента, включая межэтнические коммуникации, в правовой конструкции – их этнизация).

Исследование природы сложносоставного государства с многонациональным компонентом требует изучения государственно-территориальных образований, созданных по национально-территориальному принципу (особенностей их статуса, компетенции, правовых актов) [Кутафин, 2006; Хабриева, 2010], установленного разграничения полномочий между органами власти «по вертикали» по вопросам межнациональных отношений [Научные концепции развития российского законодательства..., 2015: 93–97; Конституционные основы разграничения полномочий между органами публичной власти..., 2015], соотношения федерального и регионального законодательства по данным вопросам [Хабриева, Андриченко, 2014: 423–444].

Анализ территориального устройства государства с точки зрения сложившихся в нем межнациональных отношений, проводится, таким образом, с учетом его многоуровневой структуры – от статуса отдельных муниципальных образований, до целых макрорегионов, например, Арктического региона, являю-

щегося территорией традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера.

Так, при разработке «Арктического права» особый упор всегда делался на определении места и роли в этой системе норм, направленных на защиту прав малочисленных народов Севера, имеющих во многом сходные свои устойчивые языковые, культурные и др. традиции, что дает возможность объединить их в одну арктическую (циркумполярную) цивилизацию, требующую наиболее бережного отношения к защите исконной среды обитания этих народов и их традиционного природопользования [Арктическое право: концепция развития..., 2014; Российская Арктика – территория права..., 2015; М., Салехард, 2016; М., Салехард, 2017]³.

Хотя направления юридических исследований проблем защиты прав коренных малочисленных народов, безусловно, значительно шире и не ограничиваются только вопросами Арктического права. Значительное место в таких исследованиях уделяется вопросам:

определения понятийно-категориального аппарата, применяемого для регулирования правового положения коренных малочисленных народов, его унификации;

исследованию процедуры отнесения лиц к коренным малочисленным народам, выработке критериев этнической идентификации;

анализу эффективности гарантий защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, включая гарантии и права коренных малочисленных народов при промышленном освоении земель; повышению качества жизни коренных малочисленных народов, в том числе в аспекте реализации экономических и социальных прав;

исследованию мер по сохранению духовных основ и защите культурного наследия коренных малочисленных народов;

---

³ Цикл исследований в области арктического права был проведен в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации с 2014 по 2017 годы.

анализу юридических процедур участия коренных малочисленных народов в принятии решений, затрагивающих права малочисленных народов;

определению роли этнологической экспертизы, порядка ее проведения в целях защиты прав коренных малочисленных народов при принятии решений о хозяйственном освоении территорий в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов.

Такие исследования проводятся юридической наукой на междисциплинарной основе, с привлечением методологии как отраслей публичного, так и отраслей частного права. Особое внимание исследованию данных вопросов традиционно уделяется в рамках таких юридических дисциплин, как конституционное, международное, административное, земельное, экологическое, гражданское право. В последнее время эти вопросы также привлекают внимание ученых – представителей других юридических наук (финансового права, трудового права, социального законодательства и т.д.).

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ

К числу наиболее значимых аспектов юридических исследований, без сомнения, следует отнести вопрос *статуса национального языка*.

Наличие национального языка рассматривается в качестве одного из ключевых признаков, определяющих национальную идентичность, в различных общественных науках. Однако именно юридическая наука определила весь возможный комплекс государственных гарантий, направленных на сохранение и развитие языков народов, обеспечение их равноправия [Васильева, 2005], обосновала запрет дискриминации по признаку языка [Доровских, 1996], обозначила, пусть и не в окончательном варианте, соотношение статуса государственного языка и иных языков, что особенно важно для федеративного государства [Воронцовский, 2009; Гришина, 2014].

Представляется, что языковая проблема имеет перманентный характер: принципы государственного регулирования, объем предоставляемых прав будут систематически меняться в зависимости от целей и задач государственной политики, меняющихся политических и культурных условий. Подобная динамика характерна и для научных исследований, в которых акценты периодически смещаются как в сторону монистического подхода развития языков, так и, наоборот, в направлении плюралистического подхода.

Определяя развитие правовых исследований по данному вопросу, нельзя не вспомнить слова классика отечественного правоведения Н.М. Коркунова. Взаимосвязь права с существом народного духа он сравнивал с языком: как язык, так и право не знают ни на мгновение абсолютного застоя, но, как и все стороны народной жизни, оно находится в постоянном движении и развитии, подчиняющемся, как и первое его проявление, закону внутренней необходимости [*Коркунов, 2015*].

Российская юридическая наука в вопросе национального языка четко следует международным стандартам – определяющая роль государственного языка не может подвергаться сомнению, однако она не должна вести к дискриминации прав национальных меньшинств на пользование родным языком.

В этой связи важно решить вопрос определения оптимального баланса с учетом имеющейся конкуренции этих двух конституционных ценностей: права человека на пользование родным языком и развитие государственного языка.

Как известно, именно российская юридическая наука оказала достаточно серьезное влияние на решение Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) по статье 7 Закона Украины «Об образовании», которая исключает возможность обучения на языке национальных меньшинств – начиная с 2020 года дети из неукраиноязычных семей не смогут получить среднее и высшее образование на родном языке.

Венецианской комиссией было отмечено, что государства должны обеспечивать такие условия, чтобы внедрение закона не ставило под угрозу сохранение культурного наследия мень-

шинств и непрерывность образования на языках меньшинств в традиционных школах.

Подобные рекомендации оказывают определяющее значение для развития юридической теории и практики всех стран, ратифицировавших Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, а также являются базой для развития законодательства всех стран мира.

Не секрет, что и в России сохраняются проблемы, с использованием языков народов, в том числе по вопросам графики национального языка, – эти проблемы требуют консолидированного решения со стороны различных наук, свою изначальную лепту должны внести этнологи, филологи, политологи, социологи, – именно они, прежде всего, должны сказать, не приведут ли такие проблемы к нарушению единства многонационального народа, его разобщению на основе национальных языков.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Вопросы предупреждения межнациональных и межэтнических конфликтов являются предметом исследования преимущественно психологии, социологии, политологии. Специальных юридических исследований по данной теме не так много. Тем не менее, как представляется, именно с помощью методов юридической науки, особенно методов социологии права, юридической психологии и юридической конфликтологии, должны быть сформированы научно-обоснованные предложения по совершенствованию системы мониторинга своевременного выявления и предупреждения межэтнических конфликтов, а также разработан организационно-правовой механизм реагирования на повышение социальной напряженности в целях недопущения таких конфликтов. Однако такой комплексный подход на уровне юридической науки к изучению этих вопросов еще в полной мере не реализован.

В основном исследования сводятся к определению наиболее оптимальных условий для развития этнокультурного многооб-

разия, формирования общероссийского гражданского самосознания и духовной общности народов; развитию теории равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств, защиты от дискриминации по указанным признакам; обеспечению гармонизации межнациональных отношений в аспекте национальной безопасности государства, защиты территориальной целостности и демократических ценностей; оптимизации разграничения полномочий в области гармонизации межнациональных отношений и защиты прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов. В последнее время внимание ученых-юристов привлекает также тема развития подходов к обеспечению прав различных категорий мигрантов, в том числе их социальной и культурной адаптации и интеграции в условиях иной этнокультурной среды [Хабриева, 2008].

Что касается вопросов исследования собственно наиболее эффективных способов предотвращения, своевременного и мирного разрешения межнациональных (межэтнических) противоречий и конфликтов, то объем таких исследований остается, к сожалению, незначительным, требует большей концентрации усилий на этом направлении.

В числе основных причин возникновения межнациональных конфликтов называются миграционные процессы, в результате которых на территории принимающих государств появляется новая, сплоченная по этническому или национальному признаку категория населения, состоящая из постоянно и временно проживающих иностранных граждан, как правило, в большей части социально изолированных от принимающего сообщества. Для исследования этих вопросов требуются совместные усилия специалистов в области миграции и межнациональных отношений. Примечательно, что нередко в рамках юридической науки, равно как и в социологии, одни и те же специалисты занимаются и теми, и другими вопросами, что, безусловно, повышает эффективность проводимых исследований.

К числу наиболее востребованных направлений научных исследований в данной сфере остаются вопросы оптимизации организационно-правового механизма реагирования на повыше-

ние социальной напряженности в целях недопущения межнациональных и межэтнических конфликтов; совершенствования системы мониторинга своевременного выявления и предупреждения межэтнических конфликтов; формирования механизма, позволяющего перевести межнациональные и межэтнические конфликты в правовое русло, как противодействие «теории управляемого хаоса» и др.

СООТНОШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Значительный пласт юридических исследований касается соотношения международного и национального права, в том числе по вопросам защиты так называемых «специальных» прав национальных меньшинств, коренных малочисленных народов, включая использование национального языка [Андриченко, 2005: 107–185; Гарипов, 2012].

Положения, содержащиеся в международных конвенциях и других документах международного права (Международных пактов о гражданских и политических правах, об экономических социальных и культурных правах; Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств; Конвенции № 169 МОТ «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах и др.), предлагают универсальные решения, но не все из них можно адаптировать к российским условиям. В частности, как известно, достаточно серьезная проблема в плане реальных возможностей государства (в силу его многонационального состава и наличия множества национальных языков и еще большего количества национальных диалектов) возникла в связи с ратификацией Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств (1992 г.). Вряд ли, несмотря на все значение языкового многообразия, в целях взаимного обогащения культур, в условиях такого многоязычия возможно в каждом регионе (под которым понимается далеко не только субъект федерации, но любой географический район) установ-

ление специального режима осуществления публичных функций, направленного на реализацию представителями меньшинств индивидуальных прав в области национального языка.

Это требует поиска новых вариантов решения проблемы использования национальных языков в сфере осуществления публичных функций, соизмеримого с российскими реалиями.

В целом оценивая положительно роль международного права в повышении эффективности защиты прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов, тем не менее, считаем, что высказываемые предложения по адаптации передовых мировых стандартов демократии и гражданского общества нуждаются в дополнительной научной оценке. Основная задача, которая стоит перед учеными, состоит в поиске оптимального баланса в заимствовании передового внешнего опыта и сохранения собственных ценностей и традиций, сформированных с учетом особенностей исторического и культурного развития.

НАПРАВЛЕНИЯ ДАЛЬНЕЙШИХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Таким образом, необходимо приложить дальнейших усилий по проведению фундаментальных научных исследований в сфере межнациональных отношений. Несмотря на значительный объем работ, посвященных межнациональным отношениям, до сих пор многие вопросы требуют своего решения именно юридической наукой.

В частности, к таковым можно отнести вопросы этнической идентификации и самоидентификации на групповом и личностном уровнях. Остается не до конца изученной правовая природа коллективных прав этнических общностей, в том числе в области сохранения культурного наследия, использования языка, защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни. Нуждаются в научном обосновании правовые механизмы урегулирования межнациональных конфликтов и правовые средства их предотвращения, исследования в целом правовых регуляторов межэтнических коммуникаций. Необходима дальнейшая

разработка основных методологических подходов к определению форм и способов адаптации и интеграции мигрантов в иноэтничной среде. До сих пор остаются нерешенными проблемы, связанные с разграничительной логикой использования ряда правовых понятий, в частности, дихотомизацией категорий «национальное» и «этническое»; «народ», «нация» и «этнос». Особую актуальность приобретают исследования способов имплементации международных стандартов в полиэтнических государствах, особенно с активным миграционным компонентом; унифицирующее влияние на локальные культуры и развитие межнациональных отношений факторов, имеющих глобальный или трансграничный характер и др.

Столь многие вопросы, нуждающиеся в дополнительном научном обосновании, обуславливают необходимость повышения роли юридической науки в изучении межнациональных отношений.

Развитие юридической науки в сфере межнациональных отношений, в том числе критическое осмысление созданного и функционирующего права, дает непосредственный импульс не только правотворчеству, но и совершенствованию всей правовой деятельности государства (формированию правовой культуры, правовому сознанию, правовому образованию, правовому информированию и др.), что особенно значимо в условиях многонационального государства.

Список литературы

- Андриченко Л.В.* Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации. – М.: ОАО «Издательский дом «Городец», 2005. 384 с.
- Арктическое право: концепция развития / А.И. Абрамова, В.Р. Авхадев, Л.В. Андриченко и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: ИД «Юриспруденция», 2014. 152 с.
- Болтенкова Л.Ф.* Межнациональные отношения в перспективе: субъективный взгляд юриста. М., 1989.

- Васильева Л.Н.* Законодательное регулирование использования языков в Российской Федерации. М.: Юстицинформ, 2005.
- Васильчиков А.И.* О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений: 3-е изд. Т. 2. СПб., 1872.
- Воронецкий П.М.* Конституционно-правовые проблемы статуса государственных языков республик в составе Российской Федерации. Дис. на соискание ученой степени канд. юрид. наук по специальности 12.00.02 – конституционное право, муниципальное право. [Место защиты: С.-Петербург. гос. ун-т]. Санкт-Петербург, 2009. 204 с.
- Гарипов Р.Ш.* Защита коренных народов в международном праве / Р.Ш. Гарипов. – Казань: Центр инновационных технологий, 2012. 256 с.
- Гессен В.М.* Возрождение естественного права. СПб., 1902.
- Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. Тома I–III. С.-Петербург, типография М. Стасюлевича, 1875 г. (том I), 1876 г. (том II), 1883 г. (том III).
- Гришина Е.П.* Реализация принципа национального языка судопроизводства при участии переводчика в уголовном процессе России. М.: Юрлитинформ, 2014.
- Гутарова Н.А.* Право народов на самоопределение: понятие, становление и проблемы реализации в современном мире. Ростов н/Д., 2013.
- Доровских Е.М.* Право и национальный язык: регулирование языковых отношений в Российской Федерации. М.: ИНИОН, 1996.
- Дурденевский В.Н.* Автономные республики в системе Союза ССР. Сборник трудов Иркутского Государственного университета: Факультет права и местного хозяйства. Правовое отделение. Иркутск, 1924. Т. 16. Вып. 1.
- Дурденевский В.Н.* Автономные республики и области в системе советского федерализма // Советский федерализм. Л., 1930. С. 210–219.
- Жвания Г.Е.* Международно-правовые гарантии защиты национальных меньшинств (Ист. очерк). Тбилиси, 1959. 132 с. (АН Груз. ССР. Ин-т экономики).
- Загоскин Н.П.* Наука истории русского права. Ее вспомогательные знания, источники и литература. Казань, Н. А. Ильяшенко, 1891. XXVIII, 530 с.
- Карапетян Л.М.* Федеративное государство и правовой статус народов. Федерализм. Суверенитет. Национальные меньшинства. Самоопределение. Территориальная целостность. Конфликты. М., 1996.
- Карапетян Л.М.* Федеративное устройство Российского государства. М.: Норма, 2001. 352 с.

- Кистяковский Б.А.* Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916.
- Ковалевский М.М.* Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения права. М., 1880.
- Ковалевский М. М.* Первобытное право. М., 1886.
- Ковалевский М.М.* Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. Опыт в области сравнительной этнографии и истории права. Вып. 1. СПб., 1911.
- Ковалевский М.М.* Современный обычай и древний закон. М., 1896.
- Конституционные основы разграничения полномочий между органами публичной власти: монография / А.Е. Постников, Л.В. Андриченко, А.Е. Помазанский [и др.]; отв. ред. Л.В. Андриченко, А.Е. Постников; ИЗиСП. М.: ИНФРА-М, 2015. 237 с.
- Кряжков В.А.* Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: НОРМА, 2010.
- Кряжков В.А.* Законодательство об общинах коренных малочисленных народов Севера как развивающаяся система // Государство и право. 2015. № 11. С. 49–58.
- Коркунов Н.М.* История философии права. С.-Петербург, типография М. М. Стасюлевича, 1915 г.
- Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. СПб., 1898.
- Коркунов Н.М.* Государство как юридическое отношение. СПб., 1892. 313 с.
- Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. СПб., 1908. 316 с.
- Корф С.А.* Русское государственное право. Ч. 1. СПб., 1915.
- Корф С.А.* Понятие суверенитета (К десятилетию манифеста 17-го октября). М., 1915.
- Котляревский С.А.* Правовое положение автономных республик // Советское право. 1926. № 6.
- Котляревский С.А.* Конституционное государство: опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907.
- Котляревский С.А.* Юридические предпосылки русских Основных законов. М., 1912.
- Котляревский С.А.* Национально-областной вопрос в программе конституционно-демократической партии // Российские либералы: кадеты и октябристы. М. 1906. С. 114–117.
- Кульчицкий (Мозовецкий) К.* Автономия и федерация в современных конституционных государствах. М., 1907.
- Кутафин О.Е.* Российская автономия. М.: Проспект, 2006.
- Лазаревский Н.И.* Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. – СПб., 1908. – 509 с.

- Лазаревский Н.И.* Русское государственное право. Т. 1. 3-е изд. СПб. 1913.
- Мулукаев Р.С.* Советская автономия. М, 1960.
- Научные концепции развития российского законодательства: монография. 7-е изд. доп. и перераб. / С.Е. Нарышкин, Т.Я. Хабриева, А.И. Абрамова и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: ИД Юриспруденция, 2015 г.
- Российская Арктика – территория права: альманах. Выпуск II. Сохранение и устойчивое развитие Арктики: правовые аспекты / С.Е. Нарышкин, Т.Я. Хабриева, Д.Н. Кобылкин и др.; отв. ред. В.П. Емельянцева, Е.А. Галиновская. М.: Правительство Ямало-Ненецкого автономного округа; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, М., Салехард; ИД «Юриспруденция», 2015. 392 с.
- Российская Арктика – территория права: альманах. Выпуск III. Сохранение и устойчивое развитие Арктики: Арктика в социально-правовом измерении / Т.Я. Хабриева, Д.Н. Кобылкин, В.П. Емельянцева и др.; отв. ред. В.П. Емельянцева, Е.А. Галиновская. М.; Салехард: Правительство Ямало-Ненецкого автономного округа; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2016. 216 с.
- Российская Арктика – территория права: альманах. Выпуск IV. Сохранение и устойчивое развитие Арктики. Правовое регулирование пространственного развития арктических территорий Российской Федерации (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) / Т.Я. Хабриева, Д.Н. Кобылкин, Л.В. Андриченко и др.; отв. ред. С.А. Боголюбов, В.П. Емельянцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Салехард: Правительство Ямало-Ненецкого автономного округа, 2017. 324 с.
- Самтнев И.М.* Самоопределение народов: теория и онтология. Ростов н/Д., 2004.
- Страницы истории и очерки о научных школах Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации / [Е.А. Прянишников, Т.Я. Хабриева, В.И. Лафитский и др. 4-е изд., доп. и перераб. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. С. 406–421.

- Султанов А.Х.* Право наций на самоопределение: теория и практика. Уфа, 2016.
- Сумачева М.В.* Право народов на самоопределение и формы его реализации в Российской Федерации. Екатеринбург, 2013.
- Тузмухамедов Р.А.* Национальный суверенитет. М.: Прогресс, 1963.
- Тэкс Д.* Проблемы национального самоопределения в условиях реформирования российского федерализма. СПб, 2005.
- Хабриева Т.Я., Андриченко Л.В.* Конституционные основы межнациональных отношений // Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного Закона России): монография / под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: ИЗиСП, ИД «Юриспруденция», 2014. С. 423–444.
- Хабриева Т.Я.* Миграционное право России: теория и практика. – М.: Юридическая фирма «Контракт», 2008. – 336 с.
- Хабриева Т.Я.* Национально-культурная автономия в Российской Федерации. М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2003. 256 с.
- Хабриева Т.Я.* Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2010.
- Черниченко С.В.* Содержание принципа самоопределения народов: современная интерпретация. М., 1999.
- Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. М., 1912.
- Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права: лекции профессора Московского университета Г.Ф. Шершеневича, читанные в Московском Коммерческом Институте в 1909/10 г. М., 1911.
- Югай А.Ф.* Природа и правовое положение автономных советских социалистических республик в системе Союза ССР. Ученые записки Саратовского юридического института имени Д.И. Курского. Саратов. 1952. Вып. 3.
- Югай А.Ф.* Развитие автономных советских социалистических республик. Ученые записки Саратовского юридического института. Саратов. 1940. Вып. 1.
- Яценко А.С.* Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. СПб., 1909.

ИЗУЧЕНИЕ ЭТНИЧНОСТИ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОЦИОЛОГИИ*

Л.М. Дробижева

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Этносоциология или социология расовых и этнических отношений как называется это направление в англоязычной литературе, рождалась и развивалась как научное направление в связи с потребностью общества понять, почему этничность встречается в разных жизненных обстоятельствах, во взаимодействиях людей, в дискурсах, идеологемах, когнитивных схемах, общественных и государственных проектах, националистической риторике, институциональных формах и информационных сетях. Развитие социологических исследований в области межэтнических взаимодействий и сейчас определяется потребностями общества находить ответы в сложных, противоречивых обстоятельствах роста этнической идентичности в условиях глобализационных процессов, когда переосмысливается однонаправленный тренд общественного развития, растет понимание его нелинейности, многовариантности в разных социокультурных средах. Создание при Президиуме РАН Научного совета по проблемам этничности и межнациональных отношений, первое заседание которого в декабре 2016 года было посвящено задачам координации деятельности научных учреждений РАН, занимающихся этой тематикой, продемонстрировало как общие, так и спорные

---

* В основу текста положена статья, подготовленная для журнала «Социологические исследования», 2018.

подходы к изучению этничности, четкости границ между одними научными направлениями и прозрачности между другими, общее и особенное в методологии и методике. Дискуссии же обнаруживают потребность в большей четкости определения предмета и методов каждого научного направления. Важно также определить области исследования, возможности вклада научных направлений в познание социальной реальности, происходящих явлений и процессов, продвинуть разработку нерешенных вопросов. Задача не в том, чтобы «тянуть одеяло на себя», как пишет В.А. Тишков, а постараться совместными усилиями реально раскрывать этничность, функционирующую в современном быстро меняющемся обществе. Для этого важно знать предмет, объект, методологию и методы в разных сопредельных областях знания, изучающих этничность в разных полях взаимодействия людей.

Возможно, подведение некоторых итогов изучения сложной картины этносоциальной реальности разными дисциплинами может найти более оптимальные формулировки и внести дополнения в Стратегию государственной национальной политики на период до 2025 года, которые будут осуществляться в 2018 году, а главное, будет содействовать теоретическому осмыслению и познанию реальности для снятия межэтнической напряженности, предупреждения конфликтов и поддержания межэтнического согласия.

Мы остановимся на уточнении объекта и предмета этносоциологии в свете современных теоретических представлений, развитии ее предметных областей, проблемах, требующих дополнительного теоретического осмысления, совершенствования исследовательских методов, выделении наиболее актуальных направлений исследований.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ

В развитии этносоциологии четко прослеживаются три этапа развития. Возрождение ее после длительного этапа забвения работ М.М. Ковалевского, В.Н. Тенишева, П. Сорокина началось с конца 60-ых годов. Тогда Директор Института этнографии АН СССР (теперь Институт этнологии и антропологии РАН), академик Ю.В. Бромлей, зорко уловил значение возрож-

дающей социологической науки и пригласил в Институт видных социологов Ю.В. Арутюняна, О.И. Шкаратана, затем И.С. Кона – специалистов в области социальной структуры и социологии личности и создал специальное подразделение – сначала сектор, затем отдел этносоциологии ИЭ РАН¹. Он стал первым специальным официальным подразделением, где готовились специалисты этносоциологии. Под руководством А.В. Арутюняна были проведены в советский период первые представительные для Союзных и автономных республик этносоциологические исследования². Результаты первых же исследований в Татарской АССР в 1967–1968 гг., опубликованные в книге «Социальное и национальное» (отв. ред. Ю.В. Арутюнян), были замечены не только в стране, но и мировой социологической общественностью (переведены в США, частично во Франции, Японии). Затем были проведены исследования в ряде регионов РСФСР, Молдавии, Грузии, Армении, Узбекистане, Эстонии. Во всех республиках, где проводились исследования, на базе их подготовки и проведения, а затем аспирантского обучения в Отделе готовились кадры. В Ленинграде в эту область научных исследований пришли социальные психологи А.О. Бароноев, Г. Старовойтова, М. Коган, В. Узунова. В Сибири начались исследования под руководством Бойко, на Украине – В. Евтуха, Н. Паниной. На этом этапе произошло практически становление нового направления, как междисциплинарного на стыке этнологии и социологии, которое было объективно необходимо в нашей полиэтнической стране. Исследования проводились масштабные³. Что дало его развитие уже на первом этапе? Были сделаны принципиальной важности выводы об особенностях социальной структуры контактирующих народов, существенно различающих-

---

¹ В это подразделение была приглашена и автор статьи.

² Проект назывался «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций» и реализовывался в течение 20 лет (1972–1992 гг.).

³ Обзор их был дан в статье Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробичевой Этносоциология перед вызовами времени // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 88–92.

ся темпами социальной мобильности, о влиянии иммобильности на рост негативных межэтнических установок, о росте социальных, а затем и политических претензий в мобильных группах, о типах межэтнических отношений в республиках, о роли двуязычия в социальной мобильности и роли языка в этнической идентичности и другие, которые стали материалом, объясняющим национальные движения конца 80-х начала 90-х годов. Но уже в 80-е годы стало обнаруживаться отставание теоретического осмысления подходов в проводимых в стране этносоциологических исследованиях и ограничения в возможности выводов по результатам опросов. В Институте этнографии АН СССР тогда в этом отношении было больше возможностей, в ИКСИ РАН – меньше.

На втором этапе, в 90-ые годы, открылись и новые возможности, и проявились существенные потери. Травмы, переживаемые людьми в нашей стране, в немалой мере были связаны с этнической сферой. Национальные движения, межэтнические конфликты, распад Союза, становление нового типа федеративных отношений – все это требовало изучения и осмысления, а государственная поддержка проведения исследований прекратилась. В страну пришли международные фонды, но их поддержкой могли пользоваться очень немногие ученые.

И все же можно сказать, что в 90-е годы происходила социологизация этносоциологии. Международные контакты, более широкие возможности знакомства с теоретическими подходами, выводами мировой социологической науки помогли контекстно изучать события в стране. Концепции Л. Козера и Т. Парсонса, Ч. Тилли, Т. Гарра, Л. Берковица, Д. Горовица были включены в изучение и объяснение межэтнических конфликтов (достаточно вспомнить работы А.Г. Здравомыслова, Э.А. Паина, В.А. Тишкова, А.Р. Аклаева). Теории национализмов Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, М. Хроха, Ю. Хабермаса, М. Манна, А. Лейпхарта, Э. Смита, У. Альтерматта вошли в изучение и интерпретации этнических и государственных национализмов на советском и постсоветском пространстве (в работах Л.М. Дробижевой, В.В. Коротеевой, А.И. Миллера, Т.Ю. Сидориной, В.А. Тишкова, Ж.Т. Тощенко). Именно этносоциологами были изучены типы национализмов в РФ и их распространенность в стране [*Дробижева, Аклаев, Коротеева, Солдатова, 1996*].

Расширилась сфера изучения социальной реальности. К сложившимся направлениям изучения динамики социальной структуры, социальной обусловленности культуры, социальных аспектов языкового поведения, межэтнических отношений и этнической идентичности в поле изучения в 90-е гг. вошли новые темы – роли социальных и политических факторов в межэтнических конфликтах, причины национализмов и их следствия, роли элит в этнической мобилизации, этнократии, соотношения гражданской и этнической, религиозной идентичности, проблемы социального неравенства, влияния постконфликтных ситуаций на межэтнические отношения, этнических аспектов безопасности, социальные проблемы и культурная дистанция, проблемы мигрантов, беженцев, адаптации и интеграции мигрантов, этнических меньшинств, русской диаспоры.

В нашей статье с Ю.В. Арутюняном 2014 года с обзором пройденного пути и проблемах развития этносоциологии мы не выделяли этап 2000-х годов [Арутюнян, Дробижева, 2014: 102–112]. Не выделялся он и в содержательной статье Б.Е. Винера и К.С. Дивисенко «Российская этносоциология: границы, исследовательские области и исследовательские группирования» [Винер, Дивисенко, 2015: 177–196]. Сейчас, за последние пять лет, стали очевидными значимые изменения, которые произошли за 2000-е годы. Тенденции, проблемы, обозначившиеся в последнее пятилетие, обсудим на основе вышедших за последнее время публикаций.

Прежде всего, достаточно очевиден завершающийся дрейф этносоциологии от пограничной между этнологией и социологией дисциплины к статуйрованию ее как отрасли социологии. Аргументами такого вывода является не только проведенный Б.Е. Винером и К.С. Дивисенко количественный анализ публикаций в социологических и этнологических журналах. Он дополнен нами анализом публикаций за 2015–2017 гг.

За 1991–2000 годы в наиболее известных социологических журналах – «Социологические исследования» (Социс), журнале «Социология и социальная антропология» и «Мир России» было опубликовано 33 этносоциологических статьи, в журнале «Этнографическое обозрение» (Э.О.) – 12.

В 2001–2017 гг. в основных социологических журналах (к упомянутому выше мы добавили «Гуманитарий Юга России», в котором активно публикуются не только социологи Юга, но и Санкт-Петербурга, Москвы и других регионов) было опубликовано 157 статей, в журнале «Этнографическое обозрение» – 33 (см. табл. 1).

Таблица 1. Публикации этносоциологических статей в социологических и этнологических журналах

<i>Журналы</i>	<i>Количество публикаций</i>	
	<i>1991–2000 гг.</i>	<i>2001–2017 гг.</i>
«Социологические исследования» (Социс), «Социология и социальная антропология», «Мир России» (за 2001–2007 гг. + «Гуманитарий Юга России»)	33	157
«Этнографическое обозрение»	12	33

Некоторые статьи, естественно, относятся не к одной социологической дисциплине, прежде всего, это касается тех, в которых рассматриваются миграционные процессы или теоретические вопросы, имеющие отношение и к социологии, и к политологии, и к психологии, и к этнологии. Но все же, общая тенденция очевидна.

Другим аргументом утверждения этносоциологии в статусе отраслевой социологии является определение ее объекта и предмета исследований.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О ПРЕДМЕТЕ

Ю.В. Арутюнян, Ю.В. Бромлей и О.И. Шкаратан в 70-ых годах определяли этносоциологию как пограничную дисциплину, изучающую этносоциальные процессы в разных этнических средах и этнические процессы в социальных группах. Поскольку тогда в этнографии и научном коммунизме дискутировали широкое и узкое понимание социального, и было мнение, что сам этнос или этносоциальный организм тоже образование социальное, Ю.В. Бромлей уточнял, что исследование носит этносоциологический характер лишь тогда, когда изучается взаимосвязь этнического и социального в узком значении этого слова [Бромлей,

1977: 3–18]. Б.Е. Винер и К.С. Дивисенко правы, действительно тогда под узкосоциальным понималось то, что было связано с социальной структурой – классами и слоями.⁴ Но это оставяло за пределами предметного поля темы, которые реально начали изучаться в ходе этносоциологических исследований в конце 80–90-х годов. Между тем, изучение движущих сил в национальных движениях, акторов и участников межнациональных конфликтов, мобилизующие действия этнически акцентированных элит, изучение социально-культурной дистанции контактирующих этнических групп, когнитивного диссонанса, взаимодействия этнически ангажированных групп с политическими институтами, неформальными объединениями, реакции этнических установок людей на относительную депривацию, политическую трансформацию, проявлений этницизма, этноцентризма и национализма, ориентаций на суверенитет республик и сецессии, противоречия в соотношении демократии и национализмов приводили к очевидному перемещению этносоциологии в одно из направлений социологии, что и констатировалось уже в книге «Социология в России», подготовленной под руководством В.А. Ядова [Дробижева, 1996: 195–214]. Встраиваясь в социологические парадигмы, автор определяла *предмет этносоциологии как дисциплину, изучающую социальные события, процессы, связи, взаимодействия, явления, происходящие в этнически маркированном социальном пространстве* [Дробижева, 2006: 92]. Предмет конкретизируется при изучении тех или иных вышеперечисленных тем, но в целом это этнически маркированное социальное пространство. В понимании социального пространства мы солидаризируемся с П. Бурдьё, П. Штомпкой и В. Ильиным.

По П. Бурдьё социальное пространство – это «ансамбль невидимых связей, тех самых, что формируют пространство позиций, внешних по отношению друг к другу, определенных одних через другие, по их близости, соседству или по дистанции между ними, а также по относительной позиции» [Бурдьё, 1994:

---

⁴ Об этом писал и О.И. Шкаратан, с которым Ю.В. Бромлей обсуждал эти вопросы. См. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 16.

185]. Пояснение дает В. Ильин: «Социальное пространство – это силовое поле, создаваемое взаимодействующими индивидами и их практиками, но вместе с тем имеющее свое особое, системное качество, отсутствующее в самих индивидах (например, государство, право)». Он относит к социальному пространству и обычаи, мораль [Ильин, 2000: 28], которые тоже могут быть в каких-то ситуациях этнически маркированы. В индивидах есть лишь элемент того или иного силового поля в виде усвоенных социальных ролей и ценностей (силовыми полями называют участки с относительно высоким уровнем взаимодействия индивидов). Этнополе как часть социологического пространства не имеет четких границ, оно открыто и взаимообусловленность, функциональность в нем не обязательны.

Этносоциологи изучают как и почему интеллектуальные конструкции превращаются в социальные, которые ориентируют поведение, деятельность людей, институтов. Если люди верят в то, что существуют народы, их культуры, ценности, нормы, историческое прошлое, то свое поведение они строят в той или иной мере в увязке с этими представлениями. «Если люди определяют ситуации как реальные, то они и являются реальными по своим последствиям» [Thomas, Znaniecki, 1996: 79], – писали родоначальники социологии расовых и этнических отношений в западной науке У. Томас и Ф. Знанецкий. Это учитывают при проведении конкретных исследований.

С определением объекта исследования ситуация складывалась сложнее. При выяснении отличия этносоциологических исследований от этнографических (теперь этнологических) для нас тогда было очевидно: этнография изучает народы, мы, этносоциологи, – личность, в той или иной мере включенную в этнические группы. Этнические группы это было определение, используемое в мировой социологии. Томас и Знанецкий, Гарр и Тилли, Гидденс и другие работали с этим понятием. Но уже в начале 90-х годов стало очевидным, что в социальных науках утверждается представление об этничности как о гибком разновневом и зависимом от социального, политического контекста явлении. И понятие этническая группа мы можем использовать с пояснением, что этничность не всегда и не обязательно

подразумевает четкое разграничение групп, люди в разной мере в разных ситуациях ощущают связи по этничности, а сама этничность может иметь другие способы выражения. Поэтому поясняли, что этнические связи могут отличаться по степени того, насколько они объединяют людей. Дон Хандельман выделил такие типы как этническая категория, этническая сеть, этническая ассоциация и этническая община [*Handelman, 1977*]. Ричард Дженкинс различал «номинальную» и «действительную» идентичность [*Jenkins, 1997*]. Номинальная – это результат процесса социальной категоризации, когда этничность приписывается извне, при дифференциации одних от других, или происходит при идентификации изнутри, выражается, прежде всего, в ассоциации с коллективным именем. Реальная идентичность имеет какие-то реальные практические последствия для людей.

Еще более сложным стало определять объект исследования после ставшей широко известной публикации Р. Брубейкера «Этничность без групп». Распространялось стремление уйти от жесткого «привязывания» людей к этнической группе. В этом исследователей стимулировала не только солидаризация в понимании гибкости этничности, но и попытки понять, как и когда люди идентифицируют себя и воспринимают других, интерпретируют свои чувства, действия, проблемы в этнических, национальных, расовых категориях. Однако стремление уйти от группизма не избавляло исследователей от необходимости в ходе проведения исследований определить объект изучения при конкретизации выборочной и генеральной совокупности. Известно, насколько важное значение мы придаем этому при оценке репрезентативности исследования, при приеме работ к печати, при выделении грантов. В силу сложившейся в социологии традиции исследователи называли изучаемые группы в этнических категориях, понимая, что они могут встретить людей с номинальной этничностью. В одних исследованиях объектом описываются просто называемые национальности – «коми, русские в Республике Коми», «татарские студенты в Перми», в других говорится о группах в значении этнической категории, сформированной по принципу соотнесения с ней респондентами. При этом мы стараемся подчеркнуть, что в таком значении группа не пред-

ставляет общности с жесткими социальными связями. Они могут быть различными по силе, отличающимися в сферах деятельности людей и просто номинальными. Таким образом, личность по самоотнесению с группой в значении этнической категории с различной степенью связи с ней уточняется как объект исследования.

О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Другой вопрос, поставленный на обсуждение – методология этносоциологических исследований. Б.Е. Винер и К.С. Дивисенко имеют основание упрекнуть этносоциологов и автора в недостаточной разработанности и представленности позиций по этому вопросу. Правда, они отмечают, что в англоязычной социологии расовых и этнических отношений тоже нет какой-либо одной теории, описывающей ту область, которую по-русски называют «этносоциологией» [Винер, Дивисенко, 2015: 181]. И они правы в понимании моей личной позиции, которая была сформулирована после наших дискуссий с Э. Геллнером в Бургвартенштайне (Австрия), Таллине и Москве: обстоятельный анализ требует интеграции субстанционалистского, эссенционалистского, примордиалистского подходов с одной стороны и конструктивистского, инструменталистского с другой. При этом подчеркивалась сложность конструктивизма в сравнении с имевшим место пониманием у нас: подхода, интерпретирующего мир как результат деятельности героев, творящих события, этнических манипуляторов. Односторонность такого понимания подтверждалась высказываниями Томаса Лукмана в интервью «Журналу социологии и социальной антропологии», где он говорил, что их концепцию конструктивизма нельзя понимать «в том смысле, который нынче так распространен». Их концепция основывалась на идеях антропологических работ К. Маркса, социологическом объективизме Э. Дюркгейма, понимающей исторической социологии М. Вебера и социальной психологии Дж. Мида. Теоретическим обоснованием предложенного ими синтеза была феноменология жизненного мира, разработанная Гуссерлем и Шютцем [Интервью с профессором Томасом Лукманом, 2002: 7–8]. Конструкции социальных наук являются, в их понимании, кон-

структами второго порядка, конструкциями конструкций. Социальная реальность интериоризируется личностью в процессе социализации. Первичной социализации в детстве при этом придается большое значение [Бергер, Лукман, 1995: 213], исследователи и исследуемые отмечают роль языковой среды. Таким образом, об интеграции, синтезировании с таким конструктивизмом и идет речь.

Другим теоретическим подходом, без которого не обходились все изучавшие межэтнические взаимодействия, отношения, этническую и гражданскую идентичности была концепция этнических границ Ф. Барта, согласно которой границы это осмысление культурных различий, на основе их складываются отношения [Барт, 2006]. Но проблема методологии в этносоциологических исследованиях шире, чем выбор подхода только к пониманию этничности и границ, ведь проблематика, темы исследований охватывают разные аспекты социальной жизни. Поэтому при проведении исследований авторы, разрабатывая программы, также выбирают теоретические подходы, необходимые для изучения конкретных проблем.

Так, авторы, работающие над проблемами транснациональной миграции в лаборатории СпбГУ «Транснационализм и миграционные процессы: сравнительный и институциональный анализ», используют методологию сравнительно-исторического социологического анализа [Резаев, Жихаревич, 2016: 7–18], общую теорию как совокупность прав Т.Х. Маршалла и теорию натурализовавшихся иностранцев («theory of citizenship» – Bryan Turner «Citizenship Studies». Vol. 20. 2016, № 6) и теории неинституционализма. В связи с этим дается концептуальное наполнение таких понятий как «социальное включение и исключение», «невключение», «ассимиляция», «аккультурация», «интеграция», «геттоизация». Наконец, ими используется подход в рамках культурной социологии Дж. Александера, обеспечивающий паттерны взаимодействия между мигрантами и принимающим обществом, понимание культурных символов в контактах. Как видим, именно интеграция или синтез подходов используется при разработке конкретной проблемы транснациональной миграции [Резаев, Трегубова: 181–194; Кивисто, 2016].

Исследователи этой лаборатории СПбГУ работают в прямом контакте с зарубежными исследователями. Но вот другой пример кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, которая работает над проблемами укрепления российской национальной идентичности как интеграционной основы полиэтничного региона в синергетической парадигме. Интеграционные и дезинтеграционные процессы они рассматривают с использованием тоже целого комплекса социологических подходов – теории органицизма (Г. Спенсер). Этот подход от простого к сложному использовался для обоснования объединения экономических и национальных субъектов, в том числе Евросоюза, подходов Ч. Тилза (порядок и упорядоченность), Э. Гидденса, взаимодействие между коллективами, индивидами, образованными на основе отношений относительной автономии и зависимости между участниками интеграции, П. Бурдьё, который объединяющее видел в трудностях, совместно преодолеваемых. Наконец, интеграция рассматривается на основе культурно-детерминистского подхода (М. Мид, Р. Бенедикт, Ф. Боас, А.П. Рэдклифф-Браун). К теории глобальной интеграции (Дж. Перратон, П. Бергер, С. Хантингтон, Э. Гидденс, У. Бек, З. Бауман) подключают психологические подходы [*Шадже*, 2016: 178–185].

В других исследованиях, тоже работающих в близких к синергетической парадигмах, выделяются более фундаментальные социологические концепции для изучения общенациональной, гражданской идентичности, отражающей интегрированность социального и политического пространства страны [*Дробижсва*, 2017: 7–31]: это функциональная или неофункциональная концепция, принципы которой сформулированы в 1920–30-х гг. Б. Малиновским и А. Рэдклифф-Брауном и развиты в 1950-х гг. Т. Пансонсом. Согласно ей, основные предпосылки интеграции состоят в месте и роли этнополитических факторов в социальных взаимодействиях и тех функциях, которые определяют интересы участников интеграции и их ценностные предпочтения. Это также нормативно-ценностная концепция, основы которой заложены были М. Вебером. В ней внимание обращается на взаимодействия, стимулирующие сближение ценностей и выработку общих представлений, «массовых субъективных убеждений»,

«субъективной веры» и норм поведения. У Вебера есть и идея об общей цели, объединяющей людей в нацию, которая выражается в стремлении создать собственное государство. Об этом впоследствии напишет Э. Геллнер. И к этим концепциям добавляется коммуникативная концепция К. Дейча, ориентирующая на рассмотрение разнообразных контактов и общих представлений [Parsons, 1991; Weber, 1968; Deutsch, 1969].

В целом это, конечно, интегрированный или синтезированный подход, только теперь он открыто заявляет, несмотря на то, что среди теоретиков социологии до сих пор не все с ним согласны. В целом, знакомство с публикациями, проектами, реализуемыми по грантам РФФИ, РГНФ, РФФИ, диссертационными работами дает основание утверждать, что движение этносоциологических исследований в сторону расширения теоретического анализа в последнее десятилетие очевидно [Черныш, 2016: 25–41; Черныш, 2016: 25–36].

Внимание к методологии, к сожалению, выражено далеко не во всех исследованиях. В этом отношении выделяются в позитивную сторону публикации в социологических журналах. Озабоченность вызывают публикации исследователей, которые работают в этнологических учреждениях. В 2016 году вышел юбилейный сборник статей «Этносоциология вчера и сегодня» [Этносоциология вчера и сегодня, 2016]. Базой для создания этого сборника была конференция, посвященная полувековому юбилею создания в Институте этнографии АН СССР сектора конкретно-социологических исследований культуры и быта народов СССР (впоследствии Отдела этносоциологии, который возглавлял Ю.В. Арутюнян). На нее приехали наши коллеги из Армении, Грузии, Казахстана, Киргизии, Литвы, Молдовы, Украины, Китая, из республик и областей России. Это был праздник профессионалов, на котором воздавалась честь создателю направления Ю.В. Арутюняну. Но, к сожалению, в опубликованном сборнике среди 69 статей лишь в одном разделе – посвященном доверию, как гаранту бесконфликтности межэтнических отношений – есть работы, в которых даются теоретические основания исследований. В других разделах их практически нет.

Можно надеется, что перемещение этносоциологической публикационной активности в социологические журналы, зафиксированное Б.Е. Винером и К.С. Дивисенко на 2014 г. и подтвержденное нами при включении публикаций за 2015–2017 гг. повысит внимание не только к теоретическому обоснованию используемой методологии, но будет способствовать тому, чтобы анализировалась результативность тех или иных теорий, подходов, которые используются для сбора и обобщения полевого материала.

О МЕТОДИКЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

Позитивным сдвигом в методике этносоциологических исследований явилось все более часто встречающееся совмещение количественных и качественных методов, прежде всего использование глубинных интервью и фокус-групп. Появились работы, в которых исследовательской методике посвящены специальной разделы [Клименко, 2015: 208–212; Богатова, 2017: 54–70], где обсуждается исследовательский дизайн, сравнивается использование метода фокус-групп в американских и российских исследованиях, вопросы рекрутирования участников дискуссий, границы применимости метода, альтернативы его применения [Социальные факторы межэтнической напряженности в России, 2017: 56–76]. Появились работы, где специальной задачей ставится валидизация количественных методов, делаются попытки триангуляции в исследованиях. Удачным, например, оказался анализ геральдики как отражения этнополитических изменений. По сути, это символический менеджмент для создания образа региона, который формирует региональную идентичность, в той или иной мере включает знаки, символы, имидж этнической и общероссийской идентичности [Фадеева, 2016: 304–332]. Пока развернутые описания методов встречаются нечасто, а специальных работ по математическому анализу, иерархическим линейным моделям, регрессионным моделям, в исследованиях этносоциологических проблем совсем мало. В этом, как показали Б.Е. Винер и К.С. Дивисенко, мы заметно отличаемся от авторов, публикующихся в «*American Journal of Sociology*».

ИЗМЕНЕНИЯ В ТЕМАХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Менялась ли в целом тематизация за последнее время? В социологических журналах и «Этнографическом обозрении» до 2015 года темы были представлены в следующих пропорциях. Наиболее изучаемыми были темы этнической, религиозной, региональной идентичности (33 статьи) и проблемы миграции, мигрантов, их аккультурации, адаптации, интеграции (33 публикации), русской диаспоре было посвящено 17 работ, межэтническим отношениям – 16, теоретическим вопросам – 14, этноязыковым проблемам – 13, этнической ситуации в странах и регионах – 13, этническим меньшинствам в России – 12, проблемам индигенных народов – 9, проблемам ислама и мусульманских народов – 5, другим темам – 24 статьи [Винер, Дивисенко, 2015: 184]. Наш анализ тематизации статей по этносоциологии в журнале «Социс» за 2000–2013 гг. показывал те же тенденции [Артюнян, Дробижева, 2014: 111].

За последние три года – с 2014 по 2018 гг. в социологических журналах с включением статей журнала «Гуманитарий Юга России» вопросам теории было посвящено 16 статей с учетом тех, в которых теоретические проблемы рассматривались на примере специальных тем, идентичности, интеграции в полиэтнических пространствах, адаптации и интеграции мигрантов, т.е. внимание к теоретическим вопросам возросло (с 1991 по 2014 гг. таких статей было меньше, чем за последние два года).

Наибольшее число статей из тех, что были опубликованы по направлениям исследований, было посвящено проблемам, связанным с притоком мигрантов – 45 статей. Акцентация изучения шла в двух направлениях: на процесс включения прибывающего притока внешних и внутренних мигрантов в местные сообщества, изучение транснациональной миграции, «жизни в двух мирах»: того, откуда прибыли и где живут, возможности включения в трудовую жизнь и социальную инфраструктуру принимающего общества и одновременно сохранения культурных норм в повседневной жизни (альтернативные практики). И второе направление – изучение восприятия мигрантов местным населением, этнический негативизм и мигрантофобии.

Как и в предшествующие годы более представленными были темы, связанные с изучением идентичностей – общероссийской, этнической, региональной – 26 статей, и межэтнических отношений – 33. Относительно новым в этой тематике было внимание к содержательному наполнению, контексту представлений, рассмотрение идентичностей как отражение интеграционных процессов в целом в полиэтничном пространстве страны, связи гражданской и этнической идентичности с характером межэтнических установок. Межэтнические отношения чаще всего рассматривались на личностном и групповом уровне и реже – на институциональном или в связи с ним. В изучении этой проблемы мы тесно взаимодействуем с этнопсихологами. Отличие этносоциологов в том, что в их исследованиях относительно больше уделяется внимания социальной обусловленности этноцентризма, аутгруппового негативизма, ингруппового фаворитизма, равенства возможностей при трудоустройстве, доступе к власти.

Не четко, но просматривались фокусы исследовательских интересов – у одних на факторы межэтнических напряжений, у других на факторах, обеспечивающих межэтническое согласие. В целом, это обеспечивало более объективное отражение процессов межэтнических взаимодействий. С точки зрения представленности этноконтактных ситуаций, отношения между людьми российских национальностей чаще рассматривались на примерах взаимодействий с «представителями» северокавказских республик, а отношения с внешними мигрантами на примере прибывающих из среднеазиатских государств и Закавказья, которые попадали в «образ врага». Редко изучались этнополитические напряжения, национализмы.

Специальной тематикой оставалось изучение межэтнических конфликтов, экстремизма. Новым здесь был сильный акцент на безопасность. Эту проблему часто представляли наши коллеги в журнале «Гуманитарий Юга России».

Естественно, проблема конфликтов в межкультурных взаимодействиях изучают и этнологи, и политологи, и психологи. Наш вклад, прежде всего, в изучении и раскрытии социальных противоречий, которые переносятся на сферу межэтнических отношений. Эти противоречия связаны с неравенством, воспринима-

емым населением в издавно привычной формулировке «белую работу делает белый, черную – черный», и проявляется в реальных или мнимых представлениях о различиях в сфере занятости людей разных национальностей, в их карьерном росте, доступе к экономическим или культурным благам, в конкурентности за престижные места. Все эти противоречия могут проявляться в межэтнических установках, но к открытым конфликтам приводят при определенных политических обстоятельствах (по Т. Парсонсу это связано, прежде всего, с состоянием власти, ее изучают политологи).

Тема, которая на первом этапе становления и развития этносоциологии была практически доминантной, – социальная дифференциация этнических полей (тогда писали о социальной структуре наций), теперь представлена темой социального неравенства, социальной мобильности и очень редко представленностью людей тех или других национальностей в социально-профессиональных сообществах (как об этом пишет, например, С.Я. Суций), всего таких статей было опубликовано 10.

Возможно из-за перемещения этносоциологических работ в направление социологии сокращается тематика изучения социальных аспектов этнической культуры, хотя этнически маркированные нормы повседневной культуры до сих пор играют роль в социальной практике. Не случайно же в политическом дискурсе в связи с новыми кадровыми назначениями в Дагестане в конце 2017 – начале 2018 гг. появилось выражение «Федерация пришла в республику». Эта тематика в какой-то мере представлена в статьях по изучению традиционных и современных ценностей, но их мало. О значимости этнокультурной, языковой тематики напомнили конфликтные ситуации в ряде республик, связанные с мерами федерального правительства по урегулированию преподавания русского и государственных языков республик после поручения В.В. Путина обеспечить добровольность изучения последних. В ситуации многообразных вызовов меняющегося мира мотивы выбора языка общения, профессиональной деятельности или образования детей все больше становятся прагматическими, люди могут выбирать язык, который кажется им более выгодным и перспективным, сознательно или инерционно отказываясь от этнического языка. В то же время значимость

языка как основного идентификатора этнической идентичности подтверждается и сейчас – в исследованиях Института социологии РАН, причем не только для русских и людей других национальностей в республиках, но и для русских в целом в общероссийском масштабе. Изучалась и изучается степень использования этнических языков в образовании, установки на изучение родных языков, а через сферу образования – влияние *двуязычия* на идентичность, социальные позиции людей, динамику социальных диспозиций этнических групп в республиках. Наиболее активно такие исследования проводятся в республиках Поволжья, в частности в сфере школьного образования, где ярче всего развернулись события и этнолингвосоциального конфликта в 2017 году. В Татарстане за последние годы были выполнены работы Гарипова Я.З., Л.М. Мухарямовой, Л.Р. Низамовой, Г.Р. Столяровой, М.Х. Фарукшина, Г.Ф. Габдрахмановой М.М. Гибатдинова, в Башкортостане – Ф.Г. Сафина, А.И. Халиулиной.

Этносоциологическим аспектам языковых ориентаций и поведения было посвящено за последние 3 года 10 статей.

Любопытно, что мировая социология нашего направления начиналась с изучения конкретных групп (У. Томас и Ф. Знанецкий изучали польских крестьян в Европе и Америке), на начальном этапе в нашей стране тоже изучали татар и русских в Татарской АССР, эстонцев и русских в Эстонии и т.д. Теперь социологическое изучение групп встречается сравнительно редко – 8 статей, так же, как и каких-то регионов – 7. Изучаются социальные проблемы. А с этим связано обсуждение названия нашего научного направления. В США переход от исследования этнических групп к изучению социальных проблем привел к тому, что всё направление стало называться социологией расовых и этнических отношений, в котором выделились уже в сороковые годы, как писал Глезер, исследования этнических групп и исследования проблем дискриминации, неравенств, сегрегации, связанная с этим конфликтность. Сейчас по проблематике исследований в сравнении с семидесятыми – началом восьмидесятых годов мы ближе к тематическому репертуару американской социологии, как это сумели представить на основе публикаций в социологических журналах «*American Journal of Sociology*» и

«American Sociological Review» Б.Е. Винер и К.С. Дивисенко. Тогда в семидесятые название этносоциология было аргументировано тем, что это направление будет изучать, прежде всего, этнические аспекты социальной структуры общества. Оно было ориентировано на раскрытие всей социальной жизни народов, а потом только на взаимодействие людей. Но развитие истории страны и науки пошло сложнее, нелинейно, понимать его адекватнее с сегментным подходом. Даже социальная структура – поле дискуссий и как ее можно адекватно представить еще в сегментах общества с разной культурой? Это было одной из объективных причин изменения тематического репертуара и приближения нашего направления по тематике к социологии расовых и этнических отношений.

Но стоит ли менять название направления как предлагают некоторые из-за того, что в США это направление звучит по-другому и термина «этносоциология» нет в западных словарях. В Германии, например, есть книги с названием «Этносоциология». А главное, это название утвердилось у нас как направление в отечественной социологии. Есть учебные курсы, названия кафедр, подразделений в научных учреждениях.

В чем-то проблематика наших исследований по названию статей выглядит не так остро, как в американских журналах (нет в названиях статей сегрегации, дискриминации, ассимиляции), но в текстах статей они присутствуют (дискриминационная практика, ущемления, преступность, исключения). Важно, чтобы изучались реальные практики взаимодействий.

Последнее, о чем хотелось бы сказать в связи с представленной на обсуждение статьей В.А. Тишкова «От этноса к этничности и после», это об определении нашего научного направления как близкого к рожденным на стыке с этнологией «этнокентаврам» или еще «оригинальнее» названного С.В. Соколовским – «гибридом», который как междисциплинарный мезальянс распался, когда социологи занялись востребованными исследованиями «этнических конфликтов», «межнациональных отношений», «этнических элит», этничности и национализма, (надо бы сказать точнее, – национализмов), ксенофобии и толерантности [Форум АФ 2012, 2012: 8–168]. Он ошибочно называет эти направления прикладными политическими проектами. В

известной мере к прикладным можно отнести изучение общественного мнения специальными центрами. Но даже они – ВЦИОМ, Левада-Центр, ФОМ и другие – проводят изучение общественного мнения по определенной методологии, с теоретическими подходами, а некоторые дают такие аналитические исследования, которые объясняют научные учреждения, изучающие современность в социальной антропологии. В аналитических же социологических исследованиях этничности и межнациональных отношений междисциплинарный подход – один из принципов исследования сложных объектов или предметного поля. Впрочем, это принцип исследования и в других отраслях социологии. К тому же в науке в целом многие открытия, особенно в последнее время, делаются именно на стыке наук.

О ЗАДАЧАХ НА ПЕРСПЕКТИВУ

Над чем надо серьезно работать, так это над выполнением наших исследований на таком уровне, чтобы можно было легче использовать их результаты в социальной практике. Сейчас на основе Президентских решений в субъектах федерации, а в некоторых из них и на уровне муниципалитетов созданы Советы по межнациональным отношениям. В них, насколько известно, работают специалисты – этносоциологи, они должны передать накопленные знания функционерам в администрациях. В подготовке чиновников, для их обучения сейчас будет принят профессиональный стандарт, в подготовке которого ученые, работающие в нашей проблематике, принимали участие. Работникам аппаратов читаются и будут читаться лекции, в которых будут аккумулированы результаты этносоциологических исследований. В связи с этим повышается ответственность и необходимая аргументированность наших выводов.

Внутри профессионального сообщества предстоит серьезно совершенствовать методы исследований. Из 86 статей, написанных на основе массовых опросов, проанализированных нашими коллегами, в 72 ничего не было сказано о методах анализа [Винер, Дивисенко, 2015: 186]. Тоже касается статей с использованием качественных методов.

Из внимания исследователей практически выпали темы отношения людей к проблемам федеративных отношений, к понятию нашего государства как национального или многоэтнического. По опросам 1995 г. 65% респондентов считали, что в нашем государстве «все народы должны быть равны», а в 2017 году это мнение разделяло 45%⁵. Нет практически специальных исследований о социальных проблемах русской диаспоры, недостаточно осмысливаются интеграционные процессы в стране в целом. А властью, Президентом РФ ставится задача укреплять единство многонационального российского народа. Недостаточно изучается роль религии в практике межэтнических взаимодействий.

Есть проблемы с подготовкой специалистов нашего направления. Сейчас к этносоциологической проблематике привлекли специалистов других направлений – политологов, этнографов, которым поручают проводить в регионах социологические исследования мониторингового характера. И пока никаких усилий по их подготовке не предпринималось (некоторым исключением было проведение семинаров в Северо-Западном и Центральном округе, Татарстане, Перми, на Юге России). Но если бы встал вопрос об их профессиональной подготовке, не более 12-14 учреждений по стране могли бы выполнить эту функцию.

В этой статье мы не перечисляли исследовательские учреждения в регионах и в центре, университеты, академические учреждения, где проводятся исследования по этносоциологии и готовятся кадры в этой области. Они уже перечислены в статье 2014 г. № 7 в журнале «Социс» и в статье в журнале «Социология науки и технологий» 2015 г. № 4 (см. рис. 1, 2, 3 [Винер, Дивисенко, 2015: 188–190]). К тем, что уже характеризовали, мы добавим Новосибирский кластер ученых и ученых Казанского мединститута. Сюда же теперь надо добавить активно публикующийся кластер Юга России.

---

⁵ Опросы 7-ой волны Всероссийского исследования «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах». 2017 год. Рук. М.К. Горшков.

Рисунок 1. Большой московский этносоциологический кластер и сыктывкарский кластер

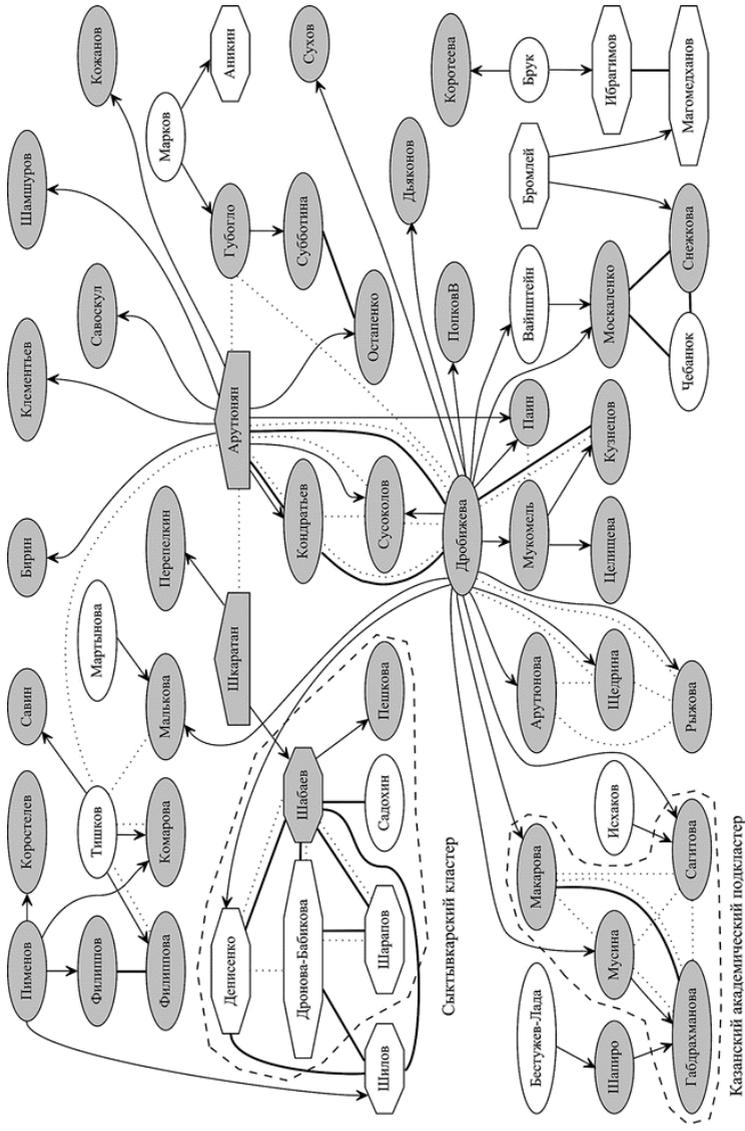

Рисунок 2. Петербургские университетский и академический кластеры

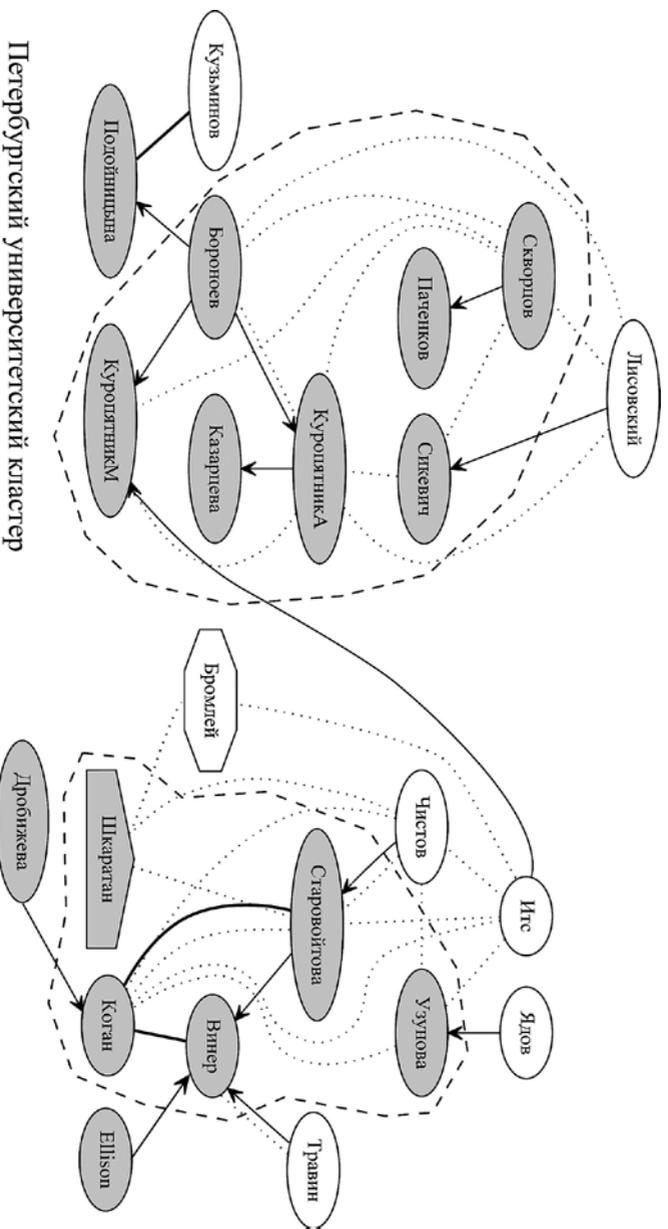
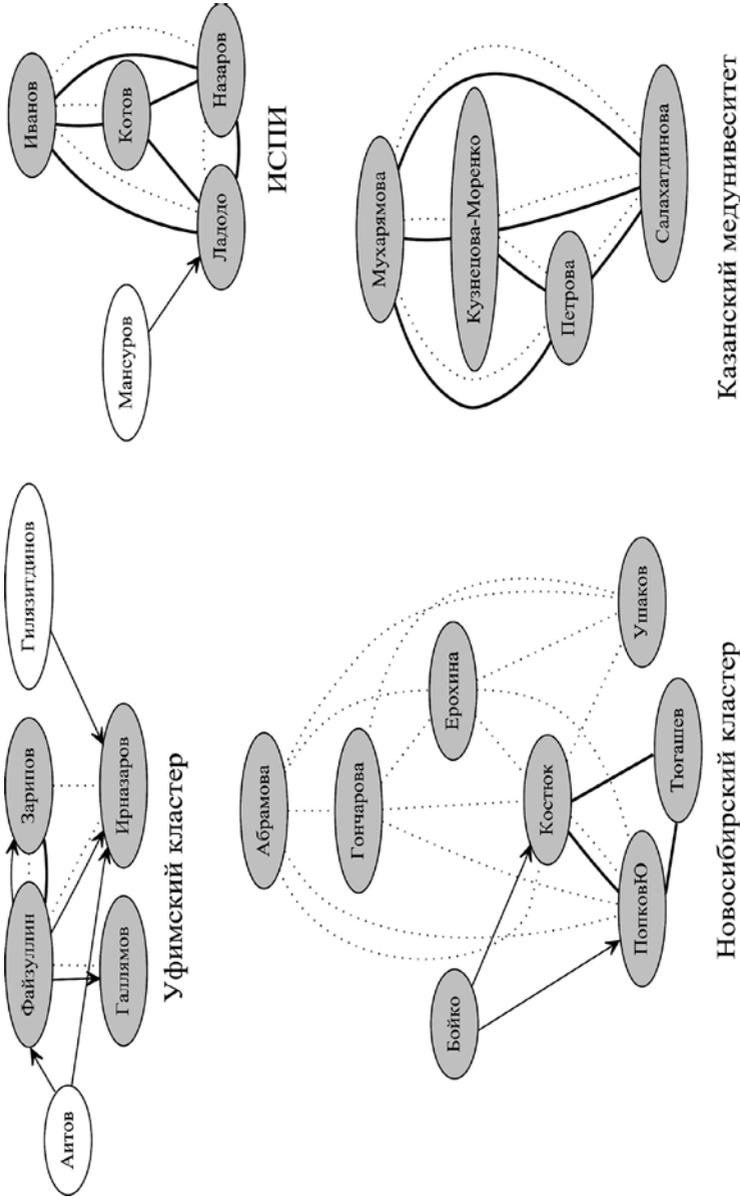

Рисунок 3. Малые изолированные этносоциологические кластеры

6-7 сентября 2018 года в Казани будет проходить юбилейная конференция, посвященная 50-летию этносоциологии. Будем надеяться, что она послужит дальнейшему совершенствованию исследований, углублению профессиональных связей.

Выражаю благодарность моим коллегам Е.М. Арутюновой, К.С. Григорьевой, С.В. Рыжовой, П.В. Фадееву и А.А. Эндрюшко за помощь и советы при подготовке этой статьи.

Список литературы

- Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. М.: РГГУ, 2000. 366 с.
- Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М.* Пройденные пути и некоторые проблемы современной российской этносоциологии // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 102112.
- Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М.* Этносоциология перед вызовами времени // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 88-92.
- Барт Ф.* Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий: Сборник статей / Под ред. Ф. Барта; пер. с англ. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.
- Бергер П. Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: «Медиум», 1995. 323 с.
- Богатова О.А.* Социальные технологии управления республиканской и российской идентичностью в оценках населения Республики Мордовия: опыт качественного социологического исследования // Вестник Удмуртского университета. Социология Политология. 2017. Т. 1. №1. С. 5470.
- Бромлей Ю.В.* К вопросу об особенностях этнографического изучения современности // Советская этнография. 1977. № 1. С. 318.
- Винер Б.Е., Дивисенко К.С.* Российская этносоциология: границы, исследовательские области и исследовательские группирования // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6. № 4. С. 177196.
- Геллнер Э.* Нации и национализм. М.: Прогресс. 1991. 126 с.
- Губогло М.М.* Этносоциология: родом из этнографии// Этносоциология вчера и сегодня. М.: ИЭА РАН 2016. С. 4571.
- Дробижева Л.М.* Методологические проблемы этносоциологических исследований // Социологический журнал. 2006. № 34. С. 89101.

- Дробижева Л.М.* Этносоциология в СССР и постсоветской России // Социология в России/ Под ред. В.А. Ядова. М.: Издательство «На Воробьевых» совместно с Институтом социологии РАН. 1996. С. 195214.
- Интервью с профессором Томасом Лукманом // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 4. С. 78.
- Кивисто П.* Теперь мы все действительно мультикультураллисты // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. V. IX. № 2. С. 1945.
- Клименко М.В.* Проблемы межэтнической интеграции в г. Хабаровске на материалах фокус-групп // Ученые заметки ТОГУ. 2015. Т. 6. № 1. С. 208212.
- Маликова Н.Р.* Инновационный потенциал социологии // Этносоциология вчера и сегодня. М.: ИЭА РАН. 2016. С. 7276.
- Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др; Пер с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовско-го. М.: Праксис, 2002. 416 с.
- Попков Ю.В.* Национальная политика в России: целевые установки и региональные модели // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 3944.
- Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М.: Аспект-Пресс, 1996. 318 с.
- Резаев А.В., Жихаревич Д.М.* В поисках доверия: сравнительно - историческая социология публичной сферы Апостолиса Папакостаса // Становление цивилизованной публичной сферы: Недоверие, доверие и коррупция / А. Папакостас; под ред. А. Резаева; пер. с англ. Д. Жихаревича. М.: ВЦИОМ. 2016. С. 718.
- Резаев А.В. Трегубова Н.Д.* Неравенство и исключение в повседневном общении: теоретические основания и следствия для социальной политики // Журнал исследования социальной политики. Т. 13. № 2. С. 181194.
- Социальные факторы межэтнической напряженности в России : монография / [М. Ф. Черныш и др.]; отв. ред. Ю.Б. Епихина, М.Ф. Черныш. Москва : ФНИСЦ РАН, 2017. 336 с.
- Фадеева Е.Ю.* Геральдика как отражение этнополитических процессов//Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества // Отв. Ред. Дробижева Л.М. М.: Институт социологии РАН, 2016. С. 304332.
- Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998.

- Черныш М. Ф.* Факторы возникновения и воспроизводства межэтнической напряженности в теоретической перспективе // Полис. Политические исследования. 2016. № 5. С. 2536.
- Черныш М.Ф.* Теоретико-методологические основы изучения причин межэтнической напряженности // Социологический журнал. 2016. № 4. С. 2541.
- Шадрже А.Ю.* Национальная политика: перспективы исследования // Гуманитарий Юга России, 2016. Том. 22. № 6. С. 178185.
- Этносоциология вчера и сегодня / Отв. ред. и сост.: Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2016. 474 с.
- Thomas W.I., Znaniecki F.* The Polish Peasant in Europe and America. Vol. 2. University of Illinois Press, 1996 [1918].
- Weber M.* (1968) Economy and Society. New York: Bedminster Press.
- Deutsch K.* (1969) Nationalism and Its Alternatives. New York: Knopf.
- Parsons T.* (1991) The Social System. London: Routledge.
- Handelman D.* The Organization of Ethnicity // Ethnic Groups. 1977. Vol. 1: 187-200.
- Jenkins R.* Rethinking Ethnicity. Arguments and Explorations. London: SAGE Publications, 1997.

РОССИЙСКАЯ ЭТНОПОЛИТОЛОГИЯ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

В.А. Ачкасов

Убеждать кого бы то ни было в злободневности этнополитической проблематики, казалось бы, нет необходимости, поскольку этническая окрашенность многих социальных противоречий и конфликтов в современном мире явно бросается в глаза. Поэтому, темы этноцентризма и регионального сепаратизма, этнической идентичности и этнической политики чрезвычайно востребованы в политической науке. Как отмечал еще в 1980-е годы известный норвежский исследователь Стейн Роккан: «События последних десятилетий превратили “регионализм” и “этнонационализм” в предметы политической и академической моды в исследованиях индустриальных обществ Запада» [Rokkan, Urwin, 1982: 1]. С большим опозданием эта тематика пришла и в российскую политическую науку, однако ее социальная востребованность невелика. Тем не менее, целый ряд событий конца XX начала XXI веков, имевших мировой резонанс, не могут быть объяснены, если мы не будем учитывать такие факторы как этническая идентификация и национальное самосознание, массовая этнополитическая мобилизация и этнополитические конфликты: объединение двух Германий, европейский региональный сепаратизм, кризис национальной идентичности в США и странах Западной Европы, добровольный и мирный «развод» Чехии со Словакией и напротив кровавый распад Югославии; развал СССР и последующее развитие событий в постсоветских государствах (в частности, проблемы Абхазии, Нагорного Карабаха, Приднестровья, Южной Осетии, Юго-Востока Украины); постоянно тлеющий этнополитический кон-

фликт между ядерными державами – Индией и Пакистаном и затяжной Ближневосточный арабо-израильский конфликт... Этот перечень легко можно продолжить, в мире, по некоторым подсчетам, имеется сегодня около 160 зон этнополитического напряжения. Именно в последние двадцать лет этнические конфликты стали особенно масштабными и жестокими. Исследователи из Стэнфордского университета Дж. Фирон и Д. Лэйтин подсчитали, что «ежегодно в мире начинается в среднем два–три новых конфликта, большая часть которых может считаться внутренними «этническими войнами». С 1992 года более трети государств мира столкнулись с внутренними конфликтами, большинство из которых, кроме прочих, имеет этнические причины. Примерно в половине подобных случаев оппозиционеры ... выступали за отделение своего этнического региона от государства» [Этнические войны]. Именно эти обстоятельства привлекли пристальное внимание мировой научной и политической общественности к этническому и националистическому насилию как поразительному симптому «нового мирового беспорядка» (Р. Брубейкер).

Полиэтничность представляет собой самый значимый вид многообразия в современном мире. В крупных государствах сегодня проживает от 50 до 200 разных этнических общностей, в современной России их более ста. Это актуализирует ценность этнокультурного многообразия и опыт мирного сосуществования этнических групп. Однако рост значимости этничности одновременно, как правило, приводит к усилению этноцентризма, который чреват негативными последствиями для любого социума. Он усиливает, гипертрофирует и абсолютизирует различия между «своими» и «чужими», что почти неизбежно приводит к всплеску межэтнической розни. Поэтому преодоление или нейтрализация этого фактора является одним из важнейших условий сохранения национального единства. И далеко не все суверенные государства успешно справляются с решением данной проблемы. Так, в программе «Всемирной организации не представленных народов и наций» (создана в 1991 г. и насчитывает более 70 членов) подчеркивается, что в наше время около 90% межэтнических конфликтов имеют не международный, а внутригосударственный характер [Неменский, 2010: 82].

В мире продолжается борьба за национальное самоопределение, так, на конец первого десятилетия нового века в 18 странах имели место масштабные вооруженные конфликты, связанные с борьбой этнополитических групп за собственную государственность.¹ Появляются и новые «самопровозглашенные» государства – несмотря на то, что международное сообщество в лице государств – членов ООН, как правило, противодействует этому процессу. «Официальные ценности и идеология национальных государств, доминирующих в мире, являются демократическими и уравнительными, но сегодняшний мир фактически более дифференцирован, чем в 1500 году, – отмечает британский историк Доминик Ливен. Никогда еще политическая идеология и реальность не были столь несовместимыми. Трудно представить себе, что это не оказывает влияния на международную политическую стабильность» [Ливен, 2007: 145].

Можно вспомнить, что еще в конце прошлого века американский представитель в комиссии по политической карте мира в Международном союзе географов Д. Миджи прогнозировал распад Австралии на четыре государства, образование нескольких новых государств в Европе, распад России, полную перекопку политической карты Азии, исчезновение Канады как суверенного государства, изменение границ США. Тенденция к политическому самоопределению, по его словам, станет преобладающей, несмотря на яростное сопротивление сторонников «статус-кво» [Camilleri, Falk, 1992: 27–31]. Сепаратизм, сецессия, ирредентизм станут, по мнению многих аналитиков, важнейшими характеристиками мирового политического процесса в ближайшие десятилетия. Человечество вступило в новую эру своей истории, в рамках которой будут доминировать локальные и региональные идентичности и возникающие на этой почве этнополитические противоречия и конфликты.

Таким образом, наблюдающаяся в последние десятилетия стремительная «политизация этничности», «взрыв нациестроительства», «взрыв этнической и конфессиональной ксенофобии» способны вызвать самые разрушительные последствия для меж-

---

¹ Mode of access: <http://www.systemicpeace.org/Global%20Report%202009.pdf>.

дународной безопасности в будущем, особенно если они сопряжены с незнанием и непониманием истоков и содержания существующих этнополитических проблем. Поэтому проблемы нациестроительства и политики идентичности, поиск рациональной формулы сосуществования этнических общностей в границах одного национального государства и эффективных методов урегулирования конфликтов, возникших на этнической или конфессиональной почве, темы «конфликт и этничность», «терроризм и этничность», «национализм и насилие», «глобализация и будущее национального государства» составляют в настоящее время один из центральных пунктов в общественной мысли. Не случайно сегодня говорят об «этническом повороте» в исследовании международных отношений, проблем безопасности и в других областях научных исследований.

По наблюдениям известного американского политолога К. Калхуна, в 1990-х годах, в период всеобщего энтузиазма по поводу глобализации многие пленялись идеей космополитической демократии, «третьей» глобальной демократической волны, ратовали за культурное многообразие, гибридные идентичности с проницаемыми границами и космополитическую этику, предполагающую обязательства всех перед всеми, и даже утверждали, что мир превращается в единый полис. События следующего десятилетия сделали дискурс глобализации еще более актуальным. Однако если 1989 г. символизировал оптимистические ожидания, то 11 сентября 2001 г. стало олицетворением оборотной стороны глобализации. Вызовы международного терроризма продемонстрировали значимость религиозной и этнической идентичности в мире и выдвинули на первый план проблемы национальной безопасности [Calhoun, 2007: 12].

По мнению многих аналитиков, мир вступил в новый исторический период, который, используя терминологию синергетиков, можно назвать «точкой бифуркации» – когда существующая система подходит к кризису и у нее появляется максимум вариантов выбора пути в некоем широком коридоре возможностей.

В этой связи, объясняя рост роли национализма в жизни современных политических сообществ, Зб. Бжезинский пишет: «Мир пробудился к осознанию политического неравенства, но-

вые коммуникации, грамотность привели к беспрецедентному у росту уровня политического мышления широких масс, сделав их восприимчивыми к эмоциональному потенциалу национализма, социального радикализма и религиозного фундаментализма» [Бжезинский, 2004: 64].

Действительно, национализм по-прежнему является главным способом организации групповой идентичности, поскольку он дает ответ на вопрос о том, что конституирует политическое сообщество: либо этническое происхождение и культурная общность, либо гражданство и принадлежность к определенному государству. Однако в литературе о посткоммунистических транзитах он трактуется исключительно как риск, которого надо избегать. Понять это обстоятельство нетрудно, поскольку в Восточной Европе после крушения коммунизма возникло более 200 национальных движений, действовавших в 70 территориальных единицах различного уровня. Возродившееся этнонациональное сознание «братских социалистических народов» послужило причиной того, что, начиная с 1990 года, в течение лишь 17 месяцев на европейском континенте появились 17 новых «суверенных» государств [Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе, 2010. Т. 1: 20].

Для обсуждения социального базиса, дающего основание для организации институтов массового политического участия, в посткоммунистических странах, прежде всего, используется категория «гражданское общество», что, по мнению Калхуна, является ошибкой. Теория демократического транзита не может обойти вниманием проблему формирования коллективных идентичностей, а национализм представляет собой один из наиболее влиятельных дискурсов о коллективной идентичности в современном мире в целом и в посткоммунистических странах – в частности. Чтобы гражданство объединяло, в его основе должен лежать общий дискурс обсуждения и решения назревших проблем. Поэтому демократические силы должны занять ключевые позиции на дискурсивном поле нации и не отдавать национальные проблемы на откуп правым экстремистским силам [Calhoon, 2007].

ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ ЭТНОПОЛИТОЛОГИИ

Дискуссии вокруг названных выше проблем идут в разных общественных науках, в том числе и в этнополитологии, роль которой в нашем Отечестве пока явно недооценивается.

Однако в отличие от «классических» наук с относительно длительной историей – этнологии и политологии, этнополитология, как, впрочем, и этносоциология, находится еще в стадии формирования своего предметного поля, уточнения понятийного аппарата, наработки теоретических концептов. Показательно, что этническая политика и связанная с ней новая область исследований – этнополитология – также завершают свое оформление буквально в последней трети XX – начале XXI вв., несмотря на то, что феномен *этнического многообразия человечества* существует уже несколько тысяч лет. Объяснение столь позднему признанию данного объекта политики дали разные авторы, в том числе немецкая исследователь Ф. Беккер: «вплоть до середины 1970-х годов еще существовал широкий консенсус по вопросу о том, что *этнические различия будут стираться в процессе модернизации*. Поэтому *этничность* рассматривалась только как *третьестепенный фактор*, и, по общему тогдашнему убеждению, *этнические различия можно было списать в подстрочник истории*» [Беккер, 2001: 68]. Как известно, сходное отношение к явлению этнического многообразия было характерно и для марксизма, как и для некоторых других «измов». Этим в определенной степени объясняется то, что этнополитология (по мнению Дж. Келли и др.) сохраняет в значительной степени описательно-эмпирический характер, зависящий от конкретных условий изучаемых «случаев» [Kelley, 2004]. Однако этничность не исчезла и не исчезнет в обозримом будущем, поэтому потребность в осмыслении ее роли в общественном жизни и политике будет актуальной постоянно.

Непосредственным «толчком» к началу процесса институализации «Этнополитологии» как научной дисциплины стала активизация борьбы этнических групп и расовых меньшинств США за гражданские права, против любых видов дискриминации в 1960-е гг., что, несомненно, стимулировало изучение «эт-

нического феномена». В свою очередь, усиление интереса к этническим и расовым проблемам способствовало появлению ряда исследовательских центров и научных периодических изданий, привлечению к исследованию этих проблем представителей целого ряда смежных с политической наукой дисциплин. Пионерами в этой области знания стали американские политические социологи П. Ван ден Берг, Э. Блэк, М. Паренти, Дж. Ротшильд и др., усилиями которых уже в 60-е годы XX в. и обозначилось обособление этнополитической проблематики, а для ее исследования стали использоваться методы социологической и психологической наук. Тогда же предпринимаются первые попытки определения специфики предметного поля формирующейся научной дисциплины. В частности, М. Паренти определял предмет этнополитологии, через «изучение влияния этнического фактора на политическое поведение людей и сферу политики в целом». Другой известный американский исследователь П. Ван ден Берг выделял в качестве предметной области этнополитологии взаимоотношения государства с этническими общностями и различными этнополитическими институтами – партиями, движениями, общественными организациями. Одну из первых серьезных попыток дать систематическое представление об этнополитике осуществил Дж. Ротшильд в появившейся в 1981 году книге «Этнополитика», где он описал причины процесса политизации этничности в современном мире. Согласно Ротшильду, рост этнополитической активности в странах Западной Европы и Северной Америки 1960–1970-х гг. связан с неравномерностью процессов экономической и политической модернизации. Одним из ответов на вызовы модернизации, по мнению американского исследователя, явилась мобилизация этничности, означающая ее превращение из культурного, социального или психологического фактора «в собственно политическую силу с целью изменения или закрепления сложившихся в обществе конкретных форм неравенства среди этнических групп». Эта новая политическая сила предназначалась для борьбы этнических общностей за ресурсный потенциал, поскольку достижение целей этнополитических движений зависит от экономических, политических и идеологических ресурсов, доступных этническим

группам. Ротшильд указывал также, что дополнительное внимание следует уделять реальному, фактическому составу, социальным характеристикам и культурным маркерам этнической группы [Rothschild, 1981: 2, 218–219]. Данная работа стала своеобразным рубежом в процессе кристаллизации этнополитологии как дисциплины.

Поиск места в системе научного знания об обществе был затруднен для этнополитологии, также тем, что наряду с этнологией, проблематику межнациональных и межэтнических отношений изучают: этносоциология, этнопсихология, этнология или социальная антропология, этнодемография и ряд других дисциплин (история, философия, право, экономика). «Характерно, что исследовательское «поле» отдельных этносоциальных наук постоянно пересекается и даже совпадает, и поэтому практически любое исследование этнических явлений неизбежно приобретает междисциплинарный характер» – отмечает социолог З.В. Сикевич [Сикевич, 1999: 12]. Однако что-то же должно отличать науки, изучающие этнические процессы и явления, друг от друга? Это «что-то» – угол зрения на объект исследования, который, как мы уже отметили, является общим для всех этих дисциплин, «целью этнополитологов является выяснение того, где и как этничность «пересекается» с политикой, каковы формы и последствия политизации этничности [Шабаев, 2011: 50].

Поэтому если «этническая социология – это специальная социологическая теория (отраслевая социология), изучающая социальную обусловленность этнических явлений» [Сикевич: 10], то по аналогии, мы можем предварительно определить этнополитологию как субдисциплину в рамках политической науки, изучающую политическую обусловленность этнических явлений и процессов. Причем этнополитология претендует на то, что она изучает не отдельные аспекты политической жизни этнических общностей, а всю эту сферу как целостную и многомерную систему, то есть она претендует на комплексность и интегративность получаемого знания об этом объекте. Таким образом, этнополитология как дисциплина носит пограничный характер, она является и следствием развития научной специализации, дифференциации науки, в данном случае политической науки, и наоборот, объ-

единения наук, кросс-научным видением проблем. При этом неизбежно в центре внимания этнополитологии оказывается:

во-первых, *государство* – поскольку современная его форма – это «государство – нация», а государственность – это тот объект, который обеспечивает «совместимость» двух основных концепций нации («нация–согражданство» и «этнонация») и объясняет их противоречивый симбиоз в различных социокультурных средах;

и, во-вторых, деятельность политических, в том числе пражящих центральных и региональных *элит*, связанная с их участием в этнополитических процессах.

Для размежевания с предметной областью этнической социологии используем, удачное, с нашей точки зрения, сравнение предметов политической социологии и политологии, которое предложили в свое время Р. Бендикс и С.М. Липсет. В частности они писали: Если политическая социология начинается с общества и исследует, как оно влияет на государство, т.е. на формальные институты распределения и осуществления власти то политическая наука начинается с государства и изучает, как оно влияет на общество [Political Sociology, 1966: 26].

Следовательно, и этнополитология, в отличие от этнической социологии, тоже идет от государства и других политических институтов и акторов и исследует, как государственная политика и деятельность политических элит воздействуют на этнические процессы. Если этносоциология изучает социальную структуру и статус этнических групп, определяющий специфику их интересов и поведения, социально значимые явления в этнической культуре, социальную мобильность этнических групп, то этнополитология исследует эти же процессы под другим углом зрения – как на них воздействуют политические феномены и, прежде всего государство. Так, если в социологических исследованиях «нация» рассматривается, прежде всего, как совокупность этнических групп, представляющих определенную социально-государственную общность, то в этнополитологии нация – это, прежде всего продукт усилий государства/политических элит по консолидации мультикультурного социума и строительству нации. Не случайно, Э.А. Паин обратил внимание на возможность двух

подходов в исследовании этнической политики. Первый имеет направленность «от этничности к политике». Он «подразумевает исследование этнокультурных особенностей политической активности разных этнических групп, например, своеобразие восприятия тех или иных политических стратегий представителями разных этнических культур». Второй подход – «от политики к этничности» – изучает «влияние политических решений и процессов на этническое развитие и межэтнические отношения». Его реализация предполагает исследование трех видов отношений: 1) между этническими общностями и политическими институтами государства; 2) между разными этническими общностями; 3) между индивидом и этнической общностью [Лаин, 2004: 15].

В свою очередь, в центре внимания этнопсихологии – находятся характеристики психики людей, обусловленные их этнической принадлежностью, этнические стереотипы, особенности такого феномена как «базовая этническая личность», здесь исследуются взаимосвязи между индивидуальным сознанием личности и коллективным чувством этнической солидарности и др. Все это, несомненно, интересует и этнополитологию, поскольку этническое самосознание признается сегодня главным этнодифференцирующим фактором, но главное для нее состоит в том, чтобы выяснить влияние психологических факторов на политическую жизнь общества в целом, взаимоотношения представителей различных этнических групп по поводу политической власти и ее институтов, на специфику их политического поведения и степень их вовлеченности/исключенности в политические процессы.

Если «...этнополитология ассоциируется прежде всего с управлением этническими и межэтническими процессами и имеет дело с политизированной этничностью, или этнизированной политикой, то... политическая антропология ориентируется на этнополитические культуры и потестарно-политическую организацию этнических общностей в исторической динамике, хотя и делает акцент – в отличие от этнополитологии – на механизмах функционирования и развития традиционных (архаических) и посттрадиционных этнополитических организмов» [Попов, 2006. Т. 1: 57].

Этнодемография изучает особенности воспроизводства этнических общностей – рождаемость, смертность, брачность

(наличие или отсутствие межэтнических браков, их динамику), особенности отношений между полами и поколениями обусловленные этнической принадлежностью и др. Этнополитология так или иначе рассматривает эти же явления, но сквозь призму воздействия на них политических институтов и процессов и т.д.

Разумеется, эти размежевания вполне условны и взаимопересечений и взаимовлияний нам не избежать. Тем более что этнополитология претендует на междисциплинарный статус и взяла из сопредельных обществоведческих дисциплин не только ряд концептов и понятий, но и методiku исследований. Как и этносоциология, она использует такие способы получения информации, как опросы населения, контент-анализ прессы, интервью с экспертами и политиками, включенное наблюдение, фокус-группы и др. Как и этнопсихология, этнополитология пользуется психологическими методиками при определении особенностей этнического сознания и идентичности.

Как и этнодемография, она немыслима без анализа демографических данных, в частности материалов переписи населения.

В то же время этнополитология применяет методы исследования, характерные для политической науки в целом: сравнительно-исторические, системные, сравнительно-институциональные и, конечно же, широко использует данные эмпирических исследований.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ РОССИЙСКОЙ ЭТНОПОЛИТОЛОГИИ

За рубежом на сегодняшний день опубликован огромный массив книг и статей по этнополитической проблематике, издается целый ряд международных междисциплинарных журналов: “Ethnicities”; “International Journal of Minority and Group Right”; “Nations and Nationalism”; “Ethnic and Racial Studies”; “Journal of Ethnic and Migration Studies”; “Journal of Multicultural Society” и др. сложились научные школы, есть уже признанные «классики», работы которых изучаются студентами политологами и т.д.

В России же появление этнополитологии приходится на бурные 1990-е годы, когда проблематика этой научной дисци-

плины становится остроактуальной в связи с распадом СССР и драматическими процессами становления на постсоветском пространстве новых суверенных национальных государств. При этом новоявленным российским этнополитологам практически не на что было «опереться» в отечественной научной традиции. Почти вся советская научная продукция по так называемым «национальным проблемам» была написана, по словам одного отечественного острослова, «в жанре заздравного тоста» и посвящена описанию: «расцвета и сближения социалистических советских наций», проявлений «дружбы советских народов» или формирования «новой исторической интернациональной общности советского народа». Господство в советском общественном сознании «единственно верного учения» загоняло исследователей в узкие рамки марксистско-ленинского подхода к общественным процессам, что мешало творческому обмену опытом и научными достижениями с учеными обществоведами стран Запада.

В то же время, как отмечает Р. Брубейкер, «никакое другое государство не зашло так далеко в поддержке, кодификации, институализации, в ряде случаев изобретении национальности на субгосударственном уровне, не сделав ничего, чтобы институализировать ее на уровне государства в целом». Согласно большевистскому пониманию «национальных» проблем, национальная принадлежность была жестко увязана с проживанием на конкретной территории. Соответственно, считалось, что у каждой территории есть своя «коренная», или «титупная» нация (понимаемая как этнос), для которой эта территория служит «национальным домом». Институциональным воплощением такого представления о решении национального вопроса и стала уникальная модель «национально-территориальной» федерации – СССР.

В советской науке было принято выделять стадияльно-исторические разновидности «этноса» – племя, народность, нацию, связывая их с определенными общественно-экономическими формациями. Нация рассматривалась как высшая форма этнической общности, сложившаяся в период становления капитализма на основе экономических связей, единства территории, языка, особенностей культуры и психики, т.е. представления о нации базировались на знаменитом определе-

нии И. Сталина начала XX века (свою очередь, «творчески» заимствованном у австромарксиста О. Бауэра): «Нация – это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»... «ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации. Более того: достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией» [*Сталин*, 1938: 6].

Народы, населявшие СССР, делились на народности, национальные группы и нации (такое деление было закреплено в Конституции). Нациями считались те народы, которые имели свою государственность – т.е. титульные народы республик, союзных и автономных, следовательно, существовала своеобразная иерархия этнокультурных общностей и национально-государственных образований. Таким образом, в советской науке и политической практике господствовал примордиалистский (эссенциалистский) подход к этническим категориям. Однако в СССР существовали два течения в трактовке этничности и этнополитических проблем. Во-первых, это марксистско-ленинская трактовка этнических феноменов, представленная, господствующей в советские годы «этнографической» школой академика Ю.В. Бромлея и его последователей. Определение «этноса», данное Бромлеем, является классическим для отечественных сторонников этого направления, и потому очень часто воспроизводится и в постсоветских изданиях: «Этнос... может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)». При этом он утверждал, что «этноты» возникают «не по воле людей, а в результате объективного развития исторического процесса» и обладают «объективными свойствами» [*Бромлей*, 1983: 57–58, 49].

Во-вторых, это маргинальное в советские времена, социобиологическое понимание этничности, представленное концеп-

цией «пассионарности» Л.Н. Гумилева, считавшего этнос биофизической реальностью, облеченной в эту или иную социальную оболочку. В частности, он утверждал, что «...с точки зрения эволюции вида как целого этносы были всегда ... Этнос – не следствие, а предпосылка социальной эволюции человечества» [Гумилев, Иванов, 1992: 51]. Этнос, по словам Гумилева, не может быть социальной группой, так как не связан напрямую с производительными силами, хотя его культура проявляется как социальное явление. Более того, для Гумилева этнос – феномен, неразрывно связанный с «кормящим и вмещающим ландшафтом».

В свою очередь, этногенез это четырехступенчатый (четырефазовый) процесс рождения, подъема, упадка и умирания этноса. Исключительную роль в этом процессе играет биологический потенциал человека. Накапливаясь в человеческих коллективах старых этносов, этот потенциал приводит к появлению избыточной энергии, именуемой им пассионарностью [Гумилев, 1990].

Следует отметить, что биосоциальная концепция «этноса», разработанная Л.Н. Гумилевым, как и социальная концепция «этноса» Ю.В. Бромлея обнаруживают множество сходств с теоретическими построениями С.М. Широкогорова – русского ученого, предложившего свою оригинальную концепцию «этноса» еще в 20-е годы XX века. Впрочем, Л.Н. Гумилев, в отличие от Ю.В. Бромлея и его учеников, не скрывал своего знакомства с работами С.М. Широкогорова [Элез, 2000].

В современной российской этнополитологии, как, впрочем, и в этнологии эти два подхода к трактовке этничности и так называемых «национальных» проблем представлены очень широко. Особенно много защитников этих трактовок этнических проблем в «национальных» республиках России, поскольку именно примордиализм предоставляет множество аргументов в деле защиты коллективных прав «этносов», особенно прав на «историческую территорию» и «национальную государственность». В целом же, как точно отмечает Ричард Дженкинс: «Грубый примордиализм – это в основном, обыденный взгляд, однако обладающий огромной силой в современном мире» [Jenkins, 1996: 814]. Л. Хиршфельд даже пишет о существовании «народной социологии», под которой он понимает «раздели-

тельную логику или социальную онтологию здравого смысла, вычленяющую «естественные» виды людей, которые реально существуют в мире» [Hirschfeld, 1996: 20]. Иначе говоря, склонность к «натурализации» и эссенциализации этнических и национальных категорий укоренена в познавательном «аппарате» масс. При этом примордиально понимаемая этничность, согласно обыденным представлениям, коренится в крови, в генах, т.е. изменить ее нельзя, ее обладатели такие, какие они есть, поэтому их можно либо принять, либо изгнать, либо уничтожить. Таким образом, если учитывать, что этничность мыслится здесь как нечто врожденное и неизменное, то такое ее понимание чревато трудно разрешимыми конфликтами и насилием над этнически чуждыми.

Следует также учитывать, что «социальная реальность не только производится и воспроизводится социальными агентами в соответствии с их представлениями, но и «воспроизводится» в производимых этими агентами описаниях...» [Соколовский, 2004: 20]. Поэтому отрицание на уровне массового сознания известного рода «искусственности», «сконструированности» этничности обуславливается тем, что конституированные институтами власти и образования и политическими акторами субъекты социальной деятельности уже с трудом могут мыслить самих себя в отрыве от этих институтов, а сами этнические институты, практики и идентичности рассматривают примордиалистски, как то, что извечно существовало в реальности, а раньше было: либо забыто, либо запрещено к упоминанию, либо не было еще «открыто» учеными, нежели как продукт деятельности государства, его институтов или этнических «предпринимателей».

ДОСТИЖЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭТНОПОЛИТОЛОГИИ

Все вышесказанное серьезно влияет на ситуацию в российской этнополитологии, однако она понемногу меняется к лучшему. Появились заметные научные работы по этнополитической проблематике, написанные с постмодернистских (преимущественно конструктивистских) позиций. И здесь следует отметить значение работ и роль в распространении современных подходов к

исследованию этничности академика В.А. Тишкова [Тишков, 1997; Тишков, 2003; Tishkov, 2004; Тишков, 2005; Тишков, Шаббаев, 2011; Тишков, 2013]. Возглавляемый им, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН РФ стал ведущей площадкой развития не только этнологии, но и этнополитологии, местом дискуссий по важнейшим направлениям данной науки. Под руководством В.А. Тишкова уже более двух десятилетий функционирует «Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов», создан и работает «Центр этнополитических исследований». В Ежегодных отчетах и тематических Бюллетенях сети обсуждаются проблемы государственной этнополитики в России и странах ближнего зарубежья, а также этнополитические проблемы российских регионов. Под редакцией академика В.А. Тишкова вышел целый ряд значимых работ по этнополитической проблематике, в том числе переводных [Идентичность и конфликт в постсоветских государствах, 1997; Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ, 2002; Национализм в мировой истории, 2007; Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бегрховского центра, 2007; Культурная сложность современных наций, 2016]. В этом институте работает ряд исследователей – авторов значимых работ по этнополитической проблематике: С. Абашин [Абашин, 2007], Н.М. Губогло [Губогло, 1998], Е. Деминцева [Деминцева, 2008], В.Ю. Зорин [Зорин, 2002; Зорин, Аствацатурова, 2014], С.В. Соколовский [Соколовский, 1997; Соколовский, 2004], Е.И. Филиппова [Филиппова, 2010], В.А. Шнирельман [Шнирельман, 2011]. Под эгидой Института этнологии и антропологии публикуются важные коллективные работы по этнополитическим проблемам [Этническая политика в странах Балтии, 2013].

Существует авторитетный центр исследования этносоциальных и этнополитических проблем России в Институте социологии РАН, возглавляемый Л.М. Дробижевой и В.И. Мукомелем [Дробижева, Аклаев, Коротеева, Солдатова, 1996; Дробижева, 2003; Российская идентичность в Москве и регионах, 2008; Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра, 2013].

В целом, в 1990–2000-е годы появляются значимые работы по проблемам теории наций и национализма, этнополитики и иммиграционной политики, этнофедерализма и этнополитических процессов и конфликтов в России и мире известных московских исследователей: А.Г. Здравомыслова [*Здравомыслов*, 1996], Л.Г. Ионина [*Ионин*, 2013], С. Каспе [*Каспе*, 2012], В.В. Коротеевой [*Коротеева*, 1999], О.Ю. Малиновой [*Малинова*, 2000; *Малинова*, 2009], В.С. Малахова [*Малахов*, 2005; *Малахов*, 2014; *Малахов*, 2015], А.И. Миллера [*Миллер*, 2006; *Миллер*, 2016], В.И. Мукомеля [*Мукомель*, 2012], Э. Паина [*Паин*, 2004; *Паин*, 2009; *Паин, Федюнин*, 2017], Т. и В. Соловей [*Соловей, Соловей*, 2011], В.Р. Филиппова [*Филиппов*, 2003] и др. В московских и петербургских издательствах публикуются переводы многих классических работ по этнополитической проблематике. Статьи, посвященные значимым теоретическим и практическим проблемам этнополитологии, все чаще появляются в «главном» российском политологическом журнале «ПОЛИС», в журнале «Политическая наука» и тематических сборниках, издаваемых ИНИОН РАН [*Европеизм и национализм в странах Восточной Европы*, 2014]. В 2008 г. начал издаваться журнал «Вестник российской нации», однако это скорее политический проект, а не общероссийский научный этнополитологический журнал.

В последние годы опубликован ряд интересных исследований, посвященных феноменам идентичности, идентификации и политики идентичности, вдохновителем многих из которых стала И.С. Семененко [*Идентичность как предмет политического анализа*, 2011; *Политическая идентичность и политика идентичности*, 2012; *Постсоветская идентичность в политическом измерении: реалии, проблемы, перспективы*, 2014]. Активно занимается исследованием расизма, национализма и политического радикализма в России Информационно-аналитический центр «Сова», возглавляемый А.М. Верховским [*Информационно-аналитический центр «СОВА»*] и т.д.

Постепенно формируются исследовательские центры и появляются интересные этнополитические исследования, в том числе прикладные, в регионах России. Заметный вклад в развитие российской этнополитологии, в дискуссии по теоретическим

и практическим проблемам дисциплины вносят исследователи из Казани: О.И. Зазнаев [Политическая идентичность и политика идентичности, 2011], З.А. Исхакова [Исхакова, Зинурова, Мусина, 2002], Д.М. Исхаков [Современная татарская нация: концептуальные исследования, 2007], Р.Н. Мусина [Этносоциологические исследования в Республике Татарстан, 2008], Н.М. Мухарямов [Мухарямов, 1996], Л.В. Сагитова [Сагитова, 1998], М.Х. Фарухшин [Фарухшин, 2013; Фарухшин, 2013] и др. Здесь работает «Центр этнологических исследований» Института истории АН РТ, регулярно осуществляются прикладные исследовательские проекты и мониторинг этноконфессиональной ситуации в Республике Татарстан (например, проект «Конфессиональный фактор идентификационных процессов в Республике Татарстан – 2011 г., рук. Р.Н. Мусина). Этносоциологи и этнополитологи Татарстана активно сотрудничают с Институтами социологии и этнологии и антропологии РАН. В Казани издаются журналы «Ab Imperio» и «Казанский федералист», на страницах которых регулярно публикуются интересные статьи российских и иностранных авторов по этнополитической проблематике.

Центром этнополитических исследований становится и Санкт-Петербург. В Санкт-Петербургском государственном университете этнополитической проблематикой плодотворно занимаются преимущественно ученые двух факультетов – социологии и политологии: В.А. Ачкасов [Ачкасов, 2012; Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России, 2016; Ачкасов, 2017], О.В. Попова [Попова, 2002; Попова 2013, Т. 9], М.С. Розанова, З.В. Сикевич [Сикевич, 2012], Н.Г. Скворцов А.В. Сидоренко [Скворцов, 1997; Сидоренко, 2008] и др. Уже более 15 лет студентам читаются курсы этнополитологии и этносоциологии, готовятся и защищаются диссертации по этнополитической проблематике, появились и свои учебники по этим дисциплинам. В журналах «Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС», издаваемом факультетом политологии и «Социология и социальная антропология», издаваемым факультетом социологии есть практически постоянные рубрики «Этнополитология» и «Этническая социология». Другим заметным центром исследования различных аспектов этнополитической про-

блематики в Санкт-Петербурге является «Центр независимых социологических исследований», который провел серию семинаров «Этничность, миграции, национализм», целью семинаров стало критическое рассмотрение таких понятий как «этничность», «нация», «национализм», «расизм», «мультикультурализм» и др. Материалы ряда семинаров были изданы [Миграция и национальное государство, 2004; Расизм в языке образования, 2008].

По вполне понятным причинам, исследование проблем этнополитических конфликтов и способов их урегулирования, прежде всего осуществляется учеными наиболее проблемных регионов России. Так, в Ставрополе формировалась школа этноконфликтологии, лидером которой является А.В. Авксентьев. Члены этого исследовательского коллектива заняты не столько теоретическими проблемами этнополитологии и этноконфликтологии, сколько прикладным анализом этнополитической ситуации на российском Северном Кавказе, осуществляя ее постоянный мониторинг и предлагая властям те или иные варианты решения острейших проблем региона [Авксентьев, Гриценко, Дмитриев, 2008; Авксентьев, Зинев, Лавриненко, Лепилкина, Майборода, 2011; Авксентьев, Гриценко, Дмитриев, 2008; Авксентьев, Зинев, Лавриненко, Лепилкина, Майборода, 2011; Чагилов, 1999]. Другой исследовательский центр, занятый исследованием практически тех же проблем и тесно сотрудничающий и с коллективом под руководством В.А. Авксентьева, и с Институтом этнологии и антропологии РАН сложился в Ростове-на-Дону. Наиболее известные ученые этого центра М.А. Аствацатурова, В.Г. Игнатов, А.М. Старостин, Л.Л. Хоперская и др. [Аствацатурова, 2002; Аствацатурова, Тишков, Хоперская, 2010; Игнатов, Понделков, Старостин и др., 2006; Хоперская, Харченко, 2005] провели большое количество исследований, научных семинаров и конференций, посвященных анализу и мониторингу конфликтов на Северном Кавказе, неоднократно формулируя рекомендации по управлению и урегулированию этих конфликтов. Однако, как в случае с работами ученых из Ставрополя, эти прикладные исследования, как и предложенные рекомендации практически не востребованы региональными властями.

Как уже отмечалось выше, значительный объем публикаций по «национальному вопросу» появился из-под пера исследователей из республик Северного Кавказа или выходцев из этого региона [Абдулатипов, 2000; Абдулатипов, 2004; Абдулатипов, 2005; Абдулатипов, Михайлов, 2016]². Однако почти все они написаны в рамках традиционной советской примордиалистской парадигмы и поэтому имеют незначительную научную ценность.

Сегодня появляются интересные исследования и в некоторых других регионах России. Так, целый ряд работ по финно-угорскому националистическому движению, по проблемам российской этнополитики и этнополитологии опубликовал Ю.П. Шабаев [Шабаев, Чарина, 2010; Шабаев, Логинова, 2017], работающий в Сыктывкаре, он же стал соавтором В.А. Тишкова по одному из самых удачных учебников по этнополитологии. Формируется центр этнополитических исследований и на российском Дальнем Востоке, одним из лидеров которого является А.М. Кузнецов. Выходят работы по этнополитической проблематике в Екатеринбурге, Краснодаре, Перми, Самаре и некоторых других региональных центрах [Этнос и нация в условиях глобализации: опыт и прецеденты АТР, 2008; Дагбаев, Савва, 2008; Мухаметшина, 2003; Мухаметшина, 2005; Панов, 2011; Савинов, 2014; Фадеечева, 2003].

---

² Прежде всего, это работы известного российского политика, и очень активного автора Р.Г. Абдулатипова (Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство в России. М., 2000; Абдулатипов Р.Г. Российская нация: этнонациональная идентичность россиян в современных условиях. М., 2005; Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А. Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос. М., 2016 и др.). Так, в одной из своих работ он утверждает, что «род, племя, этнос, нация-этнос – это важнейшие исторические формы перехода этнонаций от простых к сложным системам социально-политических общностей людей при формировании специфической культурной, природной и этнополитической среды как самобытной системы жизнеобеспечения конкретных наций-этносов и крупных наций государств» (Абдулатипов Р.Г. Этнополитология. Учебное пособие. СПб., 2004, с. 23), то есть он повторяет основные постулаты «школы Ю. Бромлея».

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЭТНОПОЛИТОЛОГИИ

Однако квалифицированных этнополитологов в России по-прежнему крайне мало, особенно в регионах, не случайно, что одна из первых публикации посвященных ситуации в российской этнополитологии называлась «Этнополитология в России: наука без «периферии» [Шабает, 2008]. Господствующим в российской этнополитологии, по-прежнему, остается примордиалистский подход, а те немногие приверженцы конструктивизма, которые есть в нашем Отечестве, зачастую «являются большими католиками, чем Папа римский». Комментируя эту ситуацию, известный российский исследователь Э. Паин отмечает, что в России сегодня сложились два примерно равно неадекватных подхода к трактовке этнополитических проблем. Один из них, базируется на методологии примордиализма ... с немалой долей мистицизма и допускает фатальную, извечную предопределенность культурных свойств и ценностных ориентаций различных народов («этносов») и цивилизаций. Отсюда вытекает идея роковой «судьбы народа»... Другая крайность – чрезмерный конструктивизм, который преувеличивает пластичность и манипулируемость массового сознания под воздействием дискурса интеллектуальных и политических элит. Оба подхода приводят к весьма упрощенным представлениям о процессе формирования нации [Паин, 2009: 116]. Можно согласиться с тем, что «эт-носы» не обладают свойствами социальной субъектности, то есть способностью к целеполаганию, выбору альтернатив, принятию решений и осуществлению действий. Однако и редукция этничности к инструменту политики, превращение ее только в политический ресурс элит сомнительна и ставит ряд вопросов, на которые нет ответа.

Однако, как представляется, сегодня в России уже появилась и третья модель интерпретации феномена этничности, которая, не отвергая две вышеупомянутые модели, стремится преодолеть их крайности и найти некую «золотую середину» в трактовке этнополитических проблем, однако это, конечно, не позволяет говорить об отсутствии проблем в российской этнополитологии, более того, они крайне серьезны:

1. Нет государственного образовательного стандарта по этнополитологии, что свидетельствует о низкой значимости и статусе важнейшей для нашей страны дисциплины. Правда, ФАДН России совместно с РАНХиГС и специалистами Министерства труда и социального развития разработали проект профессионального стандарта – «специалист в области межнациональных и межрегиональных отношений», однако без сколько ни будь широкого обсуждения его в профессиональной среде;

2. Поэтому нет и российских университетов, которые бы целенаправленно готовили специалистов этого профиля. Сам учебный курс «Этнополитология» появился на факультетах и отделениях политологии только в начале нового века и входит сегодня лишь в вариативную часть профессионального цикла Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) для бакалавров-политологов. Серьезной проблемой остается и почти полное отсутствие диссертационных советов по специальности 23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика. Отсюда «периферийность» дисциплины, которая либо предлагается студентам как факультатив, либо вообще не преподается. И это несмотря на высокую степень востребованности специалистов – этнополитологов. Так, сегодня достаточно быстро выяснилось в регионах России практически некому осуществлять задачи, сформулированные в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2015 г.», принятой в конце 2012 года [Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.]. Исследователи неоднократно отмечали непрофессионализм чиновников от этнополитики, давление на них со стороны этнически ориентированных политиков и этнонациональных организаций, которые пытаются навязать государственным институтам

---

3 Правда, ситуация начинает меняться, в 2014 г., по инициативе Администрации Президента РФ, создаются кафедры этнополитологии в Московском и Санкт-Петербургском университетах, появились магистерские программы по этнополитической проблематике. Однако это только первый шаг.

свое видение государственной национальной политики. Как резонно утверждает Ю.П. Шабаев, «...следует признать, что региональная политика идентичности находилась и находится под значительным влиянием именно этнических антрепренеров, чьи интересы и намерения далеко не всегда совпадают с интересами общества и государства. Этнические антрепренеры в массе своей являются проповедниками алармистских идей, постольку они рассматривают этнокультурные процессы, происходящие на территории проживания своих народов, не как естественное межкультурное взаимодействие, следствием которого становится формирование все более унифицированных форм поведения и культурного потребления, а нередко как культурный апокалипсис, итогом которого станет/становится «вымирание» народов [Шабаев, 2013].

3. В «Стратегии государственной национальной политики...» поставлена задача – создать систему мониторинга этнополитической ситуации в регионах России. Однако в России уже существует «Сеть этнического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов» и более полутора десятков лет издается Бюллетень этой сети. Как отмечал ее создатель и лидер В.А. Тишков: «научный мониторинг прикладной направленности доказал свою общественную пользу с точки зрения лучшего понимания и более эффективного управления сферой межэтнических отношений и предотвращения конфликтов в стране и региональных сообществах с этнически сложным составом населения» [Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 году, 2012: 8]. Казалось бы, можно использовать эту структуру как основу для создания государственной системы мониторинга, для получения научных, а не ангажированных оценок этнополитической ситуации. Однако у нас принято самим «изобретать велосипед». Сегодня из-за финансовых трудностей эта сеть работает уже не столь эффективно, а Бюллетень выходит крайне нерегулярно, оставаясь добротным, но «узкоцеховым изданием» (Ю.П. Шабаев).

4. Еще одна проблема, связана с научной литературой по этнополитологии на русском языке – она очень «неравномерно» распределена по основным тематическим блокам. Очень скудна,

фрагментарна или недостаточно профессиональна литература по проблемам становления национального государства в различных регионах мира. Намного лучше с источниками по проблемам этничности, истории и теории наций и национализма, поскольку на русский язык переведены многие классические работы по данной тематике. Появляется достаточно обширная литература по проблемам этнической идентификации, «национальному строительству», по этнополитическим конфликтам, но количество здесь еще не переросло в качество, тоже самое можно сказать и о литературе по этнополитическим проблемам современной России и др. (речь идет только о русскоязычной литературе). Хотя, конечно же, из этого «правила» есть и радующие исключения.

5. Наконец последнее замечание, связанное с проблемами преподавания этнополитологии и учебниками по данной дисциплине. Сегодня уже существует, по крайней мере, четыре учебника «Этнополитологии», опубликованных в Москве и С.-Петербурге достаточно массовым тиражом: Абдулатипов Р.Г. Этнополитология. Учебное пособие. СПб., 2004; Ачкасов В.А. Этнополитология. Учебник. СПб., 2005 (2-е изд. М., 2014); Шаббаев Ю.П., Садохин А.П. Этнополитология. Учебное пособие. М., 2005; Тишков В.А., Шаббаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М., 2011. Однако все они написаны с различных исследовательских позиций, дают разные, зачастую взаимоисключающие, интерпретации, предмета «Этнополитологии», ее базовых понятий и концептов.

* * *

Закljučая рассмотрение проблем места и роли этнополитологии в России, можно констатировать, что она, несмотря на значительные препятствия и трудности, развивается. Уже есть некоторое согласие об объекте и предметной сфере дисциплины, о ее методах и функциях, постепенно формируется ее теоретическая база. Дисциплина заняла свое скромное место среди других дисциплин общественно-политического профиля, что свидетельствует о ее недостаточной востребованности, несмотря на

вполне очевидную значимость для российской политической практики.

Поэтому, как представляется, дальнейшее и успешное развитие российской этнополитологии как учебной дисциплины и как науки зависит не только и не столько от разрешения «внутрицеховых» профессиональных проблем, сколько от того, насколько она будет востребована российской властью, которая на словах уже признает заинтересованность в ее развитии. Об этом, в частности, говорил Президент РФ на заседании Совета по межнациональным отношениям в Астрахани в 2016 году.

Список литературы

- Абашии С.* Национализм в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб., 2007.
- Абдулатипов Р.Г.* Национальный вопрос и государственное устройство в России. М., 2000.
- Абдулатипов Р.Г.* Российская нация: этнонациональная идентичность россиян в современных условиях. М., 2005.
- Абдулатипов Р.Г.* Этнополитология. Учебное пособие. СПб., 2004, с. 23.
- Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А.* Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос. М., 2016.
- Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В.* Региональная конфликтология: концепты и российская практика / Под ред. М.К. Горшкова. М., 2008.
- Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В.* Региональная конфликтология: концепты и российская практика / Под ред. М.К. Горшкова. М., 2008.
- Авксентьев В.А., Зинев С.Н., Лавриненко, Лепилкина О.И., Майборода Э.Т.* Этнополитические процессы на Юге России: от локальных к блоковым конфликтам. Ростов-на-Дону, 2011.
- Аствацатурова М.А.* Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление. Северо-Кавказский регион. Ростов-на-Дону–Пятигорск, 2002.
- Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л.* Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М., 2010.

- Ачкасов В.А.* Политика идентичности мультиэтнических государств в контексте решения проблемы безопасности. СПб., 2012.
- Ачкасов В.А.* Политика идентичности мультиэтнических государств в контексте решения проблемы безопасности. Сеул, 2017 (на корейском языке).
- Беккер Ф.* Этничность и миграция: критическое прочтение понятия этничности в миграционных исследованиях // *Ab Imperio*. 2001. № 3, с. 68.
- Бжезинский Зб.* Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2004, с. 64.
- Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983, с. 57–58, 49.
- Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Руководитель проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2013.
- Губогло М.Н.* Языки этнической мобилизации. М., 1998.
- Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.
- Гумилев Л.Н., Иванов К.П.* Этнические процессы: два подхода к изучению // Социологические исследования. 1992. № 1, с. 51.
- Дагбаев Э.Д., Савва М.В.* Регионалистика и этнополитология. Современная российская политическая наука. М., 2008.
- Деминцева Е.* Быть арабом во Франции. М., 2008.
- Дробижева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003.
- Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации. М., 1996.
- Европеизм и национализм в странах Восточной Европы: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН / Отв. Ред. Игрицкий Ю.И. М., 2014.
- Здравомыслов А.Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М. 1996.
- Зорин В.Ю.* Российская Федерация: проблемы формирования этнокультурной политики. М., 2002.
- Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление духовной общности российской нации. М.: ИЭА РАН, 2014. Вып. 236.
- Игнатов В.Г., Понеделков А.В., Старостин А.М.* и др. Экспертные оценки конфликтологических процессов на Юге России. Информационно-аналитические материалы. Ростов-на-Дону, 2006.
- Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. В.А. Тишкова. М., 1997.

- Идентичность как предмет политического анализа. / Под ред. И.С. Семеновко. М., 2011.
- Информационно-аналитический центр «СОБА». URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/>.
- Ионин Л.Г.* Восстание меньшинств. М. – СПб., 2013.
- Исхакова З.А., Зинурова Р.И., Мусина Р.Н.* Современная этноязыковая ситуация в Республике Татарстан. Казань, 2002.
- Каспе С.* Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. М., 2012.
- Коротеева В.В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999.
- Культурная сложность современных наций / Отв. ред. В.А. Тишков и Е.И. Филиппова. М., 2016 и др.
- Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007, с. 145.
- Малахов В.* Интеграция мигрантов: концепции и практики. М.: Мысль, 2015.
- Малахов В.* Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М., 2014.
- Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. М., 2005.
- Малинова О.Ю.* Либеральный национализм (середина XIX – начало XX в.). М., 2000.
- Малинова О.Ю.* Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллективной идентичности. М., 2009.
- Миграция и национальное государство / Под ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. СПб., 2004.
- Миллер А.* Империя Романовых и национализм. М., 2006; Миллер А.И. Нация или Могущество мифа. СПб., 2016.
- Мукомель В.И.* Политика интеграции. М., 2012.
- Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М., 2002.
- Мухаметшина Н.С.* Этничность и политика. Уч. пособие. Самара, 2005.
- Мухаметшина Н.С.* Трансформации национализма и «символьная элита»: российский опыт. Самара, 2003.
- Мухарьямов Н.М.* Вопросы теории этнополитического анализа. Казань, 1996.
- Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., 2007.

- Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе / Под ред. Э. Яна. Т. 1: Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств. М., 2010., с. 20.
- Неменский О.* Европейские нации и кризис системы международных отношений // Вопросы национализма. 2010. № 4, с. 82.
- Паин Э.* Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М., 2004.
- Паин Э.* Распутица: Poleмические размышления о предопределенности пути России. М., 2009.
- Паин Э., Федюнин С.* Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием. М.: Мысль, 2017.
- Паин Э.А.* Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М., 2004, с. 15.
- Панов П.В.* Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М., 2011; Савинов Л.В. Управление национальными отношениями: Учебное пособие. Новосибирск, 2014;
- Политическая идентичность и политика идентичности / Под ред. О.И. Зазнаева. Казань, 2011.
- Политическая идентичность и политика идентичности: в 2-х тт. /Отв. ред. И.С. Семененко. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий; Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. М., 2012.
- Попов В.А.* Политическая антропология и этнополитология: объекты и предметы изучения // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2 т. / Сост. И отв. ред. В.В. Бочаров. Том 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006, с. 57.
- Попова О.В.* Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб., 2002; Попова О.В. Исследование проблем политической идентичности в России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9. № 2.
- Постсоветская идентичность в политическом измерении: реалии, проблемы, перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической Интернет-конференции / Под ред. М.В. Назукиной, О.Б. Подвинцева, Н.А. Коровниковой. Пермь, 2014.
- Расизм в языке образования / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб., 2008.
- Российская идентичность в Москве и регионах /Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2008.
- Сагитова Л.В.* Этничность в современном Татарстане. Казань, 1998.

- Сикевич З.В.* Социология и психология национальных отношений. Учебное пособие. СПб., 1999, с. 12.
- Сикевич З.В.* Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе. СПб., 2012.
- Скворцов Н.Г.* Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1997; Сидоренко А.В. Федерализм в мультиэтническом обществе: проблемы и перспективы. СПб., 2008.
- Современная татарская нация: концептуальные исследования /Отв. ред. Д.М. Исхаков. Казань, 2007.
- Соколовский С.В.* Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации М., 2004.
- Соколовский С.В.* Права меньшинств: антропологические, социологические и международно-правовые аспекты. М., 1997.
- Соловей Т., Соловей В.* Не состоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. М., 2011.
- Сталин И.В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1938, с. 6.
- Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://www.pravo.gov.ru/ipsdata/>.
- Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.
- Тишков В.А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
- Тишков В.А.* Этнология и политика. М., 2005.
- Тишков В.А., Шабаетов Ю.П.* Этнополитология: политические функции этничности. М., 2011; Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013.
- Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в германии и России: Коллективная монография. Ред. и сост. М.С. Розанова и В.А. Ачкасов. СПб.: Скифия-принт, 2016.
- Фадеечева М.А.* Человек в этнополитике. Концепция этнического бытия. Екатеринбург, 2003.
- Фарукишин М.Х.* Этничность и федерализм. Казань, 2013.
- Фарукишин М.Х.* Этнополитология. Учебник для студентов и аспирантов факультетов и отделений политологии университетов Российской Федерации. Казань, 2013.
- Филиппов В.Р.* Критика этнического федерализма. М., 2003.
- Филиппова Е.* Территории идентичности в современной Франции. М., 2010 и др.
- Хоперская Л.Л., Харченко В.А.* Локальные межэтнические конфликты на Юге России: 2000-2005 гг. Ростов-на-Дону, 2005.

- Чагилов В.Р. Политизированная этничность: опыт методологического анализа. М., 1999.
- Шабаев Ю.П., Логинова Н.Н. Уральские народы России и Зарубежной Европы. Саранск: Изд-во Мордовс. Ун-та, 2017.
- Шабаев Ю.П. Культурный апокалипсис или гражданская консолидация? // Социологические исследования. 2013, № 3.
- Шабаев Ю.П. Этнополитология в России: наука без «периферии» // Политическая наука в России: проблемы, направления и школы (1990–2007). М., 2008.
- Шабаев Ю.П. Этнополитология в России: Формирование учебной дисциплины // Политическая наука: Науч. журн. М.: ИНИОН РАН, 2011. № 1: Этничность и политика Ред и сост. номера О.Ю. Малинова, с. 50.
- Шабаев Ю.П., Чарина А.М. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). СПб., 2010.
- Шнирельман В. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. В 2-х тт. М., 2011.
- Элез А.Й. Критика этнологии. М., 2000.
- Этническая политика в странах Балтии / Отв. ред. В.В. Полещук, В.В. Степанов. М.: Наука, 2013.
- Этнические войны // URL: http://yaran-suvar.ucoz.ru/news/ehtnicheskie_vojny/2011-08-14-434.
- Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 году. Ежегодный доклад. Под редакцией Валерия Тишкова и Валерия Степанова. М., 2012, с. 8.
- Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бегрховского центра. (пер. с англ.) / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2007.
- Этнос и нация в условиях глобализации: опыт и прецеденты АТР / Под ред. А.М. Кузнецова. Владивосток, 2008.
- Этносоциологические исследования в Республике Татарстан: сб. науч. статей /сост. и ред. Р.Н. Мусина, Л.В. Сагитова. Казань, 2008.
- Brubaker R. Nationalism Reframed. Cambridge, 1996, p. 29, 83.
- Calhoun C. Nations matter. Culture, history, and the cosmopolitan dream. L., N.Y., 2007, p. 12.
- Camilleri J., Falk J. The End of Sovereignty? The Politics of a Shrinking and Fragmenting World. Aldershot: Edward Elgar. 1992, p. 27–31.
- Hirschfeld L.A. Race in the Making: Cognition, Culture and the Child's Construction of Human Kinds. Cambridge, Mass. 1996, p. 20.
- Jenkins R. Ethnicity etcetera: Social Anthropological Points of View // Ethnic and Racial Studies. 1996. Vol.19, № 4. Oct., p. 814.
- Kelley J. Ethnic Politics in Europe. The Power of Norms and Incentives. – Princeton : Princeton University Press, 2004.

Mode of access: <http://www.systemicpeace.org/Global%20Report%202009.pdf>.

Political Sociology / Coser L. (ed.). N.Y., 1966, p. 26.

Rokkan St., Urwin D.W. (ed.) Introduction : Centres and Peripheries in Western Europe // The Politics of territorial Identity/ Studies in European Regionalism. Lonon, Beverly Hills, New Delhi. 1982, p. 1.

Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. N.Y.: Columbia univ.press, 1981, p. 2, 218–219.

Tishkov, V.A. Chechnya: life in a war-torn society / Foreword by M.S. Gorbachev. Berkeley: Univ. of California press, 2004.

ЭТНИЧНОСТЬ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ. СМЫСЛ И ЗНАЧИМОСТЬ НАУЧНЫХ ОБОБЩЕНИЙ

Ю.Г. Волков

ВВЕДЕНИЕ

В эволюции представлений российского научного сообщества о природе этничности и межнациональных отношений следует обратить внимание на тот факт, что на нынешнем этапе достигнута конвенция относительно предметного поля этничности и межнациональных отношений [Дробижева, 2017: 26–36]. В связи с этим возникает необходимость включить новые достигнутые результаты в устоявшуюся систему представлений, концептов и теорий, позволяющую выявить критерии их адекватности происходящим в российском обществе процессам в сфере межэтнических отношений.

Необходима актуализация дискурса понимания, то есть переход от полемического восприятия исследуемых объектов, определяемого зависимостью от наследия прошлого или стремления перевести на российскую почву стандарты научного мышления, выработанные за рубежом, к пониманию целостности единого смысла состояния исследования. Говоря сейчас об отсутствии атмосферы неуверенности, растерянности постсоветского периода, мы должны учитывать, что преодоление состояния фрустрации ориентировалось на нахождение концептов, удовле-

творяющих потребность в преемственности научной традиции, что не было свойственно советскому периоду [Тишков, 2010].

Длительная дискуссия об этносе, где сталкивались диаметрально противоположные позиции конструктивистов и примордиалистов, имела в основании следующее: с одной стороны, утверждение включенности в современную традицию понимания предметного поля этничности, а с другой – определение того, в каком состоянии находятся межнациональные отношения в России, какие процессы приводят к возникновению межэтнических конфликтов и как связывается рост этнического сознания, этнического самоопределения, этнической самоидентификации с рисками дезинтеграции российского государства или формирования новой основы консолидированности российского народа.

В ответе на этот вопрос были найдены предварительные условия перехода от этноса к этничности, включены в исследовательский инструментарий маркеры, разграничивающие этнос в эссенциалистской (субстанциалистской) трактовке и этнические группы как подвижные, нестабильные, конструируемые в контексте коллективного самоопределения или под воздействием исторических мифов, преданий, идеологии национального возрождения.

В дискуссии с примордиалистами сторонники конструктивистского подхода опирались не только на авторитет конструктивистской традиции (Б. Андерсон, Э. Гелнер, Э. Хобсбаум), но и исходили из того, что закрепление примордиальности этноса воспроизводит логику этнонационального обособления, суживает возможности межнационального диалога. Основной упрек определялся тем, что в позициях примордиалистов легитимируется посыл наделения суверенностью этноса при переходе в состояние нации как объективная необходимость.

Объективизм примордиализма ставит барьер перед исследованием этничности в качестве социокультурного маркера при обращении к процессам межэтнического взаимодействия на основе принятия формулы самоидентификации. Очевидно, что примордиалистская трактовка опиралась на иерархию этнических статусов, права этноса на национальный суверенитет по критерию объективных условий (территория, численность, история). Это имело прогнозируемым деструктивным последствием

ем множественность претензий на ревизию отношений между государством и этническими общностями, что стимулировало взаимное отчуждение и непонимание между этническими группами, точнее этническими элитами, в стремлении к удовлетворению властных и территориальных амбиций.

Исследования в сфере этничности, таким образом, были направлены на избавление от цикличности «этносуверенности» и выход на иное измерение, связанное с пониманием этничности как конструируемых и осознаваемых различий в культурной сфере в рамках взаимодействия (конфликтности, конкурентности или кооперации) этнических групп.

Сама дискуссия об этносе в примордиализме и конструктивизме как двух основных исследовательских векторах классификации и описания межнациональных отношений была встроена, как признает В.С. Малахов, в практику, что породило сомнение в ограниченности аналитики, отказе от нахождения конвенционального определения ключевых понятий в силу влияния интересов, деформирующих и интерпретирующих проблему по критерию самодостаточности и переводу на язык собственных симпатий и предпочтений [Малахов, 2010: 120].

Между тем научное сообщество нуждается в процедуре классификации хотя бы потому, что это требует структурирования социально-политического пространства. Значимое влияние на состояние исследований этничности и межнациональных отношений в российском обществе оказала и зависимость от действующих зарубежных теоретических моделей. Казалось бы, удачная ссылка на немецкую (примордиалистскую) [Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта, 2016: 422] и французскую (конструктивистскую) позицию, позволяющую разделить гражданский и этнический национализмы, привела к тому, что необъяснимым фактором является возникновение во Франции локальных региональных сепаратизмов (корсиканский, бретонский) и интегрированность немецкого общества, отсутствие внутриэтнических конфликтов.

Разумеется, можно согласиться с тем, что само разделение на примордиализм и конструктивизм, гражданский и этнический национализмы условно и представляет собой идеальные

типы, по М. Веберу, но в то же время понятийная дихотомия никуда не исчезает, так как блокируется на основании целесообразности. Если задан вектор создания политической (гражданской) нации, понимание этноса в рамках методологического индивидуализма отодвигается в сторону, становится периферийным. Выявляется действие критерия прагматики, что знаменует отказ от модели телеологизма «племя-этнос-нация» и одновременно конституирует элитарный дискурс, признание роли интеллектуальных и политических элит, в том числе и ученого общества, в мобилизации этнических сообществ.

Можно констатировать, что в форматировании исследовательского пространства был достигнут конвенционализм, и не случайно теоретические возможности изучения этничности и межнациональных отношений работают на разведение двух дискурсов: суверенности и идентичности. Иными словами, на первое место ставится проблема идентичности, позволяющая анализировать этничность как процесс, не привязанный к обретению суверенности, выходу на политическую мобилизацию и поддающийся контролю на основании культурного и информационного воздействия в институциональном контексте.

Этничность рассматривается путем переноса акцента на идентификационные процессы, выявления соотношения этнической идентичности с гражданской, региональной, религиозной, конфессиональной. Подобная теоретическая апелляция делает возможным выявлять корреляцию между социоструктурной динамикой, осознанием прав граждан и этническим самоопределением. Происходит демистификация коллективных прав нации, и сувереном объявляется индивидуальность, осуществляющая добровольный выбор этничности в рамках собственного социального и культурного опыта.

Этнические особенности, воспринимаемые как культурные, результируют незаконченность культурной идентичности, которая могла бы стать основанием для политического национализма, для актуализации этничности в рамках политики претензий на суверенность, на национальную государственность как физическое (территориальное) и социальное (культурное) пространство. Разумеется, возникают противоречия, связанные с тем, на

каких основаниях можно провести границу между претензиями на этническую идентичность и включенностью в нацию, обладающую правом суверенитета.

Российские исследователи в рамках анализируемой дискуссии сформулировали три важных вывода: во-первых, уход от этнической модели нации, как стимулирующей катастрофизм этнической государственности; во-вторых, деинституционализацию этничности, имея в виду замещение этнических элит и этнических культур ориентацией на строительство институтов политической, гражданской нации.

Данные выводы достаточно полно и обстоятельно сформулированы В.С. Малаховым, с ними, в целом, соглашается и В.А. Тишков, однако (и это вывод третий) следует осознать, что процесс формирования политической идентичности, связанный с нацией как феноменом эпохи модерна, и культурные идентичности как в прошлом не совпадали, так не совпадают и в настоящем. Поэтому не исчезает проблема несовпадений, зазоров, фиксирующих не просто сложности приведения в соответствие исследований этнической идентичности как сферы личного или группового самоопределения, но и нации, проецируемой в политическую плоскость.

Очевидно, что нужно согласиться не только с допущением культурной разнородности, признавая разведение этноса и нации, но и с тем обстоятельством, что политическая нация как источник суверенности не может считаться безупречным механизмом избежания национализма. Методологическое разграничение до конца не сформировалось, так как и в будущем невозможно будет избежать стремления к этнической государственности (и не только вне европейского континента), да и политическая нация обладает встречным эффектом возвращения к этносам.

Анализируя состояние исследований этничности в российском обществе, необходимо сделать акцент на признании государственной, а не гражданской идентичности, то есть принадлежность к государству интерпретируется как «ключ к смыслу происходящих событий». Конкретизируя эту мысль, можно сказать, что существует понимание государства как объективной реальности и гражданской нации как субъективной [Горшков,

2017: 14–25]. Связь между государством и политической нацией сосредотачивается на государстве как субстрате политического, но можно также утверждать, что в условиях постмодерна, распада и полураспада национальных государств путем поглощения наднациональными объединениями, о чем достаточно полно писал И. Валерстайн, политическая нация перестает быть системой, поддерживающей стабильность, поскольку не оправдываются надежды, связанные с социальным благосостоянием и социальным порядком.

Можно констатировать, применительно к российскому государству, что отечественные исследователи описывают его как центр организации общества (В.А. Ядов), и признание данного положения оказывает влияние на концепцию этничности и межнациональных отношений как ориентированную на выявление практической деятельности государства. В этой связи понимание этничности и национальных отношений подвергается влиянию инструментализма, целесообразности.

Есть риск того, что в рамках политики закрепления лояльности к государству права на этнокультурное развитие «дозированы», и этот процесс нельзя назвать, с чем соглашаются конструктивисты, однозначно положительным. Признается, что этнические лояльности могут существовать не только в неевропейских сообществах: процессы контриденитичности, сопротивления, ассимиляции наблюдаются и в российском обществе, что можно интерпретировать как оценку интеграционных инициатив государства при опасности русификации, централизаторства, ассимиляции, ограничения этнических прав.

Признание этнической идентичности константой межнациональных отношений оказывается достаточно продуктивной идеей в «усмирении» претензий на этносуверенитет, но если смотреть с другой стороны, то открывается окно возможностей для институционализации этничности путем разведения компетентности этнотерриториальных образований и Центра в сферах, относящихся непосредственно к общегосударственному управлению [Волков, Денисова, Лубский, 2017: 13–22].

В самом деле, легитимация этничности приводит к тому, что «незаметно» то, что считается политически открытым для вмеша-

тельства и контроля со стороны государства становится неполитическим, то есть сферой компетентности граждан и экспертов, что создает возможности субполитик как механизма участия граждан в системе межэтнических отношений и присвоения права на экспертизу состояния межэтнических отношений этническими элитами.

Если попытаться сформулировать итоги полемики конструктивистов и примордиалистов 90-х годов XX века, то можно сказать о вынужденном компромиссе. Конструктивизм являлся possibiliстской реакцией на риски этнонационализма, что могло бы привести к дезинтеграции новой российской государственности. Переход к опровержению примордиализма можно считать безупречно действенным практическим, но не аналитическим ходом.

Вероятно поэтому Л.М. Дробижева делает акцент на то, что в контексте примордиалистского толкования этноса как традиционного онтологического, нецелесообразно применять конструктивистский подход механически, то есть переносом теорий Б. Андерсена, Э. Гелнера, П. Бурдьё, Дж. Комароффа [Социальные трансформации в России теории, практики, сравнительный анализ, 2005: 196]. Объяснительным потенциалом, согласно ее позиции, является инструменталистский подход (Н. Глезер, Д. Мойнихен). По существу, Л.М. Дробижева диагностирует разделение сферы применения инструменталистского и конструктивистского подходов в понимании этничности межнациональных отношений следующим образом: государство как субъект национальной политики и реализации на ее основе модели межнациональных отношений солидаризируется с инструменталистским подходом таким образом, что может регулировать процессы этнической мобилизации, перехватывая тем самым инициативу у этнонационалистов.

Это может казаться парадоксальным, но если конструктивизм чрезмерно сосредотачивается на идее участия гражданского общества, то для государства позволительно профилактировать условия этнической мобилизации для блокирования деструктивных движений и введения этого процесса в стадию желательной упорядоченности в контексте управляемости этническими элитами. В новых теоретических концепциях, как отмечает автор [Социальные трансформации в России теории, практи-

ки, сравнительный анализ, 2005: 199], нет типологизации этноса по социально-экономическим формациям. Это связывается с относительностью деления на народности и нации, но в большей степени свидетельствует об устарелости советской иерархии этнических статусов по политическому критерию. Следует подчеркнуть, что данное деление, связанное с конструированием социалистических наций, исходило из понимания политической целесообразности, противодействия этносепаратизму на основе концепции самоопределения народов в рамках единого советского государства: это то, что американский исследователь Т. Мартин называет «позитивной дискриминацией» [Мартин, 2011: 629].

Российская традиция использования нации в значении этнической общности не преодолена и представляет сложность для исследовательской мысли, так как речь идет не только о нежелательности запрета на употребление термина этнонации, но и о том, что государственная общность в российском контексте имеет позитивный смысл при лишении этнонационализма политических импликаций. Это означает, что выявление условий, способствующих переводу этнических прав в гражданские, связано с созданием института общегражданских прав и общероссийской консолидации в сфере идеологии и культуры.

Нельзя не выделить одно настораживающее обстоятельство: перевод этнической идентичности в сферу конструктивистской парадигмы содержит изрядную долю скепсиса, что позволяет говорить о необходимости критичного изучения непримордиалистской перспективы в рамках критического анализа методологического индивидуализма (либеральная трактовка). Можно предложить в качестве перспективного направления критерии и инструменты анализа, направленные на описание этничности и межнациональных отношений через актуализацию социальных различий и противоречий как приводящих и к бытовому национализму, и к политизации этничности.

Принимаемые политические решения делают неактуальной проблему поощрения этнических различий как универсального механизма избежания конфликтности в межнациональных отношениях. К такому выводу можно прийти и на основании того, что конструктивизм делает процесс этничности стихийным, и

того, что культивирование этнических различий повышает риск взаимного недоверия в межличностной сфере, в сфере межкультурных коммуникаций.

В. Шнирельман, определяя советский парадокс в разрыве между официальной догмой и реальными представлениями о национальных характерах конкретных наций и этносов на основе бытовых стереотипов или этнонациональных мифов [Расизм. Ксенофобия. Дискриминация, 2013: 105], прав в том, что причиной разрыва являлась советская теория этноса в виде этносоциального организма. Однако утверждаемая позиция вызывает сомнение, так как отказ от исследований национального характера гарантирует реализацию концепции гражданской нации [Расизм. Ксенофобия. Дискриминация, 2013: 108]. Примечательно, что есть запрос на то, чтобы вместо модели происхождения этноса, этногенеза была введена в исследовательский оборот модель изучения этничности на основе определения перспектив формирования горизонтальных связей между этносами, создающая конструктивное конкурентное поле как окно возможностей для перехода к проблематике гражданской нации.

Подчеркивая, что проблемы концептуального осмысления исследования этничности и межнациональных отношений в России определяются как потребностями саморазвития социальной науки, так и влиянием на реализуемую стратегию национальной политики, приходишь к выводу, что в рамках формирования концептуального осмысления данной предметной сферы есть и достижения, и сложности. Таким образом, исследовательское внимание концентрируется на осмыслении достигнутого и возможности перехода к новым ориентирам в исследовании данных процессов.

СОДЕРЖАНИЕ

Действующие методологические подходы к осмыслению состояния этничности и межнациональных отношений характеризуются смысловым единством в понимании этничности как социального качества, осознаваемого на индивидуальном и групповом уровнях в этнической культуре, этнических ценностях, эт-

нической идентичности. Основной упор делается на выделение этнической идентичности: во-первых, это связано с запросом на формирование гражданской идентичности народов России, цементирующих российский многонациональный народ; во-вторых, признание поликультурности, поликонфессиональности российского общества.

Является ли указанный концептуальный мейнстрим плодотворным? Этот вопрос нуждается в разграничении: в какой степени изучение идентификационных процессов влияет на развитие концепта национальных отношений и как выявление ключевого определения этничности формирует взвешенное отношение к стратегии национальной политики и ее перспективам? Иными словами, в чем состоит сила экспертного сообщества, каковы его претензии на оценку и участие в формировании национальной политики.

Можно отметить, что сложилась целостная, вертикально интегрированная система регулирования межэтнических отношений в России, включающая «треугольник» (исполнительная власть, законодательная власть, гражданский сектор (общественные организации)). Оценивая при этом основополагающие ориентиры национальной политики как укрепление общероссийского гражданского самосознания и сохранение этнокультурного многообразия, следует сделать следующий критический акцент: должная проработка механизма обеспечения взаимосвязи, с одной стороны, общероссийского гражданского самосознания и основанного на нем национального единства, с другой – этнокультурного многообразия в стратегии отсутствует [Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта, 2016: 8].

Можно предположить, что в таком ракурсе национальная политика нуждается в теоретико-методологическом инструментарии, когда важное место занимают не только когнитивный и социально-ориентационный векторы, но и логика понимания, выработки дискурса общения в процессе обсуждения проблем национальной политики, возможности определения рамочных правил и условий государственно-общественного партнерства с включением представителей научного (экспертного) сообщества.

Действительно, некоторый параллелизм в развитии общероссийского гражданского самосознания и этнокультурного образования проявляется в том, что компетентность формирования общероссийского гражданского самосознания ложится нагрузкой на политико-правовую сферу, в то время как сфера этнокультурного многообразия отдается на откуп НКА, системы образования, местного самоуправления. Это связано с определенным теоретическим зазором, который образовался в результате актуализации конструктивистского подхода. Определяя нацеленность на формирование гражданской нации, конструктивизм задается целью сосредоточения этих усилий по гражданскому воспитанию в сфере информации и культуры, особенно выделяя фактор политических и интеллектуальных элит.

Поощрение этнокультурного своеобразия связано с гарантией российского государства правовых, политических, финансовых условий, но есть пределы невмешательства государства в контексте реализации прав и свобод граждан. Есть и определенный осложняющий момент, заключающийся в том, что, фиксируя многонациональность российского народа и доминирование общероссийской идентичности как принадлежности к российскому государству (В. Тишков) [Тишков, 2010], мы тем самым задачи формирования общероссийской гражданской идентичности, в какой-то степени деактуализируем, и объективно на первое место выходит сохранение и поощрение этнокультурного разнообразия.

Между тем есть основание полагать, что между концептом российского многонационального народа и этнокультурным своеобразием действуют неоднозначные механизмы. Следует помнить о неоднозначном опыте советского периода, когда коренизация кадрового состава, образование на родном языке воспринимались как позитивная деятельность, способная, во-первых, ослабить влияние русского шовинизма, а во-вторых – сформировать надежные кадры, через которые можно осуществлять политико-властное влияние. Именно тогда был пропущен момент этнизации политических и экономических элит, перерождения в этнократию.

Практически к 1991 году существовали не только правовые условия сецессионизма, но и республиканские элиты, мобилизующие население под видом роста национального самосозна-

ния, реализации прав, в том числе и в культурно-языковой сфере, которые реализовали идею этносуверенности, доктринации национального государства как не имеющего альтернативы в сохранении и развитии этнонации. Этот момент напоминает о том, что этничность и межнациональные отношения концептуально нуждаются в нахождении баланса, медиаторных механизмов между социетальной сферой, где происходит формирование гражданской нации, и сферой культуры, в рамках которой реализуется право на этнокультурное разнообразие.

Наиболее перспективно в этом направлении принятие позиций многомерного исследования состояния этничности и национальных отношений в российском обществе, допущение теоретических ограничений применения опробованных конструктивистского и структурного методов. Можно согласиться с Л.М. Дробижевой [Дробижева, 2005: 198], что введение новых подходов к осмыслению этнической идентичности можно рассматривать, используя когнитивистскую, диспозиционную, коммуникативную теории.

Но если исходить из постулата социальной категоризации в формировании идентичностей, то следующим исследовательским шагом будет определение этничности в качестве маркера самостоятельности, отличий по отношению к социальным качествам. Действительно, результатом можно считать уход от актуальной проблемы осознания этнических отношений как системы социальных взаимодействий.

В стратегии национальной политики в понятие национальных отношений вкладывается то государственный, то этнический смыслы, а понятия «этническая общность» и «национальность» объединяются в термин «народы», при этом совокупность народов образует российскую нацию [Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта, 2016: 9]. Создается впечатление, что по отношению к народам используется примордиалистский подход, в то время как сфера национальных отношений воспринимается конструктивистски, то есть как процессы самоопределения и переопределения на личностном уровне [Дегтярев, Лубский, Войтенко, 2017: 85–96].

Конструктивистская теория восходит к методологическому индивидуализму: сложность в том, что легитимация народов РФ как этнонаций приводит к проблеме коллективных прав этноса, что содержит, как отмечалось ранее, риск политизации этничности. Иными словами, когда речь заходит об осмыслении этнической идентичности как ключевой, в процессе развития межнациональных (межэтнических) отношений, есть повод для размышлений о том, что поощрение этнокультурного многообразия имеет результатом и позитивную, и негативную этнические идентичности привязку [Гражданская, этническая, региональная идентичность, 2013: 16].

Таким образом, фиксируя новый уровень в осмыслении проблем этничности и межнациональных отношений в российском обществе, важно понимать влияние фоновых факторов, то есть тех обстоятельств, в которых этническая идентичность становится доминирующей, в то время как гражданская идентичность воспринимается номинальной, становясь «заложником» авторитета государства. Л.М. Дробижева обосновано указывает, что используемое в научном обороте понятие «этническое национальное самосознание» имело примордиалистскую привязку [Гражданская, этническая, региональная идентичность, 2013: 16] и включало механизмы определения различий в большей степени, чем общих смыслов. Отталкиваясь от того, что в советский период национальное самосознание было доминантным в определении нации, повторимся: роль национальной интеллигенции в формировании и развитии национальных движений в постсоветских республиках была связана с актуализацией идеологии этнонационализма.

В таком контексте этническая идентичность имеет значение не только как преемственность отечественной традиции, но в нем заложен исследовательский спектр, ориентированный на анализ механизмов этнического самопричисления, самоопределения индивида во взаимодействии с другими идентификационными матрицами. Это положение наполняется конкретным содержанием, когда речь заходит о том, что в рамках осмысления состояния межнациональных отношений в российском обществе важно выявить критерии идентификационных стратегий, роль этни-

ческой идентичности как идентификационной матрицы, влияние социальных институтов как системы социальных предписаний.

1. Поэтому, развивая эту мысль, необходимо говорить о расширении предметного поля исследования, выявлении идентификационных качеств, когда этническая идентичность воспринимается как значимая/незначимая в соотнесении с гражданской идентичностью, а это определяется тем, каковы границы гражданской идентичности в массовом сознании российского общества. В работах В. Зорина указывается на слабую гражданскую идентичность в северокавказском регионе [Зорин, 2011: 33]. Вероятно, можно говорить о том, что гражданская идентичность является слабой по сравнению с этнической идентичностью не только, потому, что слаба привязанность к общероссийской идентичности, воспринимаемой как государствоцентричная, но и в контексте эрозии современных социальных идентичностей, влияния архаичных, клановых форм самоопределения, создания частных нормативных порядков, выступающих альтернативой универсальным правовым основаниям.

2. Интересно отметить, что достигнутые рубежи в исследовании идентификационных процессов как определяющих динамику национальных отношений в российском обществе приводят к противоречивым выводам: с одной стороны, фиксируется восходящее движение гражданской идентичности и декларируется тезис о комплиментарности гражданской и этнической идентичности, с другой – очевидным становится, что гражданские нормы и ценности не являются социально-задаваемыми факторами в идентификационном выборе, в осознании принадлежности к российскому многонациональному народу [Денисова, Панфилова, 2016: 64–73].

3. Можно констатировать, что этносоциологические исследования по проблемам этнической идентичности стимулируют поиск новых аспектов, определяемых не только соотношением гражданской и этнической идентичности. Как показывают результаты социологических данных, проведенных Л.М. Дробизевой, М.К. Горшковым, есть новые точки приложения в социальном пространстве в исследовании социальной категоризации по этническим параметрам, порождающим позитивные или негатив-

ные последствия [Российское общество и вызовы времени. Кн. 5. 2017: 424].

Так как развитие национальных отношений не может быть изложено в схеме плоского эволюционизма, требуется внести в сложившийся исследовательский дискурс категоризацию этнической дистанции и этнической контактности. Речь идет о том, что признание гражданской идентичности вне коммуникаций в межличностном и межгрупповом пространствах, зависящих от традиции добрососедства, социальной ресурсности, восприятия этнического статуса как позитивного или дискриминационного, есть необходимость понимать, что гражданская идентичность не может сформироваться как совокупность частных волей, что движение к гражданской идентичности характеризуется пониманием этнической идентичности как скоординированной с гражданским статусом.

Опыт интеграции мигрантов в зарубежное сообщество подтверждает эту реальность, поскольку под влиянием безуспешности схем ассимиляции, наблюдается другая крайность, определяемая мультикультурализмом, культивированием этнических различий. Однако в контексте влияния этнических границ, опыта связи с исторической родиной, этноанклавизации возникает «двойственность» идентичности, которая сама по себе была бы нейтральной, если бы не подразумевала политизацию этничности, сопротивление процессу интеграции созданием замкнутых сообществ, живущих по собственным правилам.

Процессы нациестроительства, актуализируемые в условиях строительства новой российской государственности, ставят вопрос, что при неприятии модели мононационального государства следует уделять внимание культурной политике как инструменту закрепления достигнутого состояния российского многонационального народа и, что не менее важно, трансформации интегрально-ценностной матрицы россиян, в которой этническая идентичность переконструируется под влиянием гражданских ценностей. Разумеется, теоретическое осмысление вопроса о том, какова российская многонациональная нация, что считать приоритетным в концептуализации процессов, связанных с формированием российского народа как нации, требует тщательного категориального осмысления.

Считая крайними точками зрения попытки оценивать этот процесс как проект постимперства или создания иерархии народов по критерию государствообразуемости, можно говорить о том, что в России создана политическая нация, но очень важный момент: речь идет о подступах к созданию гражданской нации. Принципиальное различие между этими понятиями состоит в том, что политическая нация определяется общностью государственности, лояльностью к государству, в то время как строительство гражданской нации требует включения механизма общегражданских регуляторов и ценностей.

Как писал М.К. Горшков, идентичность остается подвергнутой амбивалентности, эрозии, нестабильности, если не достигается состояние консенсуса относительно базовых ценностей [Горшков, 2016: 289–290]. Очевидно, что воспроизводимая матрица осознания общей судьбы, общекультурного наследия, общей исторической памяти характеризуется обращенностью в прошлое и может испытывать конъюнктуру политики памяти. Для того чтобы успешно решать задачи по созданию единой гражданской нации, нельзя ограничиваться перспективами оценки развития институтов гражданского общества. В этом случае требуется исследование перспектив общественно-государственного партнерства.

Включенность гражданского общества только за счет развития НКА является полезным явлением, но ограничивающим влияние гражданских институтов, так как сам принцип деятельности НКА связан с представительством интересов этнической группы. Объективно воспроизводится заинтересованность в уникальности, особых интересах этнической группы, что приводит к ослаблению тенденции интеграции на локальном, региональном и федеральном уровнях. Естественно, не отрицая значимости закона о национально-культурной автономии, целесообразно отметить, что состояние межнациональных (межэтнических) отношений связано с тем, что защита прав личности независимо от этнического статуса есть нормативное предписание, но анализ конфликтных зон в системе сложившихся межнациональных отношений характеризуется непроясненностью вопроса о границах т.н. коллективных прав этносов.

Чтобы нейтрализовать националистические спекуляции, актуально усиление целенаправленной длительной деятельности государственных и социальных институтов по формированию гражданской идентичности. Это означает, что в концептуальном плане важно выявить, какие институты гражданского общества содействуют этому процессу и каков механизм формальных и неформальных норм, влияющих на идентификационные стратегии россиян. Само понимание гражданской идентичности как надэтнической имеет спорные моменты, ведь, по существу, речь идет о том, что гражданская идентичность, являясь идентичностью социального макроуровня, включает реализацию прав личности, в том числе и на этнокультурную самобытность и, самое важное, открывает перспективу национально-культурным автономиям стать гражданскими ассоциациями [Бедрик, Сериков, 2017: 226–230].

Работы Л.М. Дробижевой, В.А. Тишкова выявляют плодотворность конструктивного подхода к социальному конструированию этничности. Но, как отмечалось ранее, есть проблема, включения механизмов интеграции этнической и гражданской идентичностей, делающая достижимой модель российского многонационального народа как сообщества граждан. Интерес к этнополитологии оправдан в рамках осмысления тех процессов, которые происходили в российском обществе в 90-е годы XX века и наблюдаются в настоящий момент в рамках построения единого политико-правового пространства, что важно для укрепления новой российской государственности.

Вместе с тем есть реальный разрыв между осмыслением политической сферы, где часто проявляется политтехнологический подход, и описанием процессов, происходящих в сфере национальных отношений. Как заявлено в Стратегии государственной и национальной политики РФ, с одной стороны, необходимо упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального российского народа, с другой – сохранение этнокультурного многообразия народов России.

Неоднократное обращение к этому положению делает нужным подчеркнуть, что от понимания того, в каком соотношении

находятся данные цели, зависит и концептуальное осмысление проблем нациестроительства в российской федерации, и поддержание стабильного состояния российского полиэтнического и поликонфессионального общества, и обоснованные оценки критериев эффективности национальной политики, осознание того, на каком этапе мы находимся и каковы возможные пути не только решения актуальных задач, но и будущего национальных отношений российского общества. Интерес вызывает идея отрицания этноцентристского релятивизма, игнорирования объективной стороны идентификационных процессов, расширительного проблемного истолкования сферы этнокультурного многообразия.

В анализируемом дискурсе есть проблемный момент, связанный с тем, что национально-гражданская российская идентичность действительно является «осознанием себя» в категориях гражданских групп, относительно независимых от государства, но одновременно пользующихся его защитой и поддержкой [Гражданская, этническая, региональная идентичность, 2013: 27]. Речь, следовательно, заходит о том, чтобы создать механизмы «работающей» демократии, повышающие доверие носителей этнической идентичности, осознаваемой на групповом уровне, к гражданским ассоциациям, имеющим автономные регуляторы ответственности через признание гражданских добродетелей.

Таким образом, можно констатировать, что процессы гражданской идентичности актуализируют запрос на институты гражданского действия и инициативы в сфере межнациональных отношений. Гражданская нация в России не может быть сформирована исключительно «сверху», учитывая исторически сжатый период по сравнению с историей формирования гражданских наций за рубежом. Есть смысл рассматривать сферу национальных отношений, не ограничиваясь правовыми инновациями единой российской нации, осознавая выработку компромиссных конвенций (В.А. Тишков предлагает ввести в общественно-политический и научный язык понятия «российский народ» и «этнонация», сохраняя при этом понимание нации в отношении этнических общностей страны) [Тишков, 2010].

Тем не менее, предлагая политику постепенных шагов, учитывая накопленные проблемы и необходимость заполнения

концептуальных пустот, должно понимать, что выработка исследовательского вектора порождена практическими смыслами, внутренними и внешними вызовами. Внутренние – связанные с воспроизводством очагов межэтнической напряженности, переходящими в этнократизм и этносепаратизм [Тощенко, 2003: 78]. Внешние – с навязываемым дискурсом глобализации. Рационально аргументированным можно считать предложение, оттолкнувшись от достигнутых обобщений в понимании этничности как социально-конструируемой, имеющей культурные и социальные маркеры и явления с негативными и позитивными коннотациями, определить опосредованное влияние этничности на сферу национальных отношений в рамках этнодифференциации, этноанклавизации, этномобилизации и межэтнической интеграции.

Очевидно, что нуждается в дальнейшем теоретическом обосновании положение о том, что в современных условиях становится все труднее управлять общественными процессами с помощью административного принуждения. Современное государство испытывает постоянное давление со стороны солидарных общественных, в том числе этнических, групп, есть потребность в новых формах и способах обсуждения публичных тем и социальных переговоров по поводу национальных интересов и национальных ценностей. Такими новыми формами и способами являются институциональные практики гражданской солидарности как репертуары таких социальных действий в сфере межэтнических отношений, которые базируются на солидарности как особом типе социальных взаимодействий [Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта, 2016: 67].

В процессе исследований специфики межнациональных отношений в российском обществе констатируется восприятие этнической идентичности и этничности в целом как способа сплоченности и самоорганизации, с одной стороны, с другой – открытости для межэтнического взаимодействия. Очевидным можно считать, что развитие теории практик гражданской солидарности согласуется с ожиданиями российского общества, ориентированного на социальную стабильность и взаимопонимание, что обусловлено этнической идентичностью как позицией культурно-исторических оценок и обобщений.

В рамках конструктивистской теории, чьи исследования идентичности в российском обществе строятся на основе имплементации теории Б. Андерсена, Э. Геллнера, Э. Барта и других зарубежных исследователей, этническая идентичность акцентируется как маркер структурирования социального пространства по критерию различия. Однако введение в публичный дискурс преимущественно этнических различий делает «воображаемые различия» реальностью, то есть в массовом сознании воспроизводится идея этнического разнообразия как императива межнациональных отношений в российском обществе.

Культивирование этнических различий служит в какой-то степени «плохую» службу политике формирования российского многонационального народа. Остановимся на положении «российский многонациональный народ» включает в себя этнонации», что является практическим действием. Если же брать вектор исследования межнациональных (межэтнических) отношений в российском обществе, то мы можем назвать данную исследовательскую ситуацию достигнутым, но нуждающимся в переосмыслении рубежом. Переход к новым теоретическим изысканиям определяется, с одной стороны, пониманием полиэтничности, поликультурности российского общества, с другой – его единством не только на идейно-политическом, но и на социокультурном уровнях.

Отталкиваясь от этой мысли, можно констатировать, что предлагаемые в российском обществе модели интеграции «обнажают» определенную парадоксальность. Как отмечал Ж.Т. Тощенко, теоретические представления базируются на том, что все в большей мере следует учитывать влияние и воздействие этнического фактора на общественную жизнь, на процесс осуществления политики [Тощенко, 2003: 32]. Действительно, в этом направлении сделано немало: выявлена социальная природа этничности и исследование переведено на уровень конкретного социологического инструментария.

Однако проблема взаимоотношений народов в российских условиях не ограничивается политической сферой: сложном противоречивом процессе следует обратить внимание на то, что в понимании этничности и национальных отношений важной

становится выработка модели межэтнических отношений, влияющих на социальный микроуровень и повседневность. Сильной стороной процесса «конструирования» гражданства с учетом этничности, опирающегося на зарубежный опыт, является анализ взаимодействия этнического фактора и социокультурной модернизации, затрагивающей прежде всего проблемы формирования новых нормативных установок и ценностных ориентаций в российском обществе.

К слову сказать, научная и общественная ситуация такова, что в контексте изучения межнациональных и этнических отношений следует разграничивать сферу легализации и легитимации, юридического обоснования и систему осознанных когнитивных ценностных ориентаций этничности на уровне повседневной жизни. Ж.Т. Тощенко предлагает прогнозирование этнополитической ситуации в контексте развития межнациональных и межэтнических отношений в РФ [Тощенко, 2003: 30]. Здесь важен вывод: нельзя погружаться в «мелкотемье». Анализируя процессы становления этнической идентичности и различных форм этничности, в рамках этнодифференциации и этноинтеграции в российском обществе, уместно говорить о том, что значение научных исследований возрастает, если в них содержится сценарное мышление. Каким бы не казались злободневными текущие проблемы межнациональных отношений, для российских ученых и гражданским долгом, и основной исследовательской задачей является системный анализ сферы этнических отношений, эффективности национальной политики, будущей сценарий этнополитической ситуации в России.

Можно констатировать, что благодаря сосредоточению исследовательского внимания на проблемах этничности как социального и символического капитала одновременно отказались от примордиализма, создающего проблемы, связанные с иерархией этнических статусов, было расширено предметное поле исследования и свершен переход на междисциплинарное изучение национальных отношений. В то же время нельзя не отметить, что современный уровень исследований в сфере этничности и межнациональных (межэтнических) отношений демонстрирует неоднозначные результаты. Речь идет о том, что не сформиро-

валась многомерная модель, позволяющая рассматривать взаимовлияние этнополитики, культуры, экономики и социальной жизни на состояние межнациональных отношений.

Наблюдается редукционизм в понимании специфики межнациональных отношений, на что влияет различие уровней жизни, показатели удовлетворения материальных и культурных потребностей различных этнических групп [Тощенко, 2003: 29]. Это «сигнал», говорящий о том, что этнический фактор должен рассматриваться не только в рамках идентификации. Преодоление параллелизма в исследованиях, связанных с классификацией по признаку этнополитичности, этносоциальности, этнокультурности, может опираться на то, что в сфере этнических отношений актуально формирование горизонтального гражданского, а не вертикально-иерархического общества, основанного на идее этнической самобытности и этнических претензий.

Уйдя от ситуации, когда строительство российской многонациональной нации связано с культурно-исторической основой, и перейдя к политической модели, можно свидетельствовать о расхождениях в понимании многонационального российского народа и воспроизводстве стереотипов, проникающих в научную среду по поводу устойчивого и неизменного набора этнических характеристик. Последствия выражаются в представлении о монолитности этнической группы, ее эссенциализме, что облегчает легитимацию этнонации как политического субъекта.

Подводя своеобразный итог проблемы этничности (этнического фактора), следует обосновать мысль об этническом «рецидивизме» [Логос, 2006: 92], правом радикализме и националистическом популизме. Нельзя данную проблему рассматривать исключительно как следствие массовых миграций в современные европейские общества. Для России это имеет значение в том смысле, что формула разделенности культурной и политической лояльностей, на первый взгляд практически безупречная, в реальности, в контексте «пустот» между гражданским обществом и сферой этнических отношений, стимулирует тенденции этнополитизации.

Говоря о культурной лояльности, признаваемой в качестве исходной посылки мультикультурализма, следует помнить слова американского исследователя С. Бенхаббиса, которая в работе

с красноречивым названием «Притязания культуры» заявляет о том, что культура превращается в арену интенсивных политических столкновений. Притязания разных групп, выдвигаемые по поводу того или иного аспекта их культурной идентичности, вовлекает общество в культурные войны, которые, являясь символическими, могут превратиться в реальные этнические конфликты [Бенхаббид, 2003: 309].

Таким образом, наблюдая за дискуссией в российской научной среде, можно констатировать, что уровень исследований этничности и национальных отношений определяется нормативными последствиями конструктивистского подхода, невозможностью найти удовлетворительное решение в эссенциализме, ориентированном на этнический фактор как возможность четкого разделения идентифицирующих себя на основе этнической идентичности групп. Воображаемые границы между «нами» и «другими» переключают внимание общества на борьбу за уважение, преференциальные права этнических групп (этнонаций), отвлекая от вполне реальной задачи развития российской нации как сообщества граждан.

Можно вынести суждение, что анализ, сконцентрированный на этничности, приводит к приоритетности этноцентричного объяснения любых конфликтных ситуаций, игнорируя остальные возможности, связанные с профессиональными, статусными, личностными параметрами. Конструкт этничности не может быть универсализирован и соотноситься с реальным состоянием, доминирующим в системе межэтнических отношений. Анализ состояния изученности этничности и межнациональных отношений в российском обществе означает стремление к достижению объективного знания, которое не может быть закреплено только за этническими категориями.

С точки зрения наработанного дискурса социального знания, требуется понимать это знание как экспертное и особое внимание уделять ориентированности этнического на принятие гражданской, консоциативной модели межэтнического взаимодействия. Отдавая должное повышению этнокультурной компетентности и этнокультурной сенситивности, в рамках налаживания межэтнического диалога есть необходимость выработать модель пони-

мания, а не только усвоения норм межэтнического общения. Понимание – как фиксация общих смыслов, коммуникативных троп между представителями экспертного сообщества выводит на определение социоцентричности исследовательских подходов.

Описанная ситуация означает, что российская социальная мысль, перейдя от квантификации уровней этничности, восприятия этничности как объективной реальности к определению ее субъективной значимости работает в контексте синтеза традиции и знания. Проблема состоит в том, что требуется через признание двуединства стратегии национального развития осознать новую перспективу на основе диалога внутринаучного (экспертного) сообщества, признать концептуальную эквивалентность действующих подходов. Проблемы возникают там, где исключаются альтернативные варианты научного общения.

Представляется, что исследования, проведенные российскими учеными В.А. Тишковым, М.К. Горшковым, Ж.Т. Тощенко, Л.М. Дробизевой, располагают к тому, чтобы изучать этническое в соотношении с гражданским. Так как гражданство есть принадлежность к сообществу граждан, государство может считаться суверенным лишь тогда, когда большие сегменты общества владеют кругом понятий, связанных с суверенитетом. Учитывая, что в сфере национальных (межэтнических) отношений проявляется влияние этнократических тенденций, когда воспроизводится негласная иерархия титульных и нетитульных наций, можно предположить, что основной исследовательский интерес должен сосредоточиться на понятии нациеобразующего интереса, характеризующего российский многонациональный народ.

Речь идет о том, чтобы выработать концепты, позволяющие рассматривать этничность в контексте развития гражданственности, то есть перехода от политической нации, основанной на неозтакратистской модели, к модели согражданства. В приложении усилий на этом направлении есть фактор влияния на развитие сферы национальных отношений, состоящий в том, чтобы проблему формирования национальной идентичности как основы консолидации российского общества и фактора национальной интеграции [Национальная политика в России: возможность

имплементации зарубежного опыта, 2016: 77] превратить в преимущество российского общества.

Для того чтобы превратить теоретическое положение в практическое действие, важным представляется не только различие типов идентичности (государственно-гражданская, национально-гражданская), но и понимание того, что национально-гражданская идентичность является устойчивой, включает элементы самоорганизации и самоконтроля, поддерживает национальный суверенитет и единство даже в условиях кризиса государственного управления. Иначе мы получим ожидаемым последствием то, что с распадом государства произойдет и дезинтеграция в сфере национальных отношений. Когда государство перестает быть институтом идентификации, возмещающими становятся институты национализма.

В Советском Союзе демонтаж советского многонационального народа стимулировался сецессионизмом, стремлением этнократических элит овладеть властными высотами, создать новые государственные образования под предлогом критики советской империи в целях обретения суверенности от «центра» и обретения независимости от социального и политического контроля.

Констатируя мысль Л.М. Дробижевой, что в России не определено, какой является идентификация (национально-государственной или национально-гражданской), считаем необходимым осмыслить мониторинг массовых настроений: 72% россиян в значительной степени ощущают свою общность с гражданами России [Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта, 2016: 71]. В то же время этничность не перестает быть сильным и конкурирующим маркером, так как сосредоточение гражданской идентичности в сфере политического, перенос ее на лояльность к государству блокирует запрос на сближение этнической и гражданской идентичностей. Этническая идентичность в условиях кризиса государственной идентичности может стать ориентиром идентификации, вызвав этническую мобилизацию, которая может создать условия для конвертации в борьбу за независимость.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение этничности в российском обществе, которое фиксирует двухуровневость российского многонационального народа, как союза этнонаций, является оправданным компромиссом в рамках сохранения единства российского общества. Есть, однако, проблемные моменты, что приводит к необходимости дальнейшего обсуждения, рассмотрения этничности и определяемой ею этнической идентичности процессуально, в динамике, не ограничиваясь утверждением индоктринации толерантности как позитивного безразличия к этническим различиям.

Конкретизируя эту мысль, можно сказать, что в рамках российского общества есть необходимость критического осмысления понятий толерантности, мультикультурализма, прав национальных меньшинств, не исходя при этом исключительно из гипертрофированного видения демократических ценностей плюрализма и толерантности [Волцар, 2000: 59].

Можно говорить о теоретической обоснованности консociативной модели этнических отношений, которая характеризуется тем, что в сфере гражданского общества утверждается понимание толерантности как не проявления силы [Волцар, 2000: 59]. Акцентируется также внимание на следующем: если в политической сфере действует логика подчинения, субдоминантности, то сфера межэтнических отношений в контексте согражданства является пространством горизонтальных, равноправных отношений.

Важно также и то, что обладание названным качеством становится полезным для тех этнических групп, которым дается гарантия не только правового равенства, но и формирования морали взаимного уважения. Здесь следует учитывать, что, не отрицая позитивного опыта советского периода, в целях усиления межэтнической консолидации и кооперации требуется на основе гражданской идентичности сформировать систему целей и ценностей, которые сплотят российское общество.

Пока же у нас имеется полезный опыт негативной мобилизации, собирания сил перед внешними вызовами. Однако во внутривполитической жизни, где реально проявляется плюралистическая конфликтность интересов, что влияет на сферу межэтнических отношений, территориальные претензии, историче-

ские обиды, насаждение негативных этнических стереотипов стимулируют латентную конфликтность. Следует обратиться, как подчеркивает в своих исследованиях М.К. Горшков, к институционализации практик сотрудничества, к формированию нормативно-правовой базы совместных практик сотрудничества на региональном и межреспубликанском уровнях, чтобы на уровне национально-культурных ассоциаций определить рамки толерантности в российском варианте в оценке потенциала этничности как символического капитала российского общества, в гармонизации межэтнических (межнациональных) отношений.

Список литературы

- Бенхаббид С.* Притязания культуры М., 2003.
- Горшков М.К.* Российское общество как оно есть Т. 1 М., 2016.
- Гражданская, этническая, региональная идентичность. Вчера. Сегодня. Завтра М., 2013.
- Дробижева Л.М.* Проблемы межэтнических отношений в постсоветской России // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ М., 2005.
- Зорин В.Ю.* Государственная национальная политика в России и современность / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., ИЭА РАН, 2011. Вып. 225. 33 с.
- Логос. Философско-литературный журнал, 2006. № 2. С. 92.
- Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология М., 2010.
- Мартин Т.* Империя положительной деятельности М., 2011.
- Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта. М., 2016.
- Расизм. Ксенофобия. Дискриминация. М., 2013.
- Социальные трансформации в России теории, практики, сравнительный анализ. М., 2005.
- Тишков В.А.* О российском народе и национальной идентичности в России. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/o_rossisko.html.
- Тишков В.А.* Российская нация и ее критики. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://texts.news/sotsiologiya-politiki-nauka/tishkov-rossiyskaya-natsiya-46108.html>.
- Тоценко Ж.Т.* Этнократия. История и современность. М., 2003.
- Уолцер М. О терпимости М., 2000.

ИДЕНТИЧНОСТЬ. ИДЕНТИФИКАЦИЯ. (СТРАНИЦЫ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ КОНЦЕПТОВ)

М.Н. Губогло

ВВОДНОЕ СЛОВО

Показателями становления и зрелости научной дисциплины или устоявшегося научного направления в лоне гуманитарного знания, служат учебники, учебные пособия, энциклопедии и энциклопедические издания, антологии. Таковы, к примеру, дважды изданная «Этносоциология» (1984, 1998) (Ю.В. Арутюнян и др.); «Этнополитология» (2011) (В.А. Тишков, Ю.П. Шабаев); «Этнология и социальная антропология» (2014) (С.В. Чешко). Новому развороту междисциплинарных направлений – исследованию социально-лингвистической реальности и смыслов – служит, в частности, 8-ми томная «Антология концептов» (2005–2011) (отв. ред. В.И. Карасик, И.А. Стернин). Вершинное достижение нового научного направления – этнологии – представлено недавно красочно изданным фундаментальным фолиантом «Идентичность: личность, общество, политика», (отв. ред. член-корр. РАН И.С. Семененко, 2017).

В большинстве перечисленных изданий, на значительном и доверительном материале раскрываются ключевые понятия и концепты новых направлений, дается оценка современного уровня исследовательских практик и стратегий исследований индивидуальной и групповой идентичности, как составной части динамично меняющейся повседневности и ментальности людей в связи с уплотнением социальной материи. В каждом из

них в той или иной мере содержится ответ на стремительно меняющийся мир, и на те случаи, когда успешно решаются вопросы в связи с вызовами современности.

Доработанный вариант доклада, прочитанного на общественном годовом собрании, посвященном 85-летию Института этнологии и антропологии РАН 06 февраля 2018 года.

Однако в этом спешащем мире часто не хватает времени оглянуться назад. И в великолепных по академической трудоемкости и информативной насыщенности трудах порой не остается времени для ретроспекции. Между тем в науке, как уверял классик российского либерализма П.Б. Струве, как и в жизни «Не может быть национального самосознания без исторической памяти» [Струве, 1997: 451].

Более того, обозревая место и роль того или иного научного направления в системе гуманитарного знания, мы должны, как признавался тот же П.Б. Струве, «блюсти нашу историческую память и памятовать о тех людях и делах, которыми одухотворялась и строилась русская общественность» [Струве, 1997: 451]. В предлагаемой статье предлагается контурное обозрение научной биографии идентичности, как продукта и процесса на примере исследований Института этнографии АН СССР (ныне Института этнологии и антропологии РАН) в формате трех парадигм: 1. Элементов этнической идентификации, 2. Идентификации идентичности и идентичностей, 3. Этничности в системе российской идентичности.

ЭЛЕМЕНТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Истоки первого прикладного исследования этнической идентичности восходят к зарождению в рамках Института этнографии АН СССР нового междисциплинарного направления – на рубеже 1960–1970-х гг. – этносоциологии, основоположникам которого по праву считается член-корреспондент РАН, профессор Ю.В. Арютюнян [Междисциплинарные исследования, 2004: 406].

На первом этапе в 1960–1970-е годы этническая идентичность как «опредмеченный результат человеческой деятельности» (Э.С. Маркарян) и одновременно как «этнический процесс»

(Ю.В. Бромлей, В.И. Козлов, К.В. Чистов) исследовалась путем этносоциологического измерения «весомости» каждого из перечня «элементов этнической идентификации» (М.Н. Губогло).

Инструментально-методическая оснащенность подхода, не лишенная концептуальной уязвимости, корреспондировала с идеей, высказанной В.И. Козловым в его докторской диссертации и в его книге «Динамика численности народов». Примордиалистская суть идеи состояла в том, что этническое самосознание представляет собой «субъективную равнодействующую объективных элементов этнической общности» [Козлов, 1969: 50].

Глубина и интенсивность «этничности», этнической идентичности в разных исследовательских практиках в 1970-е годы измерялась шкалами с охватом до двух десятков разнообразных маркеров и признаков. Отвечая на вопрос, «что роднит человека с людьми своего народа», респонденты в республиках, социально-этнических группах и этнокультурных средах обитания, чаще всего избирали (по нисходящей): язык, общность судьбы, традиционную культуру своего народа, землю, где родился, этническую принадлежность (идентичность) родителей, национальную одежду, пищу, образ жизни, обряды и ритуалы, память о предках и т.д. Едва ли не повсеместно первое место на шкале по урожаю ответов уверенно занимал язык, независимо от того, когда, о чем, с кем, как часто разговаривал человек на одном или попеременно, например, на двух языках при двуязычии (Fishman, 1965: 67–88; 1989:).

Тенденция приоритетной значимости языка подтвердилась через много лет в начале 2000-х годов в ряде новейших исследований, проведенных сотрудниками ИС РАН по проекту «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социо-культурном и этнорелигиозном контекстах» (руководитель проекта М.К. Горшков). Отвечая на вопрос, задававшийся более 30 лет тому назад, «что больше всего объединяет Вас с людьми Вашей национальности?» каждые трое из четверых граждан России назвали язык, хотя и не уточняя о чем идет речь о знании (language competence), употреблении (speech behavior) или о психологическом отношении к языку (language attitude) [цит. по: Дробижева, 2017: 420].

Вместе с тем по итогам опроса ряда нерусских национальностей язык уступал место другим показателям. Например, для сельских карел на первом месте по значимости оказалось «проживание в Карелии» (59,4%), а рядом с языком – национальность матери и отца, (соответственно 55,4 и 54,0%) [Губогло, 1998: 41]. В этнической идентичности сельских молдаван элементы идентификации распределялись следующим образом: язык–этноним–духовная культура (музыка, танцы, фольклор). На первом месте у городских молдаван, работников умственного труда по итогам опроса, оказался этноним, на втором – духовная культура. Интегрирующая функция молдавского языка (языка своей национальности), у горожан по сравнению с сельчанами, сместилась с первого на третье место [Губогло, 1998: 49].

В докладе «Языковые контакты и элементы этнической идентификации» (М., 1973), озвученном мной на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (Чикаго, 1–8 сентября, 1973), слушателей больше всего заинтересовало исключение. О чем речь?

Этносоциологический опрос, проведенный аспирантом Института этнографии АН СССР Ильей Григорьевичем Югаем, стал неожиданным сюрпризом для исследователей идентичности и этнического самосознания. Из числа 17 признаков, по которым представители корейской национальности, компактно проживающие в Сыр-Дарьинской области Узбекистана, этнически самоопределяясь, приоритетной по значимости назвали «национальную пищу», и в первую очередь «особым способом приготовленную корейскую капусту». Это был знак корейской этнической идентичности, наиболее очевидный бренд «корейскости».

«Правда» аспиранта состояла в том, что он поверил в «правду» респондентов, приближающейся к примордиальной истине этого народа в его исторически наработанных навыках и традиционной системе питания. Суть «наивного» представления о личностной идентичности состояла в «психологизации» путем «приписывания» («приватизации») человеком (этнофором) себе готовых признаков, свойств из арсенала традиционной культуры своего народа. Увлеченность этносоциологов «внешней историей», т.е. социальной основой этничности и ее социальной обу-

словленности мешало введению в дискурс важные проблемы «внутренней истории», связанные с этикой, моралью, нравственностью и другими составляющими суть человечности, как внутреннего пространства человека (этнофора).

Авторы этносоциологических измерений функциональной роли языка или другого признака в формировании устойчивой или размытой этнической идентичности в 1970-е – 1980-е годы оказывались вынужденными по инерции рефлексировать одновременно и на идеологические послы пресловутого «морального кодекса» и на итоги этносоциологических опросов.

Велико было мое удивление, накануне 2018 г. когда в ответ на клик «туршу», поисковик выдал несколько десятков сайтов с подробной характеристикой методики квашения овощей по-гагаузски – туршу. Этнографам давно был известен консервативный характер традиционного питания, как индикатор (как объективный признак) этнической идентичности.

При «первой» форме этнической идентичности, осознаваемой как «субъективная равнодействующая объективных показателей», выходило, что субъект пассивно воспринимает импульсы внешней среды, т.е. сознанием отражает, «приватизирует» созданные до него ценности материальной и духовной культуры. При возникновении пассивной по форме идентичности принимается на веру наделенность предметов и событий «этническим» качеством, свойством или этнической окраской. Такой подход послужил удобной мишенью для критики первых авторов этнической идентичности и этнической идентификации и в обвинении их в примордиализме со стороны конструктивистов, которые резонно усмотрели отсутствие активного начала думающей, рефлексирующей и оценивающей творческой личности. Пассивная по происхождению и по сути форма этнической идентичности, опирающаяся на информацию, идущую «извне», а не из внутренней (душевной) системы, не из мировоззренческих устоев, нравственных и этических принципов человека, тем не менее на рубеже 1980–1990-х годов сыграла важную роль в этнической мобилизации. Она послужила деинфантилизации граждан, став толчком в поддержке примордиальной истины основ этнической истории народа и его культурного достояния [Тюркские народы: фрагменты этнических историй, 2014: 442].

Выявленное, в ходе переписей населения СССР в этнографическом поле «матрешечная» структура этнической идентичности в формате этнического сознания, нередко ставила переписчиков в тупик. В самом деле, какую национальность надо было вписывать в переписной бланк, если человек в деревне отвечал, что он «ясачный» или «юмышлы». При уточнении оказывалось, что он относит себя к «заболотным» татарам, которые в свою очередь являются частью тобольских татар, входящих в этнотерриториальную общность сибирских татар, являющихся частью более чем пяти миллионов татарского населения России [Губогло, 1992: 118–121; 1998, 729–733].

В парадигме элементов этнической идентичности понимание идентичности как этнического сознания, основывалась на неустоявшемся списке этнических показателей, почерпнутых из этнографических трудов по описанию этнического самосознания. Выйдя из состояния научного младенчества, парадигма ЭЭИ обрела статус полноценного концепта этнической идентичности. Определив в дальнейшем свои отношения с другими идентичностями, коим несть числа, она сыграла немаловажную роль в индоктринации теории российской нации, заняв рядом с идентичностью россиянина достойное место в понимании современного нациестроительства мультиэтнического общества, в том числе с его социально-экономической, этнодемографической, этнокультурной и этноязыковой структурой [Тишков, 2013: 40–192].

Данные измерений интенсивности, масштабности проявлений этнокультурной значимости показательных основ этнической идентичности позволили сделать вывод о текучести, неравнозначности и зыбкости каждого из показателей объективных и субъективных маркеров и показателей, нередко меняющих «вес» своей значимости.

Одновременно был получен полезный вывод о невозможности применения так называемых замещенных ответов, например, о родном языке, с целью приближения к истинному описанию и восприятию идентичности.

В ходе исследований «веса» в различном «перечне» элементов этнической идентификации было установлено, что они обладали как этноинтегрирующей, так и этнодифференцирующей

функцией. Однако каждый из элементов вел себя по-разному в зависимости от объективных (с матрицей социально-экономических, политических и этнокультурных ситуаций и обстоятельств) и субъективных (образование, нравственность, жизненный опыт, устойчивая или расшатанная человечность), обстоятельств. Больше всего внимание в пору возбужденного этнического сознания, в первом постсоветском десятилетии в программах национальных движений, уделялось интегрирующей функции языка [Губогло, 1975: 223–238; 1998: 29–45; Идентичность, 2017: 419–420]. Борьба за идентичность велась под флагом защиты родного языка своего народа.

Под этнической идентичностью, или этничностью в более широком смысле, как «количественно измеренным элементам (параметрами) этнической тождественности индивида со своим этносом – или интенсивностью этнической идентификации, было предложено понимать реализацию существующего набора объективных и субъективных признаков, по которым каждая личность субъективно относит себя к определенной этнической общности и объективно себя в ней реализует» [Губогло, 1984: 239; 2003: 13].

При этом антропология идентичности как и методологически смежная с ней «антропология движения» (А.В. Головнёв) состоит в том, что идентология может находиться в постоянном междисциплинарном диалоге, не теряя при этом собственного объекта и предмета «постижения истории» (А. Тойнби).

На втором этапе, условно названном «идентификация идентичности» продвинутые исследователи воспринимали идентичность уже не как релятивистское приписывание подобно кодировке, себе и другим определенных черт из резервуара социума и этничности, а скорее как синхронную или попеременную интерпретацию, как усвоение и освоение представлений, идей, черт, норм и форм поведения, изменяющихся под влиянием внешней среды, этнических лидеров, представителей художественной, научной и политической элиты.

В ходе национальных движений и этнической мобилизации 1990-х годов этничность становилась катализатором активной позиции граждан. Несмотря на буксующие трансформационные процессы в первом постсоветском десятилетии, набор новых

идентичностей подкреплялся правовой основой, в т.ч. Конституцией 1993 г. В ней признались права и свободы граждан, в том числе на идентичности: религиозную (ст. 28), территориальную (ст. 25, 5), коллективистскую (ст. 30), имущественную (ст. 8, 9, 35, 36), профессиональную (ст. 37), семейную (ст. 38), возрастную (ст. 7), гендерную (ст. 19), политическую (ст. 13), культурную (ст. 44) [*Губогло*, 2003: 44–45].

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

Формирование общественного интереса к проблеме индивидуальной и групповой идентичности было обусловлено трансформационными процессами, начавшиеся в Советском Союзе после победы над фашистской Германией и после смерти И.В. Сталина. Хрущевская оттепель 1950-х годов стала следствием и одновременно катализатором национального достоинства народов страны-победительницы. Интерес к личности человека, возникший синхронно с интересом к происхождению своего народа, был ответом на вызовы НТР, потребности в демократизации и открытости закрытого до этого советского общества.

VII Всемирный фестиваль молодежи, состоявшийся в августе 1957 г. в Москве явился символом доверительного миролюбия. Ромашка с лепестками различных цветов в узком смысле олицетворяла связь пространств, континентов и различных народов. В широком смысле символика и парадигма фестиваля возбуждали заинтересованность советских людей к связям со своей культурой и своим народом.

Еще одним символом открывающегося советского общества стал VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. (3–10 августа 1964г. Москва) В нем приняли участие 1940 делегатов из 58 стран. Установленные личностные контакты способствовали расширению мировоззренческого кругозора, продуктивному ознакомлению с достижениями гуманитарного знания в зарубежных странах, формированию интереса к личности. Процесс смещения этнографических проектов от изучения обезличностной культуры целого народа к культуре отдель-

ных его составных частей – социальных, внутриэтнических, межэтнических, религиозных, клановых, знаменовал одновременно потребность в осмыслении социальной сущности человека.

Всесоюзная научно-практическая конференция, посвященная социальной структуре и социальным отношениям в советском обществе, состоялась в 1965 г. в Минске. Ее влияние выплеснулось далеко за пределы белорусской столицы. Новая стратегия исследований имела радикально-революционный характер, как призыв к переходу от исследований межклассовых к внутриклассовым различиям и отношениям. Революционность заключалась в подрыве идеологических устоев ряда гуманитарных дисциплин от философии до истории и от социологии до этнографии. Заканчивалась эпоха идеологического лимитирования исследований общественных процессов только на уровне межклассовых отношений и как различий между рабочим классом, колхозным крестьянством и так называемой прослойкой – трудовой интеллигенцией.

Тем не менее, вплоть до перестройки исследователи избегали каких-либо эмпирических измерений, объективных основ и субъективных мотиваций той или иной формы идентичности советского человека. Поэтому первые этносоциологические измерения мотивов и импульсов идентичности были прорывом, уникальным, хотя и, повторяюсь, не лишенным наивности явлением, в постижении этого явления.

ЭТНОГЕНЕЗ КАК ПОСТИЖЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДА

Тропа к постижению персональной идентичности в этнографической науке пролегла через вулканически вспыхнувший в 1960–1970-е годы интерес к происхождению народов. Этногенетические страсти охватили хотя и незначительные, но весьма активные слои научной и художественной элиты советского общества. На кафедре этнографии исторического факультета МГУ в годы хрущевской оттепели и брежневского застоя не было более привлекательной и более востребованной темы, чем этногенез.

Пассивность первой формы личностной идентичности в известной мере вытекала из ожиданий отдельного человека ясного и

четкого ответа от ученых об идентичности своего народа. В 1960-е годы, накануне прихода Ю.В. Бромлея и Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой и И.С. Кона, О.И. Шкаратана и Г.В. Старовойтовой в Институт этнографии (1966 г.), наблюдался мощный общественный и научный интерес к корням своего народа. Этнографы, деятели художественной культуры, особенно поэты, публицисты и писатели, буквально «болели» этногенезом. Стремлением этногенетической идентификации представители гуманитарной и политической элиты были настолько глубоко озабочены и охвачены, что дело доходило до психушек и умопомрачения. Нашлось немало графоманов, взявшихся в дополнение к уже высказанным гипотезам о происхождении народа («правдам») добавить еще одну, увы, выдуманную, «свою правду». Однако даже на закате XX в. ни один из авторов не смог опровергнуть истину, заключающуюся в смешанном составе большинства народов, хотя многие боролись за биологическую «чистоту» своего народа.

Если имевший место исторический факт (событие, явление, личность, образ) принимать за истину, остающуюся вне душевного мира человека, то осмысление и интерпретация представляют собой достояние человека, корнящееся в нем самом, или выявляющимся из него. Подобным образом понимание правды, как антитезиса истины, которая в одних случаях подтверждает, в других опровергает, в третьих искажает в конечном счете истину, служит показателем личностной или групповой идентичности.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

На втором этапе формирования идентичностей, особенно под впечатлением широкомасштабной этнической мобилизации в многоэтничных регионах России, усилилось активное начало, возросло внимание, наряду с этнической к целому ряду других идентичностей.

Задумавшись о себе, своем народе и своей этнической идентичности, человек не мог оставаться равнодушным к включенности во множество различных социальных и институциональных взаимоотношений и потому оказывался вовлеченным разделять соответствующие профессиональные и социокультурные

ценности и предпочтения, пристрастии, фобии, те или иные модные течения. Множество социальных ролей и позиций вело к множественности идентичностей [Губогло, 2003].

Материалы нескольких широкомасштабных проектов, проведенных с коллегами из ближнего и дальнего зарубежья в 1990–2000-е годы отражены в монографии «Идентификация идентичности» (М., 2003 г.) и в трехтомнике «Развивающийся электорат России» (1996 г.). Многомерность и многообразие новых форм идентичности обсуждались и нашли отражение в работе постоянно действующей секции по идентичности в 6 из 12 конгрессов этнографов и антропологов России (сопредседатели М.Н. Губогло, М.А. Жигунова).

Атмосфера, пропитанная идеями демократии, свободной конкуренции («человек человеку волк») свободы и прав человека («свобода, братство, равенство»), нередко оказывается, увы, сопоставимой с идеями большевизма («мы старый мир до основания разрушим», а затем «мы наш, мы новый мир построим»). Привлекательность разрушительной ценности вытекает из желания соединить несоединимое, отказаться от оптимального сочетания традиций и инноваций, от их, как отмечал С.А. Арутюнов, «взаимодополнительности» [Арутюнов, 2012: 279–301].

Сотрудники Института этнологии и антропологии РАН внесли значительный вклад в исследование этничности и лабиринта идентичностей на примере народов Испании, в том числе «сквозь призму истории». В одном случае источники, питающие этнические идентичности, представляются как потрясение основ, как крушение «старого мира» во многих его сущностных аспектах и утверждение на его обломках нового, зачастую совершенно иного.

В другом, напротив одна из особенностей Испании заключается в том, что далекое прошлое не исчезло, но продолжает сохраняться в настоящем и влиять на него. В современном контексте «ретро» ссылки используются для обоснования демократических достижений и преобразований, соответствующих децентрализации.

Пик общественной потребности знать идентичность народов России приходится на рубеж 1980–1990-х годов. По зада-

нию ряда ведомств и служб сотрудники Института этнографии АН СССР М.Н. Губогло и Ю.Б. Симченко подготовили 124 энциклопедические справки, позднее изданных отдельной книгой под ред. Ю.Н. Квашнина [*Губогло, Симченко, 2010: 282*].

После развала Советского Союза наиболее характерной чертой стало обращение исследователей не к одной, а к нескольким идентичностям и исследование взаимоотношений между ними. Едва ли не приоритетными стали поиски взаимоотношений между этнической с одной стороны и религиозной, гражданской, гендерной, имущественной – с другой. Важные результаты, в частности, были получены в освоении и усвоении тесных связей между этнической и региональной идентичностями.

Позитивное взаимодействие православной, самодержавной («государственной») и народной идентичности, хорошо известное с времен Уваровской триады, в советское время было прервано мощной пропагандой атеизма. Государственная, гражданская (гражданская ли?) («советская») идентичность в значительной мере вытеснила религиозную идентичность как стабилизирующего фактора, позитивно действующего на сохранение важнейших этнических признаков, идущих из глубины веков со времен Притчей Соломоновых. И хотя в постсоветский период религия (церковь) остается отделенной от государства, предпринимаются серьезные попытки придать «гражданский» привкус религиозной идентичности, порой вместе с этнической.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭТНИЧЕСКОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Исключительно важные результаты дали этносоциологические исследовательские проекты, в задачу которых входил анализ соотношения этнической и региональной идентичности. Проголосовав почти всенародно на референдуме 16.03.2014 г., крымчане, как носители укорененной региональной идентичности, перешли в состав другого государства. Представители трех примерно равновеликих по численности национальностей Приднестровья – молдаване, русские и украинцы, для которых региональная

идентичность оказалась сильнее этнической, проголосовали на референдуме 19.11.2006 г. за вхождение в состав России.

Население Гагаузии, сплоченное этнически и регионально под брендом Буджака на референдуме 02.02.2014 г., воспротивилось идее вхождения Республики Молдова в состав соседнего государства, что привело бы к потере молдавской государственности, Плебисцит продемонстрировал решительный настрой граждан Гагаузии на вхождение в Таможенный Союз и на сохранение традиционной ориентации на русскоязычие и русскокультуре, а с их помощь. дальнейшего развития функциональной нагрузки гагаузского языка и профессиональной гагаузской культуры. Прочный симбиоз этнической и региональной идентичности послужил населению Гагаузии залогом их веры в молдавское отечество и их позитивного отношения к гражданской идентичности. Об этом можно судить по тому, с каким пристрастием они отметили 650-летие молдавской государственности, в отличие от прохладного отношения к этой знаменательной дате определенной части кишиневской элиты.

Этническая и региональная идентичность крымчан, гагаузов и приднестровцев особенно наглядно проявляется по сравнению с неустойчивой устойчивостью этих двух феноменов среди русского населения Республики Молдова и болгарского на юге Молдовы и Одесской области Украины. Быть блюстителем этнической и одновременно региональной идентичности русскому населению Молдовы затруднительно, во-первых, из-за его дисперсного расселения, во-вторых, из-за наличия огромного российского «этнического материка», благодаря которому частично нивелируются страхи и риски этнической ассимиляции, связанной с утратой русскости. Аналогичная ситуация имеет место среди болгар Одесской области. В поэтических произведениях болгарских поэтов Республики Молдова и Одесской области воспеваются любовь к Народной Республике Болгарии, которая воспринимается как Мать-Родина всех болгар, проживающих за пределами Болгарии, как «своей» страны.

В формировании идентичности гагаузов и болгар немалую роль играет историческая травма времен османского ига, полученная в ходе религиозных преследований. Однако связь этнической, религиозной и региональной идентичности сегодня сре-

ди гагаузов более заметна, чем среди болгар, что проявляется в готовности к жертвенности ради сохранения активной идентичности, которая проявляется в том, что творческое воображение не ограничивается истиной тех или иных артефактов и ментифактов внешней среды. Она формирует свою «правду» по поводу каждой из них. Для одних «исследователей» Бухарестский мир 1812 года оказывается началом оккупации Императорской Россией Бессарабии, для других освобождением молдаван от Османского ига, для третьих препятствием для создания Великой Румынии, для четвертых обретением родины для задунайских переселенцев из северо-восточной части Балканского полуострова. Чем более общественно значимой оказывается историческая дата или событие, тем с большей смысловой плотностью появляются множество «правд» у толкователей истории, как истины.

Динамика смещения от пассивной к активной форме этнической идентичности состоит в том, что разворачивается процесс развития идей от созерцания и веры в принадлежность к своему народу, к сопереживанию и сотворчеству своего народа. Инфантилизм советского человека, т.е. выбор этнической идентичности в зависимости от идеологически легитимизированного группового происхождения народа, преодолевается в постсоветский период пробужденной душевной работой и наполнением повседневности смысловой плотностью.

Наблюдения скоропалительно меняющихся идентичностей дают основания для вывода о возможном увеличении численности множественной этнической идентичности, особенно в этнически смешанных семьях. Репертуар идентичностей находится в зависимости от хода и интенсивности трансформаций и изменений. Есть основание думать, что для выявления, «измерения», учета и описания многомерности идентичностей, в том числе этнической идентичности, «необходимые адекватные теоретические конструкции человека (типов социального действия), позволяющие фиксировать не просто многообразие его ценностных ориентаций, нормативных предписаний, оценки ситуации, вытекающих из разновременных и институционально несогласованных источников, но и их ситуативный синтез в актуальном поведении, обеспечивающий «баланс субъективной гра-

тификации, морального самочувствия, адаптации или протесной мотивации» [Гудков, 2007: 18]. Обновление прежних и формирование новых идентичностей происходит по двум разнонаправленным векторам. С одной стороны среди представителей отдельных групп населения наблюдается особая притягательность быть вхожими в одну из конкретных общностей с восприятием ее базовых ценностей. С другой стороны, расширяется выбор, ведущий к маргинализации. Сошлюсь на собственный опыт. Первый хорошо запомнившийся шок маргинализации мне довелось испытать в депортации, будучи учеником 6 класса. В связи с уходом «Вождя народов» в мир иной на выстроенной школьной линейке я рыдал вместе с учителями по поводу «невосполнимой потери». Однако, вернувшись домой, я отчетливо услышал, как один из депортированных друзей моего деда с нескрываемым злорадством произнес: «Аллах верди, геберди!» («Бог дал, сдох!»). В гагаузском языке, как и в других тюркских языках, глагол «геберди» («сдох») несет более мстительную коннотацию, чем в русском языке. Надо ли пояснять, что многие, без вины наказанные народы, возлагали вину за свою трагическую судьбу прежде всего на руководителя государства.

Симбиоз этнической идентичности с религиозной, региональной, гендерной, имущественной и другими, загружает идентичность дополнительным смыслом, создавая условия для расщепления и для возникновения двойной идентичности. Под влиянием СМИ и пропагандистских усилий активистов этнической мобилизации возникает стремление к появлению такой совокупной общегражданской идентичности, в которую «вмонтированы» в иерархическом или бессистемном порядке другие, более частные идентичности [Губогло, 2003: 710–716, 727–741].

Плотность этнической идентичности по справедливости трактуется как взаимодействие взаимозависимых идентичностей и их сознательное сочетание, сочленение, коренящихся в разных ресурсах тех или иных социальных групп или институтов. Конечный смысл множественности идентичностей лежит в русле учета различных точек зрения и норм поведения с участием представителей разных этнических, религиозных и региональных групп населения [Губогло, 2003: 711–716].

В основу измерения этнической идентичности изначально была заложена заимствованная из социолингвистики инструментально-методическая триада: *знание* артефактов, социофактов и ментифактов культуры и ментальности своего народа (*language competence*), осмысленное или неосознанное *поведение*, т.е. следование ценностям национальной культуры в повседневной жизни (*speech behavior*) и, наконец, психологическое или чувственное оценочное *отношение* к каждой из них (*language attitude*) [Fishman, 1989].

На втором этапе, особенно в первом постсоветском десятилетии, при реализации ряда исследовательских проектов ИЭА РАН совместно с американскими коллегами, измерение «градуса» форм проявления идентичностей с учетом начавшейся деинфантилизации граждан, осуществлялось в различных типах социальной, политической, культурной и этноязыковой среды [Laitin 1998; Лейтин, 1999: 65–102; Этническая мобилизация, 1999].

На основании наработанного опыта в 2002 году, параллельно с проводимой в России переписью населения, был заложен крупномасштабный этносоциологический проект «Электрокардиограмма (ЭКГ) социальных изменений» (автор проекта – М.Н. Губогло). Изучение триады идентичностей – этнической, конфессиональной и гражданской – (ЭКГ) велось в триаде пространств – экономической, культурной, государственной (ЭКГ). По выборкам, представительным для взрослого населения титульной и русской национальности, был проведен этносоциологический опрос в 4-х республиках Башкортостане, Татарстане, Марий Эл, Удмуртии. Совместно с известными учеными Удмуртии при одухотворяющем руководстве влиятельного политика, общественного деятеля, депутата Государственной Думы, ученого – Светланы Константиновны Смирновой, было подготовлено и издано 12 книг в 9 томах под общим названием «Феномен Удмуртии». (2001–2006гг.) Один из томов «Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций» принес ей ученую степень доктора политических наук [Смирнова, 2002: 560].

Главным достижением исследования идентичностей различных групп населения на примере Удмуртии дало основание для вывода о социально-этнической деинфантилизации граждан

в маргинальные 1990-е годы, несмотря на колоссальные трудности переходного периода.

Идея исследования многочисленных форм и типов идентичностей и идентификаций в разнообразных средах и пространствах получило мощное продолжение в первые десятилетия XXI века и нашло выражение в энциклопедическом издании «Идентичность: личность, общество, политика» (2017), подготовленном и осуществленном высококвалифицированным авторским коллективом под общим руководством члена-корреспондента РАН Ирины Станиславовны Семененко [Идентичность, 2017].

АНТРОПОЛОГИЗАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Концептуальное обновление и совершенствование методико-инструментального аппарата в исследовании жизнедеятельности, в том числе за счет междисциплинарных направлений, было вызвано растущим многообразием жизни, уплотнением социальной материи, усложнением форм социальных, этнокультурных и этнополитических процессов, в том числе новыми трендами развития востребованной личностной и групповой идентичности [Губогло, 1999; Тишков, 1999].

Постановка и уточнение задач по изучению этничности, идентичности, этнической мобилизации и места этнических явлений в трансформационных процессах вытекала из необходимости освоения новой реальности, возникшей в связи с распадом Советского Союза, подъемом национального и этнического самосознания, взаимокатализирующих друг друга шовинизма и сепаратизма, стремления малочисленных этнических групп к самоопределению во имя и ради сохранения самобытности.

Либерализация идеологической атмосферы, ослабление скреп, сдерживающих расширение проблематики и предметной области отечественной этнографии с ее глубокими корнями и традициями, открывала дорогу появлению ряда междисциплинарных научных направлений. Проблемы идентичности и идентификации занимали видное место в этнодемографии, этносоциологии, этнической социолингвистике, этнопсихологии, чуть позднее – этнополитологии [Междисциплинарные исследования, 2005].

Однако, несмотря на мощный поток исследовательских проектов, дискуссий и публикаций, мало кому удалось предложить общеприемлемые концепции или теории смещения акцентов от изучения этнических общностей к изучению этнических лиц (этнофоров) и этнической текучести. Специалисты мало продвинулись от изначального понимания этничности, как зыбкой, постоянно меняющейся совокупности свойств людей, а идентичности – как реальной и воображаемой связи конкретного человека со своим народом и его ценностями.

Расширение предметной области этнографии в связи с исследованием современных этнических процессов, одновременно сопровождалось разработкой теории этноса, в том числе динамических трендов и форм его развития (Ю.В. Бромлей), реализацией ряда новаторских проектов по этнодемографии (В.И. Козлов, С.И. Брук), социологии села (Ю.В. Арутюнян, В.И. Староверов), социологии города (О.И. Шкаратан), социологии личности и формирования идентичности (И.С. Кон), этноэкологии (В.И. Козлов), психологии межэтнических отношений и этнической идентичности (Л.М. Дробижева), этнической социолингвистике и идентификации идентичности (М.Н. Губогло).

Новые подходы вводили в исследовательское поле наряду с группой или их системой – индивида (этнофора, этноличности), его установки, поведение и его отношение к реальности.

Ускоренное социальное вызревание некоторых малочисленных этнических общностей было вызвано успешной деятельностью многих звеньев советской системы образования, самообразования и воспитания. Брендом социального и культурного роста советского человека и его социокультурной идентичности стала номинация «самого читающего народа мира». Мало кто подозревал, что первые накаты гедонизма вместе с призраками индивидуализма станут со временем тяжким балластом духовного обогащения.

Привнесение в науку парадигм идентичности и этничности, заменяющих собой классовый подход, еще не стало торжествующим прорывом. Не посягая на рационализм, социально-экономическую обусловленность идентичности, некоторые исследователи осторожно обходили стороной внутреннюю исто-

рию идентичности – субъективно-эмоциональную, «душевную», этическую и эстетическую сторону бытия человека.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: «КТО МЫ? ОТКУДА? КАКИЕ МЫ?»

[Губогло, 1992: 118–121]

В освоении мирового опыта в деле всестороннего изучения феномена идентичности отечественные гуманитарии достигли знаменательных успехов, особенно в последние два десятилетия [Идентичность, 2017: 15–17].

Новаторское насыщение дискурса идентологии теориями и концепциями из арсенала мирового гуманитарного знания вместе с осмыслением и переосмыслением итогов прикладных социологических обследований, проведенных в различных регионах постсоветского пространства, значительно обогатили проблематику идентичности и расширили предметную область ряда новых и традиционных научных дисциплин.

На исходе второго десятилетия XXI века благодаря успешным этнополитическим и этносоциологическим исследованиям, раскрывающим преимущественно «внешнюю историю» идентичности, возникла острая потребность в «этическом повороте» [Семеновко, Морозова, 2017: 77] или в нашем понимании – «внутренней истории» идентичности, именуемой с советских времен не вполне удачно «человеческим фактором» [Губогло, 2016: 18–45].

Выход в свет энциклопедического издания «Идентичность: личность, общество, политика» (М., 2017), в чем-то тематически ассоциированного с индокриной теорией российской нации [Тишков, 2013], открывает в XXI веке новые горизонты для перехода от «внешней» к исследованиям «внутренней истории» идентичности – мотивам, интенциям, стремлениям и готовности людей сознательно конструировать, подновлять или «ремонттировать» (подправлять) свои идентичности, опираясь на личный накопленный опыт, на уровень нравственности, исходя из этической парадигмы добра и зла, справедливости и ответственности [Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования, 2018].

В этой связи особую актуальность представляют мониторинговые измерения внутреннего пространства человеческого фактора в сочетании с экологической средой и социальной материей, в том числе проведение этнологической экспертизы. Недавно проведенные в Институте этнологии и антропологии РАН исследования доверия, миротворческого потенциала народной культуры, нравственных и этических принципов, выступающих критериями (определителями) глубинных аспектов индивидуальной идентичности, показали, что по истечении четверти века после развала Советского Союза некоторые группы людей не преодолели до конца маргинальность, унаследованную от советскости [Губогло, 2016; 2016; 2017].

Маргинальность идентичности имплицитно или откровенно отраженную в художественной литературе позднесоветского периода, фиксировали этносоциологи и политологи, уловившие в ходе контент-анализа произведений художественной литературы или этики профессиональной деятельности «рассогласованности между внутренней (для сообщества и близкого круга) и внешне (для чужих) идентичностью» [Губогло, 1998: 497–661; Идентичность, 2017: 869].

Для специализированной этнологической экспертизы необходимо создание такой информационной базы, которая позволила бы выявить и оценить возможный ущерб, причиняемый культурной среде и ареальной экологии неразумным хозяйственным вмешательством и малообоснованными политическими идеями и решениями. Известный опыт разработки стандартных методов анализа проекта законов, административных решений, техногенных вторжений в экологическую систему накоплен в Институте этнологии и антропологии РАН с конца 1980-х начала 1990-х годов. Менее всего при этом разработаны условия и механизмы координации исследовательских практик экспертов с региональными и местными властями, хозяйствующими и креативными структурами, в том числе на основании заключенных договоров о совместной разработке экспертизы.

Моральную и правовую основу этнологической экспертизы составляет оптимальное сочетание и учет закона как (юридического инструмента) и ментальности народа, (в систему которой

входят обычное право, культурные ценности, этические и эстетические принципы и нормы). Однако уже принятый Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» (25 июня 2002 г., новая редакция от 29 июля 2017 г.) с рядом последующих поправок, определивших механизм и методические процедуры историко-культурной экспертизы, не сопровождается корректным исполнением и не обеспечивает реализацию конституционного права каждого гражданина на доступ к культурным ценностям.

В современной России, наряду с политикой памяти, поощрения ностальгии и идентичности, большое и важное значение имеет гармонизация системы жизнеобеспечения и ментальности народов. Условием ее оптимизации является рациональный баланс политического суверенитета, социально-экономических условий и идентичностей человека. Историческая уникальность истории Императорской России, Советского Союза и постсоветской России состоит в отличие от многих полиэтничных стран мира, в проведении проэтнической политики, ориентированной на сохранение и поддержку культурной самобытности и этнической идентичности народов [Этническое и религиозное многообразие, 2017].

Парадигма самобытности имеет не менее важное значение, чем культивирование гражданской и этнической идентичности вместе с лояльным отношением государства к религиозному вероисповеданию. Стратегия сохранения, поддержки и продвижения самобытности основаны на доверии, внимательном и бережном отношении государственных, общественных структур и самих обладателей самобытности к ценностям своей традиционной культуры. Между тем в самой структуре и в содержании, в символике и семантике традиционной культуры, в брендировании городов, республик, и иных административных единиц, не предусмотрены нормы, механизмы и институты самозащиты, а также охранительный иммунитет от разрушительных воздействий глобализации и технотронных влияний.

Цель этнологической экспертизы, понимаемой как система квалифицированных прикладных этнологических и этносоциологических исследований, состоит в том, чтобы сконструировать надежную систему контроля над важными видами хозяй-

ственной и управленческой, информационной и инновационной, политической и художественной деятельности, которые прямо или косвенно могут оказывать разрушительное воздействие на ментальность, идентичность и духовную жизнь народов (этнических сообществ). Вместе с тем оптимальная защита культурного наследия не означает ее консервацию, а лишь способствует правовой стабильности и этнополитической консолидированности социума за счет повышения ответственности людей за свою судьбу и за судьбу своей страны.

Завершая почти тысячестраничное изложение многомерных исследований теории и концепций идентичности и идентичностей, авторы неоднократно упоминаемого выше фолианта «Идентичность: Личность, общество, политика» обращают внимание на востребованность постоянной рефлексии и саморефлексии, обращаясь к коллегам с многозначным вопросом «Кто мы?» и «Куда идти дальше?» [Идентичность, 2017: 851, 865].

Исполнение законов и нормативных актов по охране самобытности народов затрудняется без идеологического и концептуального обоснования, без аргументированного составления реестра материальных, духовных и экологических объектов культурного наследия, без разработки методико-инструментального аппарата обследования и исследования мер по созданию условий обеспечения необходимости сохранности элементов материальной и духовной культуры (артефактов и ментифактов), нравственности и этической системы, составляющих матрицу жизнеобеспечения и ментальности народа.

Задача этнологической экспертизы состоит в том, чтобы наряду с защитой исконной среды обитания и традиционного образа жизни народов России привлечь внимание управленцев и творческой элиты к проблемам достоинства и ментальности народов, выяснению, учету, популяризации корневых основ доверия, нравственности и морали, смыслов и норм добра и зла, справедливости и ответственности, долга и совести с целью минимизации вредных глобализационных влияний и предотвращения девиантных форм поведения, извращений исторически сложившихся канонов жизнеустройства (по шкале «полезно – вредно»), минимизации проявлений алкоголизма, наркомании, социальной апатии, суицида, различных форм психопатологии.

Ответственность этнологической экспертизы обусловлена тем, что на ее основании могут быть приняты государственные нормативные акты, обеспечивающие определенные виды деятельности, связанные с сохранением и поддержкой культурного наследия. Результаты этнологической экспертизы могут получить отражение в народохозяйственных программах и проектах, в текстах учебников, художественных произведений, в публикациях СМИ, в брендинге субъектов РФ, их столиц, городов и поселений, в маркировании товаров и изделий, в оформлении лозунгов, в программах и решениях органов государственной власти, в деятельности общественных движений и т.п.

Контурное обозрение научной биографии концептов идентичности, идентичностей и идентификации как продуктов и как процессов социального конструирования, как важнейших характеристик различных форм общностей (этнической, гражданской, гендерной, религиозной, региональной, имущественной (собственной) и многих других, коим несть числа...), убеждает в том, что в последние полвека этнологи (исследователи идентичности) двигались гуманитарной тропой от человека к человеку, имея дело с человеком и с разнообразными формами его социально-психологического, этнополитического и этноязыкового самоопределения. Коротко говоря, научная биография концептов, вынесенных в название статьи, состоит в движении от эссенциализма, как совокупности представлений об идентичности, как пассивной, определяемой внешними, независимыми от человека факторами, к социальному конструктивизму, как активному процессу личностного смыслополагания, в том числе в активном соучастии в российском нациестроительстве [Тихов, 2013: 649].

Список литературы

- Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования. Сост. и отв. ред. М.Н. Губогло, М. ИЭА РАН. 2018. 452 с.
- Арутюнов С.А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне, монография, М., ИНФРА, 2012, 416 с.
- Губогло М.Н. (а), Антропология доверия, М., ЯСК, 2016, 544 с.

- Губогло М.Н. (б), Миротворческий потенциал традиционной культуры, Комрат-Кишинев, 2016, "Foxtrot", 150 с.
- Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки, М., Наука, 2003, 764 с.
- Губогло М.Н. Интегрирующая функция языка // Социолингвистические проблемы в развивающихся странах, М., Наука, 1975, с. 223–238.
- Губогло М.Н. Этноичность как истина и как правда (опыт лексико-семантического исследования), Исследования по прикладной и неотложной этнологии, № 261, М., 2017, ИЭА РАН, 68 с.
- Губогло М.Н. Этнодемографические портреты. Кто мы? Откуда мы? Какие мы? // Этнополитический вестник России, 1992, № 1, с. 118–121.
- Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации, М., ЯРК, 1998, с. 729–733.
- Губогло М.Н. Языковые контакты и элементы этнической идентификации, М., 1973.
- Губогло М.Н., Симченко Ю.Б. Союз. Этнографический словарь, Ю.Н. Квашнин (новая редакция), Москва-Тобольск, 2010, 282 с.
- Гудков Лев, Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов, М., Новое литературное обозрение, 2004, 816 с.
- Дробижева Л.М. Этническая идентичность. // Идентичность: Личность, общество, политика. Отв. ред. член-корр. РАН И.С. Семеновко, Москва, «Весь мир», 2017, 417–422.
- Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание, отв. ред. И.С. Семеновко, М., «Весь мир», 2017, 992 с.
- Козлов В.И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы, М., Наука, 1969, 407 с.
- Лейтин Дэвид Теория политической идентичности // Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. Москва, 1999. ЦИМО. 65–102.
- Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии: сборник в честь Юрика Варгановича Арутюняна, отв. ред. М.Н. Губогло, М., Наука, 2004, 406 с.
- Семеновко И.С., Морозова Е.В. Идентичности в меняющемся мире: ориентиры, смыслы, траектории динамики // Идентичность: Личность, общество, политика, отв. ред. И.С. Семеновко, М., 2017, с. 76–87.
- Смирнова С.К. Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций, Москва-Ижевск, 2002, 560 с.
- Струве П.Б. Patriotic: Политика, культура, религия, социализм, сост. В.Н. Жукова, А.П. Полякова; вступ.ст. и прим. В.Н. Жукова, М., Республика, 1997, 527 с.
- Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., Наука, 2013. 649с.

- Тюркские народы: фрагменты этнических историй. Отв. ред. М.Н. Губогло. Москва, ИЭА РАН. 442 с.
- Этническое и религиозное многообразие России. Под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. Москва. ИЭА РАН. 2017. 551 с.
- Laitin D.* Identity in formation. The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad. Cornell University Press, 1998. 417 p.
- Fishman J.A.* Who speaks what language to whom and when // *Linguistique*. 1965. № 2, p. 67–88.
- Fishman J.A.* Ethnicity in Minority. Sociolinguistic Perspective. Cleventon. Philadelphia, 1989. 717 p.

|| ДИАСПОРЫ / ЗЕМЛЯЧЕСТВА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

*А.В. Дмитриев,
В.В. Воронов*

ВВЕДЕНИЕ

Теоретико-методологические основания представляемого исследования опираются на положения, в которых этносоциальные процессы, существующие во всех полиэтнических государствах, обостряются под влиянием глобализации, научно-технического прогресса и настоящей необходимости модернизации. Управление этими процессами выступает важным элементом внутренней политики любого современного государства. В отечественной науке складывается понимание современного общества как внутренне разнородного единства, в котором все этнические общности развиваются в процессе взаимодействия и взаимовлияния. Такое понимание отражено и на уровне мирового сообщества в международных решениях 2001–2002 годов ЮНЕСКО, ООН о культурном разнообразии во имя диалога и развития народов. Поэтому в современной России настоятельна дальнейшая скоординированная теоретическая и практическая работа ученых, органов власти всех уровней, всех заинтересованных сторон по социальной и культурной адаптации и интеграции инокультурных этнических групп, а также просветительская работа с местным населением (принимающим обществом), по изменению негативных общественных стереотипов в отношении этих групп.

ИНСТИТУТ ДИАСПОРЫ/ЗЕМЛЯЧЕСТВА

Усиление территориальной мобильности различных этнических групп в России из постсоветских стран, вынужденная миграция населения из одних стран в другие вследствие социально-политических, военных конфликтов, издавна обусловили интерес в научном сообществе к анализу данных процессов посредством понятийной институционализации иноэтнических групп как «диаспор», то есть расселения инокультурных этнических групп вне страны исхода (этнической родины). Данной проблематикой в разных аспектах (трудовая миграция, ксенофобия, социокультурные стереотипы, межэтническое взаимодействие и др.) занимаются как маститые ученые, так и новые молодые исследователи. Гармонизация межэтнических отношений в стране на основе социально-экономической, социокультурной адаптации и интеграции в принимающее общество различных этнических групп (внешних и внутренних мигрантов, самоорганизованных в диаспоры и землячества, а также не входящих в них) вызвана растущим значением в современных условиях проблемы неконфликтного взаимовлияния и взаимодействия разных культур, традиций, языков, представленных этими группами. Современные диаспоры в России не являются однородными группами, т. к. включают как давно интегрированные слои, так и недавних трудовых мигрантов, а их внутренние различия определяются множеством социально-экономических и социокультурных факторов. В этом была одна из проблем нашего исследования. Недостаточная понятийная проработка диаспоры в теории ведет к размыванию понятия на практике: при обсуждении, к примеру, в СМИ вопросов, связанных с деятельностью иноэтнических групп в стране и регионах. Здесь присутствует неоднозначность представления о диаспорах (смешение их с землячествами). Часто диаспорами называют не только этнические сообщества из стран Азии, Европы и т.д., но и этнические сообщества российского Северного Кавказа: адыгов, дагестанцев, ингушей, чеченцев и др., которые являются землячествами [Пешкова, 2017: 68, 71]. Поэтому необходимо различать эти понятия. Если *диаспора* – этническая группа, составляющая насе-

ление одного из государств и в настоящее время проживающая вне страны своего этнического происхождения дисперсно или компактно в разных российских регионах, то *землячество* – этническая группа, имеющая общность этнического происхождения из другого российского региона (автономии, республики в составе Российской Федерации), проживающая вне региона своего происхождения дисперсно или компактно.

В связи с отсутствием единого подхода к определению понятия «диаспора», его операционализация стала важной теоретико-методологической проблемой исследования. Исходя из анализа зарубежных и отечественных подходов к изучению диаспоры, а также материалов, полученных в рамках нашего исследования, категоризация понятия должна соответствовать нескольким критериям. Во-первых, совместный опыт пребывания людей за пределами страны (территории) их происхождения в иноэтничном (инокультурном) окружении. Во-вторых, поддержка постоянного интереса своих членов к жизни «страны исхода», путем разнообразных обменов, часто поверх национальных границ (транснациональные связи). А также участие в коммуникационных процессах как минимум трех его сторон: диаспора, «принимающее общество» и «отпускающее общество». В-третьих, самоорганизация, наличие формальных (например, СМИ, школы, спортивные секции, НКА, ассоциации и т.п.) и неформальных институтов (группы влияния), благодаря которым происходит мобилизация членов и поддержание (конструирование) идентичности. В-четвертых, наличие культурного, социального, управленческого, политического капитала, направленного на поддержание границ идентичности. И, наконец, самоопределение и самопозиционирование себя в качестве диаспорного сообщества. Операционализация же понятия «диаспора» в региональном контексте основывается на том, каким образом диаспорные сообщества включены в политические, экономические, культурные и социальные структуры локального и регионального уровней и каким образом это воспринимается остальным населением конкретного российского региона. В результате дискурс-анализа СМИ были выделены общие тенденции в развитии межнациональных отношений, характерные

для различных регионов (центрального, западно-сибирского, приволжского, южно-российского):

- понятие «диаспора» в печатных и электронных медиа определяется несколькими способами. Самыми популярными из них являются использование категории «диаспора»: а) как синонима общественной организации; б) как обозначения своей малой родины, в частности, для обозначения соотечественников за пределами России;

- контекст медийного дискурса неоднозначен: с одной стороны подчеркивается необходимость межнационального взаимодействия, терпимости и взаимного уважения, с другой стороны, анализ публикаций показывает, что отношение к проблеме диаспор, национальных объединений и земляческих групп в прессе чрезмерно осторожное. Национальный вопрос не выносится во главу угла в силу его противоречивости и возможности усиления напряжения по линии этносоциальных взаимодействий;

- наибольший интерес СМИ в контексте вопросов, связанных с «диаспорами» и «землячествами», представляют проблемы внутрирегиональной политики, законодательства, правового регулирования межэтнических отношений, особенно при обсуждении вопросов миграции. Эти вопросы чаще коррелируются с периодами публикационной активности. В стабильные периоды на первый план выходит проблематика культуры и искусства (информация о национальной культуре, традициям, обычаям и т.д.);

- традиции советского периода обозначать этнические группы категорией «национальность» закрепились в сознании людей и присутствует сегодня, что было подтверждено значительной разницей в количестве публикаций, полученных по запросам, сформированным на основании категорий «диаспора» и «землячество». Это же отчасти и породило терминологическую путаницу, связанную с использованием понятий «этнический» и «национальный».

Диаспоры и землячества, представленные как традиционными старожильческими группами, так и новоприбывшими (трудовыми мигрантами), наряду с принимающим обществом, представленным местным населением, чаще всего являются активными субъектами региональных социумов и существенно влияют на все стороны жизни в регионах. Сложная структура

взаимоотношений этих субъектов, характеризующихся многоуровневой идентификацией, определяет социально-идентификационные особенности конкретного региона, но при этом и определяется ими. Поэтому адаптация и интеграция диаспор, землячеств, внешних и внутренних мигрантов в региональных социумах — двусторонний процесс, включающий экстерииоризацию ценностных ориентиров, норм и правил региональных и местных сообществ с учетом интересов диаспорных и земляческих групп, с одной стороны, и интериоризацию этих ориентиров, норм и правил в диаспорах и землячествах — с другой, на основе общероссийской идентификации. Исследование такого двустороннего процесса рекомендуем осуществлять на основе разработки региональных социоэкономических, социокультурных этнических моделей взаимодействия диаспор и землячеств с местным населением (принимающим обществом). При этом надо учитывать, что различные этнические группы адаптируются и интегрируются сначала в российские региональные сообщества, а опосредовано в Российскую Федерацию. Это предполагает также разработку региональных моделей государственной этнонациональной (межэтнической) политики для решения задач оптимизации этно-групповой и социально-территориальной идентичности в контексте общероссийской национальной безопасности.

Перед нами стоит задача углубления методологии и методики аналитического и прогнозного моделирования идентификационных стратегий диаспорных и земляческих сообществ на примере различных российских регионов: сначала центрального региона (г. Москва и область), а затем западно-сибирского региона (включающий в себя Тюменскую область с автономными округами), южно-российского региона (Краснодарский край с Республикой Адыгея) и приволжского региона (Нижегородская область).

Указанные регионы обладают разным социально-экономическим потенциалом, особенностями истории формирования и этнокультурного состава населения, но эти государственно-территориальные образования одинаково значимы как модельные для изучения функционирования и развития крупных полиэтнических сообществ в аспекте консолидации социального пространства России, обеспечения безопасности ее развития.

Полученные авторами результаты исследования в период 2014–2017 годов в рамках проектов РФФИ и РНФ выявили спектр возможностей и ограничений в процессах адаптации и интеграции инокультурных этнических групп (диаспор, землячеств, новых внешних и внутренних трудовых мигрантов) в обследуемых регионах. При этом специальный анализ принимающего эти инокультурные этнические группы общества (местного большинства) в указанный период не проводился. Практика исследования темы показала необходимость углубления и расширения анализа по следующим направлениям. Во-первых, комплексная социологическая диагностика требует введение в анализ нового субъекта исследования – представителей принимающего общества (большинства местного населения) как движущей силы интеграционных процессов в диаспорных и земляческих группах в регионах. Это будет способствовать выявлению и уточнению его оценки отношения к себе со стороны других этносов, уровня удовлетворенности русских этносоциальной ситуацией и своей защищенности на региональном и федеральном уровнях, динамикой межэтнических отношений и степени их остроты, отношения принимающего общества к мигрантам в регионах. Во-вторых, разработка методики и построение типового регионального *индекса интеграции диаспор и землячеств* (инокультурных этнических групп) в принимающее общество для учета объективных процессов межэтнических отношений в конкретных региональных сообществах и адекватного их регулирования на различных уровнях государственной власти.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДИАСПОР

Современные диаспоры и землячества в настоящее время являются не только этнокультурными анклавами, но и активными участниками внутри- и внешнеполитических отношений стран пребывания, что приводит к появлению новых социальных и политико-правовых аспектов деятельности этнических групп, которые выходят за рамки традиционного представления о национальных меньшинствах. К тому же существование диас-

пор и землячеств как этнокультурных общностей во многом зависит от готовности и желания их субъектов жить в соответствии с правовыми нормами, действующими в том или ином государстве, что обуславливает их изучение в нормативно-правовом дискурсе. Анализ нормативно-правовой базы федерального и регионального уровней власти в области управления межнациональными отношениями показал, что, с одной стороны, в РФ разработаны нормативно-правовые механизмы включения этнических групп в региональную социальную структуру, управления их взаимодействием с принимающим обществом и между собой. С другой стороны, до сих пор существует ряд нерешенных правовых вопросов, среди которых отсутствие четкого определения нормативно-правового статуса диаспор и землячеств, недостаток конкретных или неэффективность существующих механизмов реализации концептуальных и стратегических документов в области управления межнациональными отношениями.

Анализ статистической и вторичной социологической информации дал возможность опереться на данные различных социологических центров, статистические материалы. Использование такого рода данных нам было необходимо для осуществления комплексного, многоаспектного исследования, нацеленного на выявление и осмысление причинно-следственных связей, находящихся отражение в идентификационных стратегиях диаспорных и земляческих сообществ, понимании совокупности социально-экономических, политических, социокультурных, этнорелигиозных и прочих факторов, влияющих на позиции и статус этнических групп в региональной структуре общества.

На основании полученных материалов фокус-групп, проведенных в отдельных регионах, были установлены уровни идентификации, характерные для диаспор и землячеств. *Первый уровень* – семья (семейные связи играют большую роль для выходцев из Северного Кавказа, Средней Азии) и землячество, как сообщество земляков, родом из одного населенного пункта (региона), одного этнического происхождения (особенно если регион исхода моноэтничен). Самоидентификация с землячеством также характерна для выходцев из Северного Кавказа (дагестанцы, чеченцы) и Средней Азии (таджики, узбеки). *Второй*

уровень – идентификация с местным сообществом в регионе. Формирование ощущения принадлежности к местному сообществу в регионе («как дома»), зависит не только от желания собственно представителей этнической группы (диаспорной или земляческой), но и отношением к ним местного населения. *Третий уровень* – идентификация с исторической родиной исхода (для диаспор) или малой родиной в границах России (для землячеств). Наиболее значимо данный механизм (само-) идентификации проявился в обследуемых регионах у армян и чеченцев. *Четвертый уровень* – самоидентификация с большинством на основании российского гражданства.

Анализ взаимоотношений диаспорно-земляческих сообществ с мигрантами в отдельных регионах позволил уточнить два основных типа диаспор и землячеств: старожильческие (традиционные) и новые. Традиционные диаспоры (проживающие на данной территории с советского и до советского периодов) вносят заметный вклад в экономику, культуру. Они довольно устойчивы, хотя и подвержены некоторым изменениям, связанными с интеграцией с местным населением. Новые – это этнические общности, сформированные внешними и внутренними мигрантами, приехавшими в регионы за последние 10–20 лет. Они имеют проблемы, связанные не только с отношениями с местным социумом, но и со старожильческими традиционными диаспорами. Интегративные процессы здесь находятся на начальном уровне ввиду значительных языковых и ценностных культурных барьеров. Представители традиционных диаспор в большей степени ориентированы на интеграцию, нацелены на взаимодействие с принимающим обществом в рамках социальных институтов. Мигранты, относящиеся к новым диаспорам и землячествам, в большинстве своем классифицируются как «внешние и внутренние трудовые мигранты», их пребывание в исследуемом регионе в большей степени связывает с получением дохода, финансовой мотивацией. Свое пребывание в регионе они рассматривают как временное и в меньшей степени нацелены на интеграцию.

Примерно такая же ситуация складывается и в других странах. Так, Бондаренко Д.М. пишет, что отношения африкано-американцев и приезжающих африканцев напоминают одновре-

менно притяжение и отталкивание двух магнитов: и те и другие понимают, что среди всех этнорасовых общин США они наиболее близки друг другу, сознают наличие общих корней и отчасти тех же проблем в обществе, для которого расовое деление первостепенно, но множество культурных различий, мгновенно обнаруживающихся при попытке взаимного притяжения, вызывает их взаимное отталкивание [Бондаренко, 2016: 403].

В отношениях с региональными и муниципальными властями диаспоры и землячества ориентированы на сотрудничество и кооперацию, принимают участие в реализации региональных программ, принятых в рамках Стратегии национальной политики РФ. Власть в целях координации и контроля деятельности диаспор и землячеств как этнических групп ведет работу с лидерами этнических сообществ, включая их в структуру советов (межнациональных, этноконфессиональных, общественных и т.д.), сотрудничает с ними в рамках осуществления мониторинга этноконфессиональной напряженности, разрешения конфликтов и т.д.

На основании анализа данных фокус-групп и экспертных интервью в рамках исследования проблемы формирования и реализации идентификационных стратегий диаспорных и земляческих групп были определены сильные и слабые позиции диаспор и землячеств в отдельных регионах. Например, в Москве и регионе наиболее сильные социально-экономические и социокультурные позиции у татарского сообщества, украинской и армянской диаспор. Наиболее слабые соответствующие позиции у диаспор из Средней Азии (киргизской, таджикской, узбекской), но для них характерна тенденция компактного расселения, что порождает локальные (потенциальные или реальные) этнические напряженности. В Тюменском регионе наиболее сильные социально-экономические и социокультурные позиции у татарского сообщества. Наиболее слабые соответствующие позиции у диаспор из Средней Азии (киргизской, таджикской, узбекской). В Краснодарском крае наиболее сильные социально-экономические и социокультурные позиции у армянской диаспоры. Наиболее слабые соответствующие позиции у диаспор из Средней Азии (киргизской, таджикской, узбекской). В Нижегородской области наиболее сильные социально-

экономические и социокультурные позиции у татарского сообщества. Наиболее слабые соответствующие позиции у диаспор из Средней Азии (киргизской, таджикской, узбекской).

Проведенное комплексное исследование позволило установить, что наиболее значимые проблемы межнациональных отношений в обследуемых регионах – незнание и/или неуважение представителями диаспор и землячеств, норм культуры и традиций принимающего сообщества, то есть проблема в языке как средстве коммуникации и в качестве их социокультурной адаптации. Другие типичные проблемы – перенос бытовых конфликтов между местными жителями на уровень конфликтов, маркированных по национальному признаку, а также нарушение приезжими в регион мигрантами трудового и миграционного законодательства, теневые схемы трудоустройства, ведение криминального или полукриминального бизнеса.

Уточнены проблемы экономико-правовой и социокультурной политики взаимодействия местной и региональной власти с диаспорно-земляческими сообществами в обследуемых регионах. В качестве значимой экономико-правовой проблемы, в итоге ведущей к росту межнациональной напряженности, большинство экспертов выделяет коррупцию на уровне муниципальных органов власти, отделов полиции и иных правоохранительных органов. Результаты исследования показали, что в обследуемых регионах присутствуют различные вопросы экономико-правовой и социокультурной политики взаимодействия местной и региональной власти с представителями различных диаспор и землячеств, имеется их неоднозначный характер проявлений, однако возникающие социально-экономические, социокультурные, экономико-правовые, бытовые проблемы носят локальный и решаемый характер.

Результаты комплексного исследования функционирования диаспор и землячеств в нескольких регионах способствовали созданию структуры геоинформационных пространственных данных о составе таких этнических групп на трех уровнях: а) регион; б) город; в) район. Такой анализ представляет собой совокупность аналитических методов географического исследования, связанных с изучением распределенных в пространстве

структур: анализ размещения, анализ связей и отношений, анализ сетей пространственных объектов или процессов. Геоинформационные пространственные данные составляют основу географических информационных систем (ГИС – технологии), которые в настоящее время являются важным инструментом пространственного исследования с использованием информационно-вычислительной техники.

Социокарты разработаны и подготовлены по Ямало-Ненецкому и Ханты-Мансийскому автономным округам, Тюменской и Нижегородской областям, Краснодарскому краю и Республики Адыгея. Всего в рамках исследования разработано 43 тематических карты, отражающие пространственное распределение диаспорных и земляческих групп в регионах по пяти параметрам (социокарты национально-культурных автономий, социокарты некоммерческих общественных организаций, социокарты религиозных организаций, социокарты учебных заведений, социокарты этнического бизнеса).

На основании полученных социокарт было разработано несколько моделей социальных отношений в исследуемых регионах: а) модель на основе мнений региональных СМИ; б) модель на основе мнений представителей власти; в) модель на основе мнений представителей научного сообщества, описывающих ситуацию в области межэтнических взаимодействий по следующим параметрам: оценка состояния межэтнических отношений в регионе; ключевые проблемы, влияющие на степень межэтнического согласия; факторы, влияющие на изменение межэтнических отношений; модель трудовой миграции; ресурсы и факторы интеграции мигрантов; барьеры интеграции; влияние этнических групп на различные сферы жизнедеятельности региона (экономическую, политическую, культурную, религиозную информационную); идентификационные стратегии диаспорных и земляческих групп; «линии напряжения» и проблемные отношения диаспорно-земляческих групп; характер этнического бизнеса в обследуемых регионах. Были созданы пространственно-статистические модели обследуемых регионов, которые отобразили распределение диаспорных и земляческих групп (с характеристикой инфраструктуры, присущей данным сообще-

ствам, идентификационных стратегий, определением их сильных позиций в региональной структуре) по территории конкретного региона. Социокарты показали пространственную сеть социальных связей этнических групп в регионе, выявленных по экспертным интервью; позволили сделать оценку распределения национальных общественных организаций в муниципальных образованиях, а также количественное и территориальное распределение религиозных организаций в регионах.

Картографические материалы позволяют использовать полученные результаты для разработки социально корректирующих инструментов, адаптированных для конкретного региона и муниципального образования. Увеличение избирательности корректирующих социально-управленческих воздействий способствует повышению эффективности проведения региональных моделей государственной национальной и социальной политики.

На процессы миграции, адаптации и интеграции в новую среду оказывает влияние принимающее общество, по крайней мере в большинстве случаев. Так, стабильно положительное воздействие наблюдается в среде азербайджанцев, армян, дагестанцев, казахов и курдов. Отрицательное влияние принимающего общества выявлено в таджикской диаспоре. Взаимопомощь и взаимовыручка в таджикской диаспоре недостаточно развита и не выступает успешным средством адаптации и интеграции. Существующие проблемы этнических групп на общем фоне выражены умеренным влиянием, что означает наличие в кругу каждого этноса своих определенных трудностей, с которыми приходится сталкиваться. Направленность таких сложностей имеет схожий тренд и подобные проявления. Наибольшую тревожность вызывают финансовые трудности и трудности в оформлении необходимых документов для миграционных служб, сохранение культуры и языка, недостаточно проработанная государственная национальная политика, барьеры при трудоустройстве, которые выражаются неравенством разных этносов к тем или иным благам и возможностям.

В ходе реализации исследования установлено, что отрицательное влияние межэтнических отношений, выраженное перидическим возникновением конфликтных ситуаций у разных

этнических групп, свойственно следующим субъектам РФ (порядок по степени интенсивности проявлений): Краснодарский край, Тюменская область, Нижний Новгород, Ханты-Мансийский автономный округ и Ямало-Ненецкий автономный округ, в котором наблюдается наиболее благоприятная обстановка на фоне остальных перечисленных регионов. В целом такой результат согласуется с рейтингом конфликтности в регионах РФ на 2014/2015 гг.

На основе разработанной авторами аналитической модели этнические сообщества можно дифференцировать по трем группам: группы с потенциалом успешной интеграции (азербайджанцы, армяне, казахи, татары, греки); группы с потенциалом промежуточной («догоняющей») интеграции (дагестанцы, украинцы, чеченцы, адыгейцы, курды, грузины, чувашаи); группы с потенциалом затрудненной интеграции (таджики, киргизы, узбеки). Такое условное деление не просто абстрагированная реальность, а укореняющаяся практика, которая чувствуется в среде самих мигрантов. Данный факт не может не иметь социокультурных последствий. Неравное положение одних этнических групп по сравнению с другими способно порождать недовольства и дестабилизировать обстановку в регионах страны.

На основе научных критериев выделения этномоделей (форма, цели взаимодействия, идентификационные стратегии) разработаны и апробированы основы оригинальных этноэкономических моделей взаимодействия диаспор и землячеств с местным населением в обследуемых регионах: модель «рыночных отношений и поведения» («рыночная модель»), «девиантных отношений и поведения» («клановая модель»), «солидарных отношений и поведения» («солидарная модель»). Выделены критерии, структура, акторы этих моделей. Проведенное исследование показало, что эти модели, соответственно, коррелируются с подходами: инструментальным, примордиалистским, конструктивистским. Установлены региональные диаспоры и землячества, которые в своем взаимодействии с местным населением выражают эти этноэкономические модели и этнокультурные подходы. Заслуживает внимания тот факт, что в обследуемых регионах проявляются как инструментальный, так и

примордиалистский этнокультурные подходы, но местное старожильческое сообщество тяготеет к конструктивистскому этнокультурному подходу. При этом потенциал конфликтогенности при взаимодействии новых диаспорных и земляческих групп с местным населением формируется представителями этнических групп, апробирующих «рыночную» и «клановую» этноэкономические модели на основе инструментального и примордиалистского этнокультурных подходов. Это объясняется объективными и субъективными факторами. Во-первых, сжатием индустриального сектора экономики за счет расширения сферы торговли и традиционных услуг, которые выталкивают квалифицированные кадры (представленные, в основном, славянскими этносами и комплиментарных к ним этносами) и ведут к замещению их кадрами средней и низкой квалификации, представленных этносами из Средней Азии, Закавказья, Северного Кавказа. Во-вторых, производственно-государственный тип этнохозяйственной деятельности русского народа (приоритет общего дела над частным, коллективистские механизмы хозяйствования, обеспечение безопасности государства) не получает должной востребованности в современных условиях. Это ведет к тому, что региональные этноэлиты свою власть и привилегии реализуют, в основном, в сфере перераспределительных ресурсов, а не в сфере производственных.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Нами сделан вывод о том, что идентификационные стратегии зависят как от интенсивности связей мигрантов с принимающим обществом, так и от равенства возможностей (экономических, политических), доступных тому или иному этносу. Неустойчивое социально-экономическое положение некоторых этнических групп выступает детерминантой, разобщающей те или иные диаспоры, землячества. Сложившаяся ситуация в современной России свидетельствует об аномии, при которой процессы солидарности не работают в полной мере. Пускать процесс на самотек в данном случае недопустимо и требуется реализация государствен-

ных программ адаптации и интеграции иноэтнических групп в местное общество, которые призваны успешному включению мигрантов в принимающую среду, а значит, появлению условий для устойчивого развития полиэтнических регионов России.

Комплексный анализ социально-экономических, социокультурных, нормативно-правовых и управленческих аспектов межэтнических отношений в обследуемых регионах на примере старожильческих и новых диаспорных и земляческих групп, позволил сформулировать оценки, выводы и рекомендации социально-диагностического характера относительно объекта исследования: региональных диаспор и землячеств. При этом можно выделить четыре сценария на среднесрочный период (до 2025 гг.) взаимоотношений новых диаспорных и земляческих групп с местным населением в обследуемых регионах: позитивный, умеренно-позитивный, умеренно-негативный, негативный. Ныне преобладает умеренно-позитивный, но имеющий латентную тенденцию перехода либо к умеренно-негативному, либо позитивному сценарию. Здесь многое зависит и от объективных процессов и от выверенной политики региональных и федеральных властей.

Список литературы

- Авксентьев В.А.* Идентификация этнического конфликта как проблема этноконсалтинга и этноконфликтологической экспертизы // Вестник российской нации. 2013. № 5 (31) С. 88–103.
- Бондаренко Д.М.* Черные американцы и современные мигранты из Африки в США: некоторые итоги полевого исследования взаимоотношений. В кн.: Труды отделения историко-филологических наук РАН. М.: Наука, 2016. С. 381–406.
- Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М.: Наука. 1983.
- Воронов В.В., Дмитриев А.В.* Региональные проблемы диаспорно-земляческих сообществ: экспертное измерение. М.: Новый Хронограф. 2016.
- Дмитриев А.В., Воронов В.В.* Адаптация и интеграция полиэтнического пространства регионов России: проблемы, рекомендации. М.: Новый Хронограф, 2017.

- Дмитриев А.В., Жуков В.И., Пядухов Г.А.* Миграция: конфликт, безопасность, сотрудничество. М.: Изд-во РГСУ, 2009.
- Дмитриев А.В., Кузнецов И.М., Леденева В.Ю., Назарова Е.А.* Мигранты в Москве: проблемы адаптации. М.: Альфа-М, 2014.
- Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / под ред. В.С. Магуна, Л.М. Дробижевой, И.М. Кузнецова.* М.: Ин-т социологии РАН, 2006.
- Кузнецов И.М.* Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 5880.
- Кузнецов И.М., Мукомель В.И.* Формирование этнических ниш в российской экономике: история вопроса. // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2007. № 1. С. 175–184.
- Левин З. И.* Менталитет диаспоры. М.: Институт востоковедения РАН: Изд. «Крафт+», 2001.
- Попков В.Д.* «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. 2002. № 1. С. 6–22.
- Пешкова В.М.* Дискурсы о «диаспорах» в современной российской федеральной прессе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 61–79.
- Попков Ю.В.* Государственная национальная политика как фактор межэтнической интеграции российского общества. // Siberian Socium. 2017. Том 1. № 1. С. 114–131.
- Российская диаспора как фактор укрепления национальных интересов России на постсоветском пространстве. М.: Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ), 2011. 148 с.
- Тишков В.А.* Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 4663.
- Тишков В.А.* Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе. Вопросы философии. 1990. № 12. С. 3–15.
- Тоценко Ж.Т., Чаптыкова Т.И.* Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 33–42.
- Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АКТ МОСКВА, 2008. 635 с.
- Шнирельман В.* Мифы диаспоры // Диаспоры. 1999. № 2–3. С. 6–34.
- Янг К.* Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность / Этничность и власть в полиэтничных государствах: сб. статей. М.: Наука. 1994. С. 86–116.

МИГРАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В.И. Мукомель

Миграционные и этнические исследования тесно связаны, т.к. мигранты, являющиеся представителями «видимых меньшинств», не традиционных для данной местности меньшинств, воспринимаются многими местными жителями как «иные» (а зачастую «чужие»). Ксенофобии направлены в основном на представителей мигрантских меньшинств. Однако как миграционные исследования, так и этнические исследования – предметная область многих наук.

В чем специфика социологического подхода и специфически социологических методик по сравнению с теми, которые характерны для других наук? Ключевой вопрос настоящей статьи – почему социология играет важную роль в исследовании миграционных и этнических процессов?

ВСПЛЕСК МИГРАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО НАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН

Миграционные процессы все более привлекают внимание исследователей, причем особенно – в контексте проходящих этнических процессов. Ежегодно печатается сотни научных статей: только в 2016 году, согласно РИНЦ, было опубликовано свыше 4 тысяч научных статей и книг. Особый интерес представляет анализ защит на соискание ученой степени доктора или кандидата наук, в которых миграции были основной, или важной те-

мой диссертационного исследования и всплеск которых пришелся на 2000-е гг. Если в период с 1993 по 2000 г. в среднем защищалось 6–7 кандидатских работ ежегодно, то с 2001 по 2010 г. – 26–27 кандидатских работ, защиты докторских работ также возросли, многократно, с 8 до более 40. При том, что большинство диссертаций по-прежнему в 1990-х и 2000-х защищались по экономическим наукам (140), резко увеличилось количество диссертаций по социологическим наукам (123), политическим наукам – 99 [Савоскул, 2014: 331] (см. рис. 1).

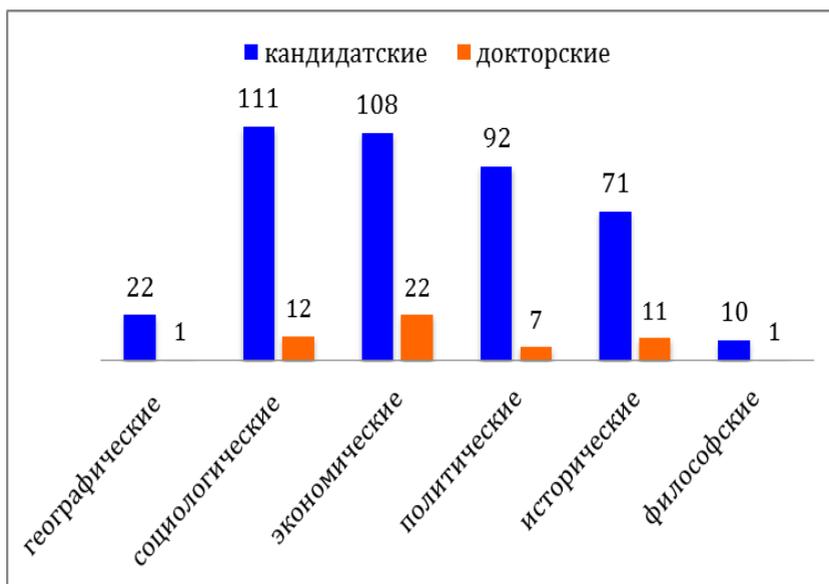

Рисунок 1. Защиты кандидатских и докторских работ по миграционной тематике по наукам, 1993–2013 гг.

Преобладание экономических работ объяснимо: экономисты имеют большие традиции изучения миграций. Исторически доминировали исследования миграции на макроуровне – анализ

1 Здесь и далее в таблицах 1, 2 приводятся результаты данного исследования.

объемов, интенсивности, направлений миграционных потоков, их результативности. И первыми заинтересовались проблемами миграций экономисты – начиная с меркантилистов (Т. Манн, Ж.-Б. Кольбер) и представителей классической школы (А. Смита, Д. Рикардо), а также демографы (Т. Мальтус), для которых определяющей являлась роль миграции в изменении численности населения и рабочей силы. Не могли пройти мимо проблем миграции и столпы социологии К. Маркс и М. Вебер.

Углубленные научные исследования в области миграции ведут отсчет со второй половины XIX в., когда выходят первые работы, специально посвященные вопросам миграции. Е. Равенштейн одним из первых попытался сформулировать закономерности миграции, которые он назвал «законами миграции» [Ravenstein, 1885: 167–227; Ravenstein, 1889: 214–301]. Работы Е. Равенштейна были обобщены Э. Ли в 1960-х гг., предложившим общую схему анализа потоков и характеристик мигрантов (pull-push) [Lee, 1966: p. 47–57].

В XX в. к вопросам миграции обращаются представители *неоклассической школы* (Дж. Харрис, М. Тодоро, О. Старк), географы и экономисты, исследовавшие пространственные закономерности переселений, разрабатывавшие *гравитационные модели* миграционных потоков (К. Кэри, У. Изард). Закономерности интенсивности миграций от социально-демографических характеристик рассматривались с помощью *моделей миграционной структуры* (А. Роджерс, Л. Кастро, А. Плейн и др.); миграционные процессы, традиционно являющиеся предметом интереса демографов, анализируются последними в рамках *теории демографического перехода* (А. Ландри, Ф. Ноутстайн, Н. Кейфиц). В последние десятилетия выделились два направления моделирования миграций на микроуровне. В основе первого направления – *теория человеческого капитала*, базирующаяся на неоклассическом подходе, значительный вклад в разработку этой теории внесли представители чикагской школы (Г. Беккер, Т. Шульц, А. Хансен). Другим направлением микроуровневого анализа является *теория пространственной диффузии новаций*, разработанная Т. Хегерстрандом.

В связи с ограниченной объяснительной возможностью классических моделей применительно к развивающимся странам, широкое распространение получили исследования в рамках теории *новой экономики миграции* (О. Старк, Д. Левари, Г. Хьюго и др.). В конце 20-го века получили распространение исследования в рамках концепции *«глобального города»*. Если оценивать различные теоретические конструкции на предмет их адекватности развитию миграционных процессов на постсоветском пространстве, представляется, что большего внимания заслуживает *теория сегментированного рынка труда* (М. Пиор, Э. Тейлор, О. Старк).

Начиная с 1920-х, с работ У. Томаса и Ф. Знанецкого, социологи признали важность мигрантских сетей. *Теория социального капитала* исходит из предположения, что социальные связи «мигрантского сообщества» играют большую роль и значимы, как в процессе переезда, так и в адаптации мигрантов к принимающему обществу.

Несмотря на попытки разработки всеобъемлющей концепции миграции (концепции *«мобильного перехода»* («миграционного перехода») В.Зелинского [Zelinsky, 1971: 219–49], попытки разработки *синтетической теории* международной миграции (Д. Массей) [Massey, 1990: 3–26; Массей, 2002: 161–167], в настоящее время нет общепринятой теории, объясняющей возникновение и эволюцию миграции. Есть лишь разрозненный набор теорий, разработанных, по большей части, изолированно друг от друга. Специалисты насчитывают свыше шести десятков научных направлений, теорий и концепций миграции, среди которых с большим отрывом преобладают экономические подходы [Ионцев, 2013: 63–83].

Классические подходы в период глобализации вступили в противоречие с новыми детерминантами перемещений, специалисты стали подвергать сомнению парадигму экономического детерминизма миграций, которая являлась исходной точкой большинства теорий миграции. Потребовались новые теоретические подходы, способные объяснить причины и факторы миграций в мире, в котором особое значение приобрели изменения направлений миграции и состава мигрантов. Резко возрос интерес к миграциям социологов, культурологов, антропологов, психологов.

К исследованиям подключаются известные экономисты и политологи, рассматривающие проблемы иммиграционной политики в контексте долгосрочных целей развития государства и/или цивилизационного развития – Зб. Бжезинский, Г. Беккер, С. Хантингтон. (Проблемы миграции всегда были в зоне пристального внимания политиков и общественных деятелей. В дореволюционной России миграция привлекает внимание таких авторитетных в российском обществе фигур, как С.Н. Булгаков, А.И. Воейков, В.И. Ленин, В.П. Семенов (Тян-Шанский), М.И. Туган-Барановский. Большинство исследований проводилось в рамках парадигмы доминирующей роли экономических факторов, а значительная их часть находилась под явным влиянием марксизма или народничества).

Традиции той или иной науки играют роль. Миграциями всегда интересовались историки, для которых важнейшими вопросами являлись: когда, где, кто? Всерьез изучением миграций в новейшем времени занялись экономисты и географы, даже, скорее, эконом-географы. Если экономистов больше интересовал вопрос: почему?, то географов – куда, кто? И, разумеется, – почему? («Законы миграции» были сформулированы Равенштейном полтора века назад, и хотя контекст миграций трансформировался кардинально, их роль и значение и сегодня трудно переоценить). Этнологов, антропологов больше интересуют вопросы: как, кто? Социальных психологов – кто? Для социологов же на первый план выходят вопросы: кто, почему, как?

Разумеется, это весьма грубая схема, однако она позволяет однозначно судить: исследовательские вопросы, занимающие специалистов тех или иных научных дисциплин пересекаются.

КОНВЕРГЕНЦИЯ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Социологи широко используют в миграционных и этнических исследованиях статистику, математические методы, нарративы, одновременно ранее специфически социологические опросы успешно проникли в другие науки (например, их успешно используют в исследованиях миграции географы, экономисты). Столь же

привлекательны для специалистов иных наук оказались и качественные исследования (например, фокус-группы, контент-анализ, используемые историками, политологами, этнологами).

По большому счету, сегодня сложно однозначно сказать о происхождении, привязке тех или иных методов исследования к конкретным научным дисциплинам. (Кто помнит, что факторный анализ возник в недрах психологии?). Оставим деликатный вопрос происхождения методов историкам науки.

Методологические рамки, накладываемые той или иной дисциплиной, сохраняются при изучении миграционных процессов, о чем можно судить по диссертациям, защищенным в 1993–2013 гг. в России. (К сожалению, автор исследования, М. Савоскул, не выделяла диссертационные работы психологов, этнологов и представителей некоторых других наук, помимо перечисленных ниже – см. табл. 1).

Таблица 1. Методы, использованные в кандидатских и докторских диссертациях, посвященных миграциям населения в 1993–2013 гг.

<i>Науки</i>	<i>Методы сбора и анализа данных, используемые в работе (порядок перечисления соответствует частоте упоминаний в авторефератах)</i>
географические науки	районирование, типология регионов, картографический, статистический, сравнительно-географический, массовый опрос населения, метод «ключей», личное наблюдение
социологические науки	статистический, структурно-функциональный, контент-анализ, массовый опрос, опрос экспертов, глубинные интервью, фокус-группы, нарративные интервью, анализ случая, биографические интервью, наблюдение, анализ социальных сетей мигрантов, этнографический метод, метод интерпретирующего понимания
экономические науки	математическое моделирование, факторный анализ, статистический метод, вторичный анализ массовых опросов, сравнительный метод, картографический метод, анализ документов, экспертные оценки
политические науки	историко-описательный, сравнительно-исторический, статистический (корреляционный и факторный анализ), политологический анализ, массовые опросы, опросы экспертов, контент-анализ, структурно-функциональный анализ, проведение фокус-групп, анализ случая, наблюдение

<i>Науки</i>	<i>Методы сбора и анализа данных, используемые в работе (порядок перечисления соответствует частоте упоминаний в авторефератах)</i>
исторические науки	источниковедческий, сравнительно-исторический, историко-типологический, историко-генетический, статистический, массового опроса, метод экспертных оценок, метод наблюдения, контент-анализ, глубинные интервью

Происхождение методов не имеет значения, значение приобретает лишь их приемлемость для анализа конкретных проблем – внятность интерпретации их сочетаний, непротиворечивость, дополняемость и т.д.

ДИФфуЗИЯ ПРЕДМЕТА И ОБЪЕКТОВ ИССЛЕДОВАНИЙ

Методология исследования вытекает из предмета и объекта исследований и достаточно сложно сказать о принадлежности конкретной научной проблемы той или иной научной дисциплине. При этом, однако, грани, пусть даже условные, сохраняются: представители разных дисциплин наведываются на «чужую» территорию, но очень осторожно, с оглядкой: конвергенция объектов исследования идет, но не столь интенсивно, как методологическая конвергенция (см. табл. 2).

Таблица 2. Объект и предмет в миграционных исследованиях в кандидатских и докторских диссертациях, защищенных в 1993–2013 гг. (в скобках указано количество формулировок в авторефератах)

<i>Науки</i>	<i>Объект</i>	<i>Предмет</i>
Географические	миграция или миграционные процессы в конкретном регионе (9), регион (5)	географические и региональные особенности миграционных процессов (4), миграционные процессы (4)
Социологические	миграция как социальный процесс (46), мигранты и группы населения (28), социальная адаптация и социальная мобильность мигрантов	интеграционные и адаптационные стратегии мигрантов в принимающем обществе, социальный статус мигрантов, социокультурные практики мигрантов, восприятие мигрантами принимающего общества (41+7), характеристика миграционного про-

<i>Науки</i>	<i>Объект</i>	<i>Предмет</i>
	(10+4), регулирование и управление миграционными процессами, миграционная политика (4+6)	цесса (18), управление и регулирование процессов миграции, миграционная политика (18), социально-экономические последствия миграции (8), теоретические вопросы изучения миграции (4)
Экономические	миграции как социальный и экономические процесс (48), население регионов и миграционные потоки, социальные группы, участвующие в миграции (33), рынок труда (10), миграционная политика (3), регионы (2)	миграция как комплексный и сложный социально-экономический процесс (32), влияние миграций на рынок труда и социально-экономические отношения (29), управление и регулирование миграционными потоками, миграционная политика (27), миграционное поведение население и социальные отношения в принимающем обществе (5), методы анализа миграций (2)
Политические	миграционные процессы, как часть политического процесса, миграции (35), миграционная политика, управление и регулирование миграции (19+9), группы мигрантов, миграционные потоки (7+4)	различные аспекты регулирования и управления миграционным процессом, миграционная политика стран и регионов (58), влияние миграционных процессов на политические процессы, миграционный процесс (17)
Исторические	население, группы мигрантов (24), миграционные процессы, переселенческие движения (13+4), миграционная политика (4), регион (1)	миграционные процессы, их влияние на социальные, экономические и политические процессы (15), адаптация мигрантов и социальные отношения и социальная мобильность мигрантов (12), миграционная политика, регулирование миграции в различные исторические периоды (11)
Философские	миграционный процесс (5), мигранты (4), социальные сети мигрантов (1)	межкультурные взаимодействия и общественные отношения в ходе процесса миграции, в том числе в условиях глобализации (7), общественное развитие, способы существования общества (5)

Условность границ между научными дисциплинами заметна: миграционной политикой всерьез интересуются и социоло-

ги, и политологи, и историки; адаптацией и интеграцией мигрантов – не только социологи, но и историки и т.д.

РОЛЬ СОЦИОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ МИГРАЦИИ И ЭТНИЧНОСТИ

Исторически обоснованное доминирование экономических исследований – результат не только того огромного пласта предшествующих наработок, но и того, что экономисты особо активны в теоретических подходах к изучению миграции. Но чем объяснить всплеск исследований социологов и политологов в 2000-х гг. в России?

Во-первых, – и это специфически российская черта – скудость отечественной эмпирики. Миграционные исследования на разных уровнях могут базироваться на статистике, с которой у нас огромные проблемы. Худо-бедно, с большой долей условности можно говорить о статистике иммиграции, покрывающей не более 5–10% необходимой исследователям информации, которая, впрочем, не всегда достоверна и все менее доступна. (Разумеется, речь идет об информации, не сводящейся к численности прибывших, выбывших и сальдо миграции). Что касается эмиграции или внутренней миграции, то такая информация практически отсутствует. Российские исследователи могут только мечтать о доступе к базам данных, подобно используемым на Западе.

Социологические опросы и качественные методы становятся чуть ли не единственным источником информации о миграционных процессах в России. (Справедливости ради отметим, что и в странах с прекрасной статистикой социологические методы широко используются как дополнение традиционной статистики. Обследования рабочей силы, обследования домохозяйств являются основным источником статистических сведений о поведении и повседневных практиках мигрантов).

Во-вторых, и это существенно важнее: миграция, являющаяся составной глобализации, меняет поведение людей, повседневные практики взаимодействий, способствует трансформации институтов. Миграция меняет общества – как посылающее,

так и принимающее. Еще более значимы изменения, продуцируемые миграцией на локальном уровне, в локальных сообществах. На первый план выходящие вызовы взаимодействия мигрантов и принимающих сообществ, проблемы миграционной политики, закономерно интенсифицируют исследования социологов и политологов.

В-третьих, – и это становится долгосрочным трендом, – новые вызовы предъявляют новые требования к методам, языку описания, предмету исследования. Учитывая, что вызовы носят преимущественно социальный характер, социологический подход становится важнейшим. Ключевыми вопросами для российских исследователей становятся: как идет адаптация и интеграция мигрантов, какими изменениями в принимающем обществе они сопровождаются, как влияют на наши повседневности?² Нужно пристально смотреть, как меняются доверие, структуры идентичностей, ценности мигрантов и принимающего населения. Без таких знаний, опирающихся на исследования, нельзя уповать на повышение эффективности миграционной политики, способной обеспечить социальную стабильность и межнациональный мир. И роль социологии в расширении этих знаний неоспорима.

Список литературы

- Ионцев. В.* Классификация основных теоретических подходов в изучении миграции населения // Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия в 3 томах. Т. 1, ч. 1, НП РСМД; под общ. ред. И.С. Иванова. Отв. ред. Ж.А. Зайончковская. М.: Спецкнига. 2013. С. 63–83.
- Массей Дуглас.* Синтетическая теория международной миграции // Мир в зеркале международной миграции / Гл. ред. В.А. Ионцев - М.: МАКС Пресс. 2002. С. 161–167.

---

² Интеграционные и адаптационные стратегии мигрантов в принимающем обществе, социальный статус мигрантов, социокультурные практики мигрантов, восприятие мигрантами принимающего общества формулируются как предмет 48 диссертаций, защищенных в 1993-2013 гг., социальная адаптация мигрантов – как объект 10 диссертаций [*Савоскул*, 2014: 35].

- Савоскул М.Е.* Становление и развитие миграциологии в России: опыт междисциплинарного исследования // Региональные исследования, № 4 (46). Смоленск. 2014. С. 33.
- Lee Everett S.* A Theory of Migration // *Demography*. 1966. vol. 3, N 1. p. 47–57.
- Massey Douglas S.* Social Structure, Household Strategies, and Cumulative Causation of Migration // *Population Index*. 1990. N 56. pp. 3–26.
- Ravenstein E.G.* The Laws of Migration // *Journal of the Royal Statistical Society*. 1885. vol. 48. part 2. pp. 167–227.
- Ravenstein E.G.* The Laws of Migration // *Journal of the Royal Statistical Society*. 1889. vol. 52. pp. 214–30.
- Zelinsky, Wilbur.* The hypothesis of the mobility transition // *Geographical Review*. 1971. N 61. pp. 219–49.

ЭТНОФЕДЕРАЛИЗМ В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

М. Х. Фарукишин

Работы российских авторов по вопросам этнофедерализма отличаются от зарубежных исследований данной проблемы двумя особенностями: во-первых, в количественном отношении специальных работ по этой теме не так много и представлены они, как правило, статьями; во-вторых, заявленное в них отношение к этнофедерализму в основном отрицательное. В трудах зарубежных авторов оно является дифференцированным, хотя негативная позиция тоже отражается достаточно часто.

Начать с того, что встречаются случаи полного отрицания самого понятия «этнофедерализм». Сравнительно недавно редакция журнала «Социологические исследования» при весьма благосклонном отношении предложила автору данного материала исключить термин «этнофедерализм» из названия статьи, заменив его на «полиэтнические федерации». Однако такая позиция не является типичной.

В целом использование данного понятия не вызывает отторжения и вошло в обиход в российской научной литературе. Некоторыми авторами этнофедерализм отрицается в принципе [Филиппов, 2003]. Большинство же отечественных ученых не приемлет не столько этнофедерализм, как таковой, сколько влияние этнического фактора на государственное устройство России. Для них этнический федерализм – это наследие идеологии «социалистического федерализма» [Губогло, Дробижева, 1998: 19] или советского «интернационального государства» [Ковалев, 2011: 63], с чем, очевидно, следует покончить.

В качестве одного из способов устранения этнофедерализма предлагается заменить его «плоской федерацией», под которой понимается организация субъектов федерации на сугубо территориальной основе без учета этнического фактора. Например, утверждается, что "значительные перспективы с точки зрения будущего развития российского федерализма имеет создание так называемой плоской федерации, то есть федерации, включающей в себя однопорядковые и равноправные субъекты, не обладающие государственным статусом. Не важно, как они будут называться – губерниями, землями или как-либо иначе, главное – они будут субъектами Российской Федерации и не будут государствами» [Добрынин, 2004: 108]. Другой автор полагает, что «с целью нейтрализации угрозы сецессии и повторения судьбы СССР, Россия должна отказаться от этнофедерализма и перейти к федерализму территориальному, но сделать это нужно поэтапно» [Иванов, 2004: 14–15]. Понятна направленность таких высказываний: ликвидировать политическую автономию или национальную государственность этнических меньшинств.

Обычными стали ссылки на то, что этническая федерация, т.е. федерации, два или несколько субъектов которых организованы на основе национально-территориального принципа, представляет угрозу для целостности российского государства, поскольку порождает асимметрию и неравноправие субъектов федерации, сопряжена с этническими конфликтами, поощряет сепаратизм. И это только часть приписываемых этнофедерализму грехов.

Существует и другой взгляд, согласно которому утвердившаяся в России федеративная система «выступает чуть ли не единственно возможным механизмом сохранения существующего этнического разнообразия в рамках целостного государства» [Ильченко, 2011: 181]. Хотя число активных сторонников этнофедерализма в российской литературе невелико.

Определенный интерес представляет анализ аргументации, направленной против учета этнического фактора в государственном устройстве России. Достаточно подробно российскими исследователями обсуждается проблема асимметрии в российском федерализме, которая ведет, на их взгляд, к неравно-

правию регионов, предоставляя субъектам федерации, сформированным на основе национально-территориального принципа, какие-то привилегии.

В чем выражается эта асимметрия? Как считает Л. Смирнягин, «судя по литературе, есть три признака асимметрии, которые усматривают в российском федерализме его исследователи» [Смирнягин, 2010: 46]. Прежде всего обращено внимание на то, что в Федеративном договоре, а затем и в Конституции 1993 г. «различные субъекты федерации поименованы по-разному». Вряд ли это можно считать асимметрией, поскольку, как справедливо напоминает Л. Смирнягин, «стоит всмотреться в конституционные формулировки, связанные с разным наименованием субъектов федерации, и становится ясным, что дальше этих различий в наименовании Конституция не пошла... Факт остается фактом: разным наименованиям не были приданы разные полномочия».

Более серьезным представляется другой аргумент: показателем асимметрии в российском федерализме явилось заключение договоров между центром и субъектами федерации о разграничении предметов ведения и полномочий. Такая практика существовала в 1990-е годы, и она действительно породила асимметрию, нарушавшую принцип равноправия российских регионов. Поэтому трудно согласиться с мнением, что «двусторонние договоры даже во времена своего действия не были, строго говоря, признаком асимметрии российского федерализма, так как носили временный характер и не проходили ратификацию законодательными органами Центра и субъектов» [Смирнягин, 2010: 48]. Конечно, нет ничего вечного под Луной, но в период своего действия договоры отражали асимметрию федерализма.

Достаточно вспомнить первый такой договор, заключенный между Российской Федерацией и Республикой Татарстан от 15 февраля 1994 г. Не рассматривая здесь конкретно-исторических условий, в которых он был заключен, следует признать, что этот Договор вместе с 12 соглашениями, касавшимися разных сфер жизни, предоставляли Татарстану существенные преимущества, которых не было у многих других субъектов феде-

рации. Так, в названных документах признавалось право Республики, в частности, на собственность на землю, природные ресурсы, введение своего гражданства, создание Национального банка, право устанавливать отношения с иностранными государствами и самостоятельно осуществлять внешнеэкономические связи. В соглашении в военной области предусматривалось участие Татарстана в выработке военной доктрины Российской Федерации, а согласно соглашения в области бюджетных взаимоотношений в бюджете РТ оставались акцизы на спирт, водку и ликероводочные изделия, акцизы на нефть и газ, плата за землю и др. В ст. 9 Соглашения о взаимном делегировании предметов ведения и полномочий в оборонных отраслях промышленности предусматривалось, что Республика Татарстан осуществляет экспорт вооружения и военной техники, выпускаемых предприятиями, расположенными на территории РТ. За республикой были закреплены также иные довольно широкие полномочия в разных областях. Соглашения были заключены на 5 лет и быстро потеряли силу. «Бессрочный» Договор был упразднен в 2007 г. и заменен по существу бессодержательным, имевшим больше имиджевый характер Договором, срок действия которого закончился в 2017 г. Все заключенные в свое время с субъектами федерации 46 договоров упразднены. Вместе с ними исчезла и связанная с договорной практикой асимметрия. Поэтому ссылаться на события 1990-х годов в качестве доказательства асимметричности российского федерализма не стоит.

Иногда асимметрия в условиях федерализма усматривается в дифференцированной финансовой политике федерального центра по отношению к субъектам федерации. Но она и не может не быть такой. Центр обязан оказывать разновеликую финансовую поддержку субъектам федерации, например, с целью повышения бюджетной обеспеченности экономически недостаточно развитых регионов. Иначе говоря, в данном случае асимметрия в федеративной системе играет позитивную роль. С другой стороны, асимметрия в межбюджетных отношениях может усугублять неравноправие субъектов федерации и на этой основе создавать конфликтные ситуации. Однако в данном случае

граница между положительной и отрицательной асимметрией очень тонка. Нужны экспертный анализ и оценка каждого случая отдельно. Как свидетельствует, например, практика России, распределение и перераспределение материальных и финансовых благ осуществляется не по этническому признаку и нет оснований видеть причину фискальной асимметрии именно в этнофедерализме. Источником асимметрии в виде несправедливого перераспределения финансовых ресурсов среди субъектов федерации является политика центра, но не институты этнофедерализма.

Вообще-то в российской литературе, как, впрочем, и в зарубежной, неоднократно отмечалось, что полностью симметричных федераций не бывает. Так, А. Салмин полагал, что «принцип унификации статусов и установления симметричных отношений между властями государства и его регионов, даже если они провозглашаются в качестве желательных и более того – неизбежных, редко осуществляются на практике в чистом виде» [Салмин, 2002: 29]. Примерно на той же позиции стоит В.Е. Чиркин, который отмечает, что «симметричная федерация – в известной мере идеал. Однако жесткое конкретно-практическое проведение этой идеи в жизнь способно привести к игнорированию интересов тех или иных этнических общностей и территориальных коллективов, которые сильно разнятся по своей численности, уровню развития и другим характеристикам. Симметрия не может учесть экономических, исторических и иных особенностей регионов» [Чиркин, 1997: 26].

Для понимания данной проблемы следует разграничить симметрию/асимметрию *de facto* и *de jure*. Фактическое неравенство субъектов федерации по какому бы принципу они ни были образованы – объективное и по сути неустранимое явление, поскольку эти субъекты не равны (по площади территории, количеству населения, экономическому потенциалу, уровню жизни граждан и т.д.). Попытки устранить эти различия, по меткому замечанию М.М. Губогло, «столь же реальны, как попытки изобрести вечный двигатель» [Губогло, 2000: 191]. Симметрия же или асимметрия в политико-правовой сфере являются ре-

зультатом творчества политических элит, который и закрепляется в законодательстве.

С названных позиций Российской Федерацию следует рассматривать одновременно как асимметричную, так и симметричную систему. В силу огромных региональных социально-экономических и природно-климатических различий Россия является асимметричной федерацией. В то же время она является федерацией симметричной, поскольку в политико-правовой сфере обеспечивается конституционное равноправие ее субъектов.

Для объективной оценки этнофедерализма важно также различать в нем институциональные и не институциональные элементы. Каковы основные институты этнических федераций: политическая автономия этнорегионов, в том числе в виде национальной государственности этнических групп; исключительные предметы ведения и полномочия, в пределах которых автономное образование осуществляет всю полноту государственной власти; представительство этнической группы в органах власти своего региона и на федеральном уровне; самостоятельное формирование в соответствии с общими конституционными принципами федеративного государства системы региональных органов власти и определение их структуры и названий; свое законодательство, учитывающее национально-региональные особенности и встроенное в общегосударственную правовую систему; признание языка титульной нации государственным языком автономного образования; наличие государственных символов – гимна, флага, герба, обозначения автономного образования по названию титульной нации. Объективный наблюдатель вынужден будет признать, что ни один из перечисленных институтов или все они в совокупности нельзя рассматривать как детерминирующий фактор асимметрии. Никто еще не доказал, что между институциональными основами этнических федераций и асимметрий существует прямая причинная связь.

Отсутствие этой связи вызывает необходимость отделения институтов от их использования. Понятно, что институциональный дизайн нельзя рассматривать в отрыве от субъективного

фактора: соотношения политических сил, выступающих “за” или “против” сохранения федерации, настроенности политической воли правящей элиты, состояния массового политического сознания и т.п. Элементы асимметрии возникают вследствие не институциональных основ этнофедерализма, а политики правящих групп, иногда сделок между центральной и региональными элитами.

Распространенным доводом против этнических федераций является ссылка на то, что они порождают напряженность и конфликты внутри государства, а на этнические политические элиты возлагается ответственность за развал СССР [Тулчинский, 2011: 8]. Главной причиной распада СССР был, конечно, не этнический фактор, а, помимо больших социально-экономических причин, конфликт между политическими элитами, в первую очередь между союзной и российской. Не пресловутые этнократы принимали Декларацию о государственном суверенитете России, положив начало «параду суверенитетов» и выходу РСФСР из состава Советского Союза. Не они сговорились в Беловежской пуще об окончательном развале великой страны.

С крушением СССР потерпел крах не этнофедерализм, а система, которая была далека от действительного федерализма, возможного лишь в условиях демократического режима. Как писал Э. В. Тадевосян, ««в лице СССР потерпел поражение не национально-территориальный федерализм, а его унитаристская, сталинская модель» [Тадевосян, 1998: 66].

Не существует доказательств того, что институты этнофедерализма и, в частности, политическая автономия этнических групп, являются источниками межэтнических конфликтов. Последние вполне возможны в многонациональном обществе в условиях как унитарного, так и федеративного государства. Корни этнических конфликтов лежат не в природе государственного устройства, а в характере сложившихся под влиянием тех или иных факторов межнациональных отношений, в степени согласования или рассогласования интересов этнических групп. При их равноправии в экономической, политико-правовой и социально-культурной сферах сама по себе этнофедерация не порождает этнические конфликты. Сошлюсь, хотя это сейчас и

немодно, поскольку «заграница нам не указ», на мнение зарубежных авторов. Широко известный исследователь федерализма канадский профессор Р. Уоттс писал: «Несмотря на часто выражавшиеся страхи, что автономия национальных меньшинств есть односторонний путь к конфликту и дезинтеграции государства, фактически автономия и федерация часто имели противоположный и положительный результат» [Watts, 2007: 229]. Такой же позиции придерживается другой автор: «Для большинства современных этнических конфликтов, существующих в мире, этнофедерализм остается единственным жизнеспособным институциональным выбором, доступном для практиков и творцов политики» [Anderson, 2015: 18].

Довольно распространенным доводом против этнофедерализма является утверждение о том, что он порождает сепаратизм. Но в российской научной литературе нет монополии на истину, поэтому по поводу сепаратизма высказывается и иная точка зрения. В частности, в связи с правом народа (этнонации) на самоопределение, одним из способов реализации которого является этнофедерализм, замечено, что «сама по себе постановка вопроса о национальном самоопределении в многонациональном государстве носит объективный характер. Она вовсе не тождественна ни требованию выхода отдельно взятого народа из этого государства, ни стремлению к его развалу, ни воссоединению этнической общности в одном государстве, ни присоединению какой-либо этнической общности к другому государству» [Романенко, 1999: 67]. Однако такая позиция получает отражение в современной российской литературе не часто.

Конечно, сепаратизм как политическая практика – вполне реальное явление и вряд ли можно сомневаться в том, что обычно он является деструктивным фактором, ослабляющим любое, в том числе этнофедеративное, государство и ведет, в конечном счете, к его распаду. Угрозу его в некоторых конкретных условиях не следует приуменьшать. Об этом напоминает, например, советская и российская практика 1990-х годов.

Отечественный опыт 90-х годов прошлого столетия свидетельствует о том, что лидеры некоторых республик в составе

Российской Федерации, одни открыто, другие скрытно, прячась за чужие спины, поощряли националистические движения и сепаратистские устремления. Они спекулировали на тяжелом советском наследии в сфере этнической политики и разыгрывали националистическую карту для давления на федеральный центр, шантажируя его и требуя либо полной независимости, либо большей самостоятельности и больших полномочий в распоряжении властью и собственностью. Тем самым они нанесли колоссальный ущерб строительству в России подлинно федеративных отношений.

Однако возможность использования этнической политической элитой институтов этнофедерализма в собственных сепаратистских целях нельзя приравнивать к свершившемуся факту. Как отметил один из ведущих зарубежных этнополитологов В. Кимлика, «парадоксально, что многонациональные федерации, по-видимому, соединяют слабый вид единства с удивительной степенью эластичности... Нет причин принимать всегда существующую возможность сецессии за доказательство того, что многонациональные федерации потерпят неудачу и что сецессия должна произойти» [Kymlicka, 2005: 288].

Не факт и то, что этническая группа в целом или большинстве всегда поддержит корыстные намерения своей политической элиты, в том числе при ее попытках использовать институт автономии в целях этнической мобилизации. Об этом свидетельствует, например, то, что, начиная со второй половины 1990-х годов, националистическое движение в Татарстане утрачивало свою интенсивность и постепенно по существу перестало быть влиятельной силой. Объясняется это не в последнюю очередь прозрением людей, которые увидели, что их используют исключительно ради корыстных интересов местной политической элиты.

Однако ошибочно полагать, что сепаратизм является имманентным свойством этнических федераций. Связь между последними и сепаратизмом не являются монокаузальной. Кроме того, следует учитывать, что сепаратизм бывает разный. Нельзя исключать того, что иногда он может быть объективно оправдан. К требованию отделения и создания самостоятельного гос-

ударственного образования этническую группу могут вынудить особые обстоятельства, например, дискриминация политическая, экономическая или социально-культурная, этнический геноцид и подобные им явления.

В нынешней России нет оснований для этнического сепаратизма, поэтому любые сепаратистские тенденции, можно предупредить или пресечь на корню использованием соответствующих правовых механизмов, а, главное, созданием благоприятных политических и социально-экономических условий для жизнедеятельности всех этнических групп и нормального, добрососедского состояния и развития межэтнических отношений, предоставлением этническим группам автономии и самоуправления в наиболее чувствительных для них сферах – культуре и пользовании родным языком.

Целый ряд российских исследователей выступает против национально-территориального принципа построения федерации в России на том основании, что наличие национальных автономий и, прежде всего, республик создает напряженность в государстве, поскольку они якобы обладают отличающимся от других субъектов федерации статусом и в силу этого пользуются какими-то преимуществами по сравнению с другими российскими регионами.

В связи с этим В.Р. Филиппов находит в Конституции РФ противоречие, которое состоит в том, что Основной закон, «с одной стороны, провозглашает конституционное равенство всех субъектов Российской Федерации, а с другой – конституирует их разностатусность» [Филиппов, 2004: 77].

С.П. Перегудов утверждает, что роль «базовой» (т.е. титульной) нации «закрепляется не только в названии республик и автономий, но и в ряду других отличий, дающих им как статусные, так и некоторые другие преимущества перед "обычными" регионами» [Перегудов, 2013: 75]. Какие конкретно преимущества, автор не уточняет. Их называет В.А. Ачкасов, который считает, что «по новой Конституции национальные республики получили особые права – возможность использовать в политико-правовой сфере понятия «государства» и «конституция», собственное гражданство, государственную символику (герб,

флаг), язык титульного этноса также стал государственным» [Ачкасов, 2005: 304].

Если опустить ошибочное заявление, будто по Конституции РФ национальные республики получили собственное гражданство, в остальном автор по существу прав. Однако, во-первых, возникает вопрос, что это за особые права и какие ощутимые преимущества для республик создает использование понятий «государство», «конституция» или государственной символики (герба, флага и, добавим, гимна)? Ответ очевиден: все перечисленное не дает республикам абсолютно никаких преимуществ ни в одной сфере жизни.

Во-вторых, ничто не мешает назвать Уставы других субъектов федерации конституциями, тем более, что они и являются для регионов фактически такими же основными законами. Наверное, нет оснований отказывать всем регионам и в том, чтобы они имели свои гербы, флаги и даже гимны. И если это для кого-нибудь важно, пусть все российские регионы называются государственными образованиями. Какие преимущества они тем самым приобретут? Никаких.

Единственным институциональным отличием республик является предусмотренное конституционной нормой их право устанавливать государственные языки, но это право не обделяет другие российские регионы и не делает их менее равноправными.

Принципиально важным здесь является и другой вопрос: в случае предоставления такого же права и субъектам федерации, население которых до 90 и более процентов состоит из этнически русских, какой государственный язык, кроме русского, они хотели бы установить на своей территории? Нужно также учитывать, что поддержка сохранения и развития государственного языка титульной нации требует от республики дополнительных затрат за счет собственного бюджета

Ни по одному параметру республики не имеют никаких привилегий. У них те же права и обязанности, что и у других субъектов федерации. Система их государственных органов базируется на одинаковых для всех общероссийских конституционных принципах. Разграничение предметов ведения и полномочий является одинаковым для всех регионов и в условиях эт-

нической федерации. Республики имеют равное с другими регионами представительство в федеральных органах власти, например, в Совете Федерации, Государственном Совете при Президенте РФ, а также в виде представительств при Правительстве РФ. Конституция закрепила принцип равноправия субъектов Российской Федерации.

В действительности бессмысленно сравнивать республики и другие субъекты федерации, подсчитывая у кого больше или меньше прав. В условиях происходящего в России процесса де-федерализации все они становятся по сути одинаково бесправными. Определяющей тенденцией во взаимоотношениях Центра и регионов стало систематическое сужение границ самостоятельности (автономии) последних и усиление их политической, кадровой и финансово-экономической зависимости от федеральной власти и ее руководства. Как справедливо отметил один из ведущих этнополитологов страны Э. Паин, «в современной России субъекты Федерации таковые только по названию: в реальности они теряют свою политическую субъектность, становясь объектами управления из центра». И далее: «Беспрецедентные для государства, называющего себя развитым, перепады в уровне жизни разных регионов постоянно напоминают нам, что страна наша – империя, в которой есть привилегированный центр и бедные окраины» [Паин, 2006: 25,27].

По мнению некоторых авторов, излишняя централизация власти и управления ущербна не только для всех российских регионов. Она негативно сказывается на самостоятельности автономных образований. «По существу, – пишет М.М. Филиппов, – оказалось, что реальная степень автономии национальных меньшинств Российской Федерации находится в полной зависимости от решений федерального центра. На первый взгляд, такая ситуация кажется привлекательной для федерального центра, особенно для тех, кто стремится выстроить «вертикаль власти», однако по существу она подрывает доверие национальных меньшинств к федеральным институтам» [Филиппов, 2010: 63].

Одним из аргументов, ставящих под сомнение целесообразность существования республик, является ссылка на этнический состав населения республик, на низкую долю в некоторых из них представителей титульной нации. Так, В.А. Ачкасов считает, что «в ситуации, когда в Российской Федерации в 15 из 21 национальной республики русские составляют или большинство населения, или наибольшую по численности этническую группу, национально-территориальный способ решения этнических проблем выглядит, по меньшей мере, спорно» [Ачкасов, 2008: 33]. Такой же позиции придерживается Л. Смирнягин. По его мнению, только в семи республиках титульная нация (или нации) составляют большинство в населении. Кроме того, «границы республик охватывают всего лишь менее половины титульных наций, и в среднем 56% их представителей живут за пределами «своей» республики». «Тем самым, – пишет он, – пресловутый адрес национального вопроса лишается смысла, а с ним и право этнического признака присутствовать в основаниях российского федерализма» [Смирнягин, 2010: 56]. При этом Л. Смирнягин пользуется устаревшими данными Всесоюзной переписи населения 1989 года. Например, согласно приводимым им данным в Республике Татарстан татары составляли 48% населения, русские 43%. В Российской Федерации проводились переписи в 2002 и 2010 годах. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. татары составляют в республике 52%, русские 38%, представители других национальностей – 10%. Однако, думаю, дело не в цифрах, а в том, что территория нынешней Республики Татарстан всегда была местом исторического расселения татар. И это главное, что определяет существование республики независимо от численности представителей титульной нации и их доли в населении Татарстана.

Тесно связан с проблематикой этнофедерализма вопрос о государственных языках республик. В российской научной литературе нередко прямо отрицается их необходимость либо, по крайней мере, предлагается перевести их в разряд официальных языков, оставив в качестве государственного языка только русский язык.

Дело доходит до того, что нерусским народам предлагалось вообще отказаться от родных языков. В России, – пишут два российских автора, – нужен только один государственный язык, языки других наций – это лишь знаковые системы; нация (разумеется, нерусская – М.Ф.) «вполне может обходиться без собственной знаковой системы», а переход к рыночной экономике требует унификации имеющихся в России многочисленных языков и т.п. [Захаров, Кудрявцев, 1997: 77–97]. Нетрудно понять, почему такого рода настроения и «суждения» немало способствовали тому, что Россия до сих пор не может превратиться в содружество народов.

Другим примером рассчитанной атаки на государственные языки республик являются суждения В. Иванова. Он утверждает, что «право на установление республиками собственных государственных языков противоречит как конституционным принципам равноправия субъектов Российской Федерации, так и принципу равноправия всех народов Российской Федерации (ч. 3 ст. 5), а также принципу равенства прав и свобод человека и гражданина, независимо от языка (ч. 2 ст. 19)». В заключение он рекомендует: «во избежание противоречий *следует оставить государственным языком в России только русский язык*» [Иванов, 2002: 111–112].

Более мягкую позицию занимает Л.Н. Васильева. Она не предлагает упразднить родные языки титульных наций республик, а рекомендует понизить их статус: «Можно было бы предложить предоставить республикам право устанавливать языки со статусом официальных на территории этих субъектов, а не государственных. В отличие от государственного языка официальный язык не указывает на государствообразующую роль определенного этноса, выполнившего интеграционную функцию по объединению разных народов в единое суверенное государство, в силу чего не может стать и символом этого государства (во всяком случае, пока существует такой этнос)» [Васильева, 2006: 54].

Для названных авторов как бы не существует конституционной нормы о праве республик в составе Российской Федерации устанавливать на их территории свои государственные языки.

ки (часть 2 статьи 68) в дополнение к русскому языку как общенациональному государственному языку либо считают, что ею можно пренебречь. Для республик же введение второго государственного языка – это способ поддержать сохранение и развитие языка и культуры титульной нации, что совершенно не исключает необходимость бережного отношения к родным языкам других этнических групп, проживающих в республиках.

Конечно, инструментальная роль языков титульных наций республик, как и языков других народов нашей страны, снижается, и это де-стимулирует их изучение. Они не выдерживают конкуренцию с русским языком, который действительно стал в России подлинно общенародным. Но родной язык является духовной скрепой народа, основой его культуры и идентичности.

В России все ее граждане обязаны знать государственный язык Российской Федерации, точно также, как на Украине все ее граждане должны знать государственный украинский язык, а в Эстонии – эстонский язык и т.д. Политика изобилует двойными стандартами, а законы должны быть едиными для всех граждан государства независимо от их национальной принадлежности.

Государственный статус языка титульной нации важен с той точки зрения, что он обязывает республиканскую власть принимать меры по сохранению и развитию языка. Объективные данные свидетельствуют о том, что наличие у титульных наций республик в составе Российской Федерации национальной государственности является большей гарантией сохранения родного языка этих наций [Дьячков, 1993: 100].

Незаменимая роль национальной государственности в сохранении родного языка нации явствует, например, из сравнения доли представителей этнического меньшинства, считающих родным язык своей этнической группы, к общей численности данного этнического меньшинства в стране в целом и к численности данного этнического меньшинства, проживающего в республике (см. табл. 1).

Таблица 1. Доля представителей этнического меньшинства, считающих родным язык своей этнической группы, в стране и в соответствующей республике в процентах (по данным Всероссийской переписи населения 2010 года)¹

<i>Национальность</i>	<i>в стране</i>	<i>в республике</i>
Башкиры	71,5	76,4
Марийцы	70,9	72,0
Мордва	59,0	70,8
Татары	79,1	94,2
Удмурты	62,0	65,0
Чуваши	71,0	77,3

Как нетрудно заметить, среди представителей титульной нации процент признающих родным язык своей этнической группы в республиках выше, чем по стране в целом. И дело здесь не только в компактном проживании этнической группы в своей республике, но и в том, что именно национальная государственность позволяет принимать меры по сохранению этнических языков, которые являются главными маркерами этнической принадлежности и идентичности. Центральная российская власть озабочена этой проблемой, по-видимому, меньше всего, если исходить из не деклараций, а реальной политики.

Трудно с полной определенностью сказать, каковы подлинные причины негативного отношения немалого числа российских политиков и их идеологических соратников к этническому федерализму и, в частности, к республикам: неприятие частью политического истеблишмента России по стратегическим либо

---

¹ Источник: Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками населением; Т. 6. Владение населением языками наиболее многочисленными национальностями, с. 144–161; Т. 8. Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку, с. 228–2329; Т. 9. Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку по субъектам Российской Федерации, с. 2430–305; URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/documents/vol4/pub-04-06.pdf (дата обращения: 27.08.2015).

конъюнктурным соображениям политической автономии компактно проживающих этнических групп; укоренившаяся ксенофобия; элементарное непонимание того, к чему может привести отказ от национально-территориального принципа построения Российской Федерации.

Как достаточно точно было замечено, «значительное число ученых и политиков считает необходимым ликвидировать этнический фактор в российском федерализме и перейти исключительно к территориальной модели федеративного устройства. Правда, мало кто из авторов подобных идей задается вопросом, как реализовать их в политике» [Этничность, государственность..., 2014: 4]. Добавим: и вряд ли кто из них просчитывает все последствия, начни власть осуществлять эти идеи.

Если этнофедерализм так плох, как считают многие российские исследователи, то почему в международной практике он предлагается с целью разрешения этнических конфликтов в ряде стран. Использовать его рекомендуется в Сирии, чтобы разрешить проблему автономии курдов, предлагается Грузии для урегулирования отношений с Абхазией и Южной Осетией, а также Азербайджану, Афганистану, Ираку, Судану и др. С российской стороны давались советы Украине перейти к федеративной форме государственного устройства для преодоления этнического раскола. Но корректно ли отвергать этнофедерализм у себя дома и считать его полезным для других стран?

Неприятие субъектов Российской Федерации, сформированных по национально-территориальному принципу, заставляет оппонентов искать пути устранения таких субъектов, и в первую очередь республик. Во-первых, с целью перехода к «плоской» федерации предлагается осуществить «губернизацию» страны, то есть разделить страну на административно-территориальные единицы, называемые губерниями, что позволит устранить этнический фактор в организации государственного устройства. Активным поборником «губернизации» выступает известный отечественный политик, лидер одной из российских политических партий.

Во-вторых, обсуждается идея объединить республики с соседними областями с преимущественно этнически русским

населением и тем самым снизить в населении новых субъектов федерации удельный вес титульных наций нынешних республик и как следствие упразднить последние. Например, В.Н. Иванов считает, что «перспективной формой субъектов федерации могут стать или округа или края, в состав которых войдут национальные республики и области» [Иванов, 2004: 14–15]. В этом направлении с конкретной рекомендацией выступил экс-министр финансов РФ, а ныне Председатель Совета Центра стратегических разработок А. Кудрин. Он предложил объединить Республику Татарстан с Ульяновской и Самарской областями. В этом случае доля татар в населении новообразования составила бы 23,7%, а существование Республики соответственно потеряло бы основание. Татарский язык утратил бы статус государственного языка, что сказалось бы и на существенном ослаблении этнической идентичности.

В-третьих, предлагается заменить политическое самоопределение сугубо культурным и соответственно национальную государственность общественной по природе национально-культурной автономией. Осуществить указанные меры в России можно только принудительно, в том числе путем принудительного законодательства, каким бы несправедливым оно ни было, в соответствии с известным в России принципом «сила есть, ума не надо». Запретили же законодательно перевод татарского языка с кириллицы на латинскую графику. Почему нельзя таким же способом упразднить республики. Авторитарная власть может обеспечить целостность страны, но не способна добиться национального единства.

Если бы российская власть приняла к исполнению то, что рекомендуют оппоненты этнофедерализма, пришлось бы серьезно менять конституционное законодательство. Вполне возможно, что в течение четвертого срока президентства В. Путина будет проведена конституционная реформа. В соответствии с предложениями указанных оппонентов в конституционное законодательство удастся внести следующие изменения:

(а) устранение из Конституции РФ ссылок на право народов на самоопределение либо, по меньшей мере, уточнение, что речь

идет не о политическом, а культурном самоопределении в виде создания национально-культурной автономии;

(б) отказ от национально-территориального принципа построения российского федерализма и переход к так называемой «плоской федерации»;

(в) исключение определения республик как государств и, более радикально, упразднение самих республик и других автономных образований;

(г) упразднение государственных языков ныне существующих республик;

(д) при сохранении федеративного устройства отказ от предметов совместного ведения и присоединение их к предметам исключительного ведения федеральной власти.

Нельзя исключать и вообще отказ от федеративного устройства государства и переход к унитаризму который более соответствует авторитарному режиму.

Разумеется, этнофедерализм не является панацеей от реальных и потенциальных противоречий в тонкой и чувствительной сфере отношений между представителями этнических групп. Поэтому не нужно ни преувеличивать и ни приуменьшать его роль. Действительная оценка ее возможна лишь при объективно взвешенной национальной политике государственной власти, направленной на обеспечение равных условий для развития и взаимодействия всех этнических групп.

Подлинный позитивный смысл существования этнической федерации заключается, во-первых, в реализации этнической группой права на самоопределение в виде политической автономии, (национальной государственности) в рамках единого, целостного федеративного государства. Во-вторых, условия этнофедерации создают для этнической группы больше гарантий сохранения родного языка, национальной культуры, этнической идентичности. В-третьих, политическую автономию можно рассматривать как инструмент противодействия открытой и скрытой ассимиляции.

Этническая федерация, возможно, не лучшая форма государственного устройства, но и определенно не худшая. Все зависит от места и времени. Она, несомненно, бывает востребована

на там и тогда, где и когда она может сыграть положительную роль в многонациональном обществе. Что касается России, то, как пишет Э. Паин, «к величайшему сожалению, никто не пытался объяснить народу, что в исторически сложившейся этнополитической ситуации в России именно федеративное устройство является оптимальной формой учета баланса интересов этнических сообществ, *когда меньшинства получают автономию, а большинство удовлетворяет, таким образом, свой главный интерес в сохранении целостности страны и единого контролируемого ареала своего расселения*» [Паин, 2004: 664].

Представляется, что для России федерация, построенная на основе двух принципов – территориального и национально-территориального, является объективной и судьбоносной необходимостью.

Список литературы

- Ачкасов В.А.* Этнополитология: Учебник. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2005.
- Ачкасов В.А.* Конфликтный потенциал этнофедерализма // Политическая экспертиза (Политэкс), 2008, том 4, № 2.
- Васильева Л.Н.* Совершенствование законодательства в области использования языков народов России // Журнал российского права, 2006, № 3.
- Губогло М.Н., Дробизева Л.М.* и др. Межэтнические отношения в Российской Федерации. Ежегодный доклад ИЭА РАН. М.: ИЭА РАН, 1998.
- Губогло М.М.* Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., 2000.
- Добрынин Н.* Конституционная реформа и формирование новых федеративных отношений: реальности и закономерности // Свободная мысль – XXI. 2004. № 6.
- Дьячков М.В.* О национально-территориальной, национально-государственной и национально-культурной автономии // Социологические исследования, 1993, № 11.
- Захаров А., Кудрявцев В.* Проблемы языковой политики в России и «асимметричная федерация» // Асимметричность Федерации. М.: 1997.

- Иванов В.В.* Автономные округа в составе края, областей – феномен «сложносоставных субъектов Российской Федерации». М.: Изд-во Московского университета, 2002.
- Иванов В.Н.* Академическая трибуна. Федерализм и безопасность государства // Социологические исследования, 2004, № 6.
- Ильченко М.С.* Федеративные механизмы в разрешении этнических конфликтов: переговорный процесс за рамками формальных правил // Политическая наука, 2011, № 1.
- Ковалёв В.А.* Россия: федерализм «до востребования». Ч. 2. Опыт, проблемы и перспективы российского федерализма // Политическая экспертиза (Политекс), 2011. № 4.
- Пережудов С.П.* "Русский вопрос" в контексте этнонациональных отношений в РФ // Полис. Политические исследования, 2013, № 3.
- Паин Э.* Новые административные реформы и их влияние на этнополитические процессы в России // Федерализм: российское и международные измерения. Казань, 2004.
- Паин Э.А.* Этнополитические условия гражданской интеграции российского общества // Общественные науки и современность, 2006, № 6.
- Романенко С.А.* Типология процессов национального самоопределения // Общественные науки и современность, 1999, № 2.
- Салмин А.* Российская Федерация и федерация в России // Мировая экономика и международные отношения, 2002, № 3.
- Смирнягин Л.* Актуальна ли проблема асимметрии в современной России? // Федерализм и этническое разнообразие в России. М.: Российская политическая ассоциация (РОССПЭН), 2010.
- Тадевосян Э.В.* Этнонация: миф или социальная реальность? // Социологические исследования, 1998, № 6.
- Тулчинский Г.Л.* Уроки надорвавшейся империи и обессиленного социума // Философские науки, 2011, № 12.
- Филиппов В.Р.* Критика этнического федерализма. М., 2003.
- Филиппов В.Р.* Этнос, общество, государство. Асимметричная конструкция этнического федерализма // Этнографическое обозрение, 2004, № 6.
- Филиппов М.* Федерализм, демократия и проблема «добросовестных обязательств» в отношении этнических меньшинств // Федерализм и этническое разнообразие в России. М.: Российская политическая ассоциация (РОССПЭН), 2010.
- Чиркин В.Е.* Современное федеративное государство. М.: 1997.
- Этничность. Культура. Государственность. Проблемы этнического федерализма в XXI веке.* Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2014.

Anderson L. Ethnofederalism and the Management of Ethnic Conflict: Assessing the Alternatives // *Publius. Journal of Federalism*, 2015, vol. 46, no. 1.

Kymlicka W. Federalism, Nationalism, and Multiculturalism // *Theories of Federalism: A Reader*. N.Y., 2005.

Watts R.L. Multinational federations in comparative perspective // *Multinational Federations*. Ed. By M. Burgess and J. Pinder. L.: Routledge, 2007.

КУЛЬТУР-ЦЕНТРИЗМ КАК ФИЛОСОФСКОЕ ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА РАССМАТРИВАЕМЫХ ОБЪЕКТОВ

В.Г. Федотова

Примордиальные трактовки этничности путем сведения проблемы к анализу этноса и его исследования как некоей константы, определяемой его наличными свойствами, сегодня во многом устарели из-за отсутствия конструктивных действий, неучета роли конструктивистской парадигмы, исходящих из понимания этноса как процесса этничности и практики, формируемых в ходе исследования. Академик В.А. Тишков убедительно рассмотрел недостатки примордиалистских, натуралистических подходов, сводящих сложные социальные процессы, в том числе антропологии и этничности, к примордиальным заданным сущностям. Он пишет: «За последние четверть века внутри дисциплины произошли значимые и неоднозначные перемены. Переход от этноса к этничности и даже выход за пределы этничности позволили обрести новую предметную область, определяемую как антропология и этнология. Речь идет не столько о физической, сколько о социально-культурной антропологии, которой в начале 1990-х годов в нашей науке не было. Этнос ушел из языка этнологов, за исключением некоторой части исследователей и вузовских преподавателей, которые не следят за современными тенденциями. Этому способствовали развитие самого научного знания и более полная информированность отечественных специалистов о мировом научном контексте» [Тиш-

ков, 2016: 6]. Он отмечает, что после 1991 года обществознание и гуманитарные науки в России пережили драматический переход от этноса к этничности, т.е. от натурализма, свойственного теории этноса к конструктивистской интерпретации – к этничности. Осуществляется переход от примордиальности к социальному конструированию реальности в разных областях исследования общества, в частности, в социальной антропологии и этнологии, в социальном конструировании этничности. Важно отметить, что – это случай общей тенденции перехода от натурализма к культур-центризму, от статичного видения к процессуальному. Причем, он присущ не только социальной антропологии и этнологии и даже не только гуманитарным наукам и наукам об обществе, но и наукам о природе, например, в случае синергетики, теории динамического хаоса и пр. Это хорошо представлено в работах И. Пригожина, В.С. Степина, В.И. Аршинова, В.Г. Буданова, Е.Н. Князевой и др. Подобный общий тренд коснулся почти всех научных дисциплин, которые перестали понимать предмет своего исследования исключительно как устойчивый объект.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОГРАММЫ НАУК ОБ ОБЩЕСТВЕ: НАТУРАЛИЗМ И КУЛЬТУР-ЦЕНТРИЗМ

Философия сыграла важную методологическую роль в выработке исследовательских программ социального знания, например, самого трудного для нее – экономического, во всем многообразии его направлений и концепций. Но, прежде всего, складывались философские программы, имеющие отношение ко всей системе наук об обществе. Они содержат в себе характеристику предмета и метода исследования, предпосылок теоретического анализа и возможностей перехода от общеполитических подходов к анализу методологии конкретных научных дисциплин.

Понятие исследовательской программы является философским по своему статусу, одновременно неся в себе понимание как общих методологических принципов наук об обществе, так и возможность применения к отдельным дисциплинам, в данном

случае к социальной антропологии и этнологии, хотя здесь новые принципы оказались освоенными позже, чем в социологии, экономической науке, географии и пр. Эти исследовательские программы были рассмотрены мной как в общем виде, так и на материале экономического знания. В общем виде речь шла об анализе двух базовых как общенаучных, так и специально-научных программ, способных быть примененными как к социально-гуманитарным наукам в целом, так и, например, к экономическому знанию – о *натуралистической и культур-центристской исследовательских программах*. Именно это позволяет мне сегодня особо согласиться с идеями В.А. Тишкова, внедрению им новой концепции процессуального исследования социальной антропологии и этничности: «Современная антропология и этнология в России пребывает в поиске синтеза, позволяющего лучше понять культурную сложность и социокультурные коалиции, в том числе и за рамками парадигмы этничности» [Тишков, 2016: 5].

Обращение к этничности вместо этноса отражает накопленные социальной наукой способы понимания своих объектов или, точнее, предметов исследования не только натуралистически, но и культур-центристски.

Исключительно радостным является для меня, что соображения, высказанные мной в конце 1990-х и в начале 2000-х годов в отношении существования двух исследовательских программ обществознания в целом и его отдельных дисциплин – натурализма и культур-центризма, сегодня подтвердили свою актуальность и современность. Показ значимости культур-центристской программы совпал с видением проблемы инструментов антропологии и этнологии в работах В.А. Тишкова и представителей его школы. При этом, я полагаю, что отдельные аспекты могут быть рассмотрены с натуралистических позиций. Это имеет свое место, но сегодня менее продуктивно или требуется при решении определенных задач статического характера, при котором динамика процесса может оказаться за пределами исследования. Я не могу полностью согласиться с в целом интересной концепцией В.С. Малахова в том пункте, что «перенос... методологии этнографии на сферу социально-политических

наук – предприятие, чреватое самыми печальными последствиями» [Малахов, 2005: 219]. Это – представление о наличии флагамена программы процессуального характера, в которой ведущее место принадлежит этнографии, только что начавшей такой переход в себе самой, не адекватен возникновению общенаучных сдвигов в осознании двух исследовательских программ науки – натурализма и культур-центризма. Они формировались как на философском уровне, так и на уровне отдельных дисциплин, делая этнологию наиболее заинтересованной стороной, но и при этом прошедшей большой путь к новому осознанию своих задач, которые мы видим сегодня. Но процессуальный и культур-центристский подход к политической науке не привел ни к каким ужасающим последствиям. Напротив, он подтвердил общенаучный характер движения наук в данном направлении, уменьшающего долю и значимость натуралистических программ.

Мной были выделены две научно-исследовательских программы – натурализма и культур-центризма, конкретные возможности которых зависят от изучаемого предмета. На мой взгляд, обе названные программы могут работать в современной антропологии и этнологии, но вместе с тем, оставляя приоритет за культур-центристской ориентацией, обладающей сегодня большей применимостью и универсальностью.

Генетически первой исследовательской программой обществознания Нового времени была *натуралистическая программа*, формирующая идеал и нормы научного познания социальных явлений по образцу естественных наук – используя *метод объяснения*. Исторически первым таким образцом была механика, определившая механистический характер материализма и придававшая ему конкретный вид. Исследования общественной жизни в XVII – XVIII веках еще не претерпели отделения от философии, но и в ее рамках восприняли механицизм. В дальнейшем это направление стало связано с развитием всех разновидностей позитивизма, со структурно-функциональными подходами, использующими метод объяснения. Натуралистическая программа применима и поныне, и не исключены определенные задачи исследования, в которых она успешна как в обществознании, так и в естествознании и в других науках. Однако прио-

ритет культур-центристской программы, опирающейся на изменения культуры, сегодня бесспорен.

Дальнейшее развитие методологии социального познания шло преимущественно по линии формирования культур-центристской исследовательской программы, в которой культура получила определяющее значение. На той ступени развития, когда отношение к природе предстает как общественное отношение, сама природа становится элементом человеческого отношения: «... культуре тем самым представлен *всеобщий специфический именно для человека характер его связи с природой*, возвышающий его над особенностями чисто природного бытия и прямо совпадающий с его существованием как общественного субъекта деятельности» [Межуев, 1977: 123]. В культур-центристской исследовательской программе этот позже, чем природа, открытый объект – культура – становится логически первым, обеспечивающим видение процессуального характера различных систем и способов рассмотрения. Главная идея культур-центристской программы – это отличная от природы самостоятельная реальность – культура, не позволяющая уподобить многие явления социального мира вещам. В культур-центристской программе можно быть ученым не тогда, когда анализируешь социальные факты как вещи, а когда включаешь мнения людей, их ценности, процессуальность объекта исследования. Культур-центристская стратегия устанавливает концептуальные границы объяснения и вводит принцип *понимания* в качестве ведущего методологического средства. Открытие культуры как особой реальности не разрывает связей человека с природой. Это – одна из причин, из-за которой культур-центристская исследовательская программа не упраздняет натуралистическую программу. *Натуралистическая исследовательская программа может распространяться и на такой объект изучения, как сама культура*, если берет конкретную задачу, решение которой не требует процессуального подхода. Абстрактный индивид есть продукт натуралистической редукции культуры. И часто обращение к натуралистической программе при исследовании почти любых объектов чревато отказом от

исследования процессуального характера, уже вошедшего в характеристики исследуемого предмета.

Первоначально культур-центристская программа формировалась только применительно к обществензнанию. Она по существу указала на границы натуралистической программы. Натуралистическая и культур-центристская программы, однако, могут быть направлены на изучение одного и того же объекта, но превращают они его в свой предмет в соответствии со своей методологией (исследовательской программой). Первая призывают верить в незнающую исключений закономерность, вторые – в изменчивость человеческого духа и предметной среды. Культур-центристская исследовательская программа доминируют в методологии обществензнания. Попытки создания дисциплинарных программ, как правило, характеризуются тяготением к одной из названных. Эти две программы следует признать базовыми в методологии обществензнания. Они являются системообразующими факторами обществензнания, определяющими видение его специфики и его методов и относятся к большинству дисциплин как в сфере общественных наук, так в естествознании, социальная природа и процессуальность которого, как мы показали выше, стали иметь значение в ряде дисциплин. Переход от натуралистической исследовательской программы к культур-центристской, от объектности к процессуальности произошёл во многих науках. Это стало мировоззренческим явлением, учитывающим идентичность людей и предметов познания во многих других науках, прежде всего в экономике [Человек в экономике и других социальных средах, 2008: 3–95; Тросби, 2013: 38–69; Найт, 2012: 124–133; Зингалес, 2016; Бегельсдайт, Маселанд, 2016 и др.]. Сегодня закономерность такого перехода осознается в социальной антропологии и этнологии, что отчетливо проявилось на заседании секции Научного совета РАН по проблемам этничности и междисциплинарных отношений (19 декабря 2017 г.) в докладах В.А. Тишкова, Л.М. Дробижевой, И.С. Семеновко, Д.А. Функа и других. В докладе последнего было афористически высказано, что «социальное конструирование реальности – это превращение любой системы в социально признанную в качестве реальности». Это – интерпретация теоремы У. Томаса:

если нечто принято за реальность, оно реально в своих последствиях. И это возможно только в культур-центристской, а не в натуралистической программе, ибо первая отличается процессуальностью и направленностью на самодвижение, изменение, фиксацию меняющихся тенденций, т.е. имеет дело с процессами, а не с объектами или предметами, находящимися в статике.

Мы не исключаем, что натуралистическая программа в определенных случаях может оказаться познавательной значимой, но она не может быть исчерпывающей. В динамичном мире она уступает эвристическим возможностям культур-центристской программы.

Первые идеи этого подхода были предложены П. Бергером и Н. Лукманом. Но сегодня изменения в методологии коснулись многих дисциплин, формирование идентичностей и конструктивистская природа познания вышли на передний уровень.

НОВЫЙ ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧНОСТИ КАК ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

В.А. Тишков показал, что *«этничность переплетается с другими коллективными идентификациями и лояльностями (курсив наш. – В.Ф.) до такой степени, что исчезает само понятие группы как социальной и даже социологической целостности. Разрыв с позитивистским группизмом был одним из наиболее существенных моментов в этнологических новациях. Этнические границы стали пониматься не как границы групп в пространстве (в кушнеровском смысле), а как ментальные маркеры, по которым могут выстраиваться группы (в бартовском смысле)»* [Тишков, 2016: 9].

По мнению В.А. Тишкова, существуют дисциплинарные отличия исследователей этничности и идентичности. Но эти дисциплинарные границы, кроме других особенностей, отличаются степенью генерализации. Их коррелированность подтверждается сходным с изменениями этничности изменениями идентичности. Так, д.с.н. Н.Н. Федотова, раскрыла процессуальный характер идентичности, вполне применимый для анализа динами-

ки этничности и сходной с ней, хотя предметность ее описания ближе к социологической. Примером может служить методологическое сходство ситуаций анализа этничности как процесса и идентичности в ее процессуальном значении [Федотова, 2012].

Под динамикой идентичности Н.Н. Федотова предлагает понимать изменение идентичности под влиянием действующих на нее факторов, меняющих ее в некотором диапазоне своих свойств, в некотором континууме, сохраняющем ее базовые свойства. Она показывает, что в «быстро трансформирующемся, неравномерно развивающемся, полном рисков и кризисов сегодняшнем обществе возникает необходимость изучения именно динамики идентичности. *Идентичность оказалась включенной в динамику современного нелинейного развития и сама подвержена действию фактора нелинейности* [Федотова, 2017: 287; Федотова, 2012]. С таких же позиций идентичность трактуется в энциклопедическом издании «Идентичность. Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание» [Идентичность. Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание, 2017]. Философ и политолог С. Бенхабиб рассмотрела «притязания культуры» на участие в политических процессах, утверждая необходимость учета культурной идентичности взаимодействующих сторон, принимая во внимание ее сложность и разнообразие, отказываясь от натуралистического «группизма». Она показала, что в отличие от бюрократического «анкетирования» акторов процесса по отдельным признакам, выступает за демократизацию и повышение роли культурных идентичностей как сложных образований, называя это «постнациональным, эгалитарным, демократическим видением модернистских культурных перспектив» [Бенхабиб, 2003: 96].

Для философа, коим я профессионально являюсь, ближе контекстуальное рассмотрение этничности, идентичности, связанное с выделением крупных эпох. В моих книгах – это первый, второй и третий модерн, отличающиеся способами существования и методами анализа этничности, национальности, идентичности плюс увеличение роли культур-центристской программы, т.е. отличие мировоззренческих комплексов, состо-

ящее в натурализме одних из них и культур-центризме и процессуальности других.

Как верно отмечает В.А. Тишков, речь в представляемой им дисциплине – антропологии и этнологии – идет о трактовке предмета науки, которая зависит от избранной парадигмы исследования [Тишков, 2016] или, на наш взгляд, в целом от выбора исследовательской программы – натуралистической или культур-центристской. Первая трактует предмет науки как данный, вторая – как добываемый в ходе текущих его изменений и изучений.

Это – не единственный способ философского осмысления проблем методологии. Есть работы, где проблема этничности и национальности ставится в контекст истории философии. Философский интерес распространяется на проблемы этничности и при рассмотрении социальных знаний и их связи с социальными изменениями, где исследуется то, как реальность продуцирует новые теоретические ходы (например, усложнившаяся реальность сопровождается появлением культурных, этнических и пр. гибридов). Или, напротив, теоретические ходы конструируют новую реальность (политика коренизации народов в 20-е – 30-е годы). Философия учитывает парадигмальные сдвиги – от эссенциализма к конструктивизму, от индивидуализма к группизму, от нациестроительства и национального государства, национального дискурса к постнациональному дискурсу и обратно. Я согласна с Л.М. Дробижевой в том, что позитивная этническая идентичность не препятствует идентификации с гражданской идентичностью. Но для философа важно в этом случае, о каком типе общества идет речь – традиционном, современном или постсовременном, обществе «третьего» модерна (П. Вагнер, В.Г. Федотова), рефлексивного модерна (Э. Гидденс, У. Бек), текущего модерна (З. Бауман).

Я разделяю мысль британско-американского историка, социолога и политолога П. Андерсона, для которого названные мною параметры имеют большое значение. Он пишет: «...Быть современным – это найти нас в среде, которая обещает нам приключение, власть, удовольствие, рост, трансформацию себя и мира – и, в тоже самое время, что угрожает разрушить все то, что мы имеем, все то, что мы знаем, все то, чем мы являемся.

Современные контексты и опыт пересекают все границы географии и этничности, класса и национальности, религии и идеологии: в этом смысле современность можно назвать объединяющей человечество. Но это парадоксальное единство – единство в разнообразии...» [Anderson, 1984: 97].

Философия занимается анализом условий кросскультурного диалога, но не может справиться с этими альтернативами, являющимися приметой времени.

Как показал В.А. Тишков, этничность *переплетается с другими коллективными свойствами*, причем до такой степени, что само понятие группы как социальной и даже социологической целостности перестает существовать. *Разрыв с позитивистским группизмом, (как и вообще с натуралистической исследовательской программой. – В.Ф.) – не только крупнейшая этнологическая инновация, но инновация для всей системы наук и системы мировоззрения.*

МЕГАТРЕНДЫ ДЖ. НЕЙСБИТА ДЛЯ США И КИТАЙСКИЕ МЕГАТРЕНДЫ

Огромный вклад в развитие культурцентристской программы внес Дж. Нейсбит – американский футуролог и философ. В 1982 он опубликовал свою книгу «Мегатренды». В 1984 году книга была вновь переиздана в США. Она получила огромную известность и популярность в мире. В ней он наметил переходы обществ из предшествующих состояний в новые. И это относилось, прежде всего, к США и западным странам. В книге «Мегатренды. Десять новых тенденций, трансформирующих наши жизни» Нейсбит раскрывает их следующим образом:

1. От индустриального общества к информационному;
2. От форсированной технологии к балансу высокой технологии и душевного комфорта;
3. От национальной экономики к мировой экономике;
4. От краткосрочности к долговременности;
5. От централизации к децентрализации;
6. От помощи со стороны институтов к самопомощи;

7. От представительной демократии к партисипаторной (демократии участия);
8. От иерархий к сетевым структурам;
9. От Севера к Югу;
10. От «или – или» к множественному выбору [Naisbitt, 1982].

Эту схему можно трактовать как вариант культур-центристской исследовательской программы, ибо в ней обозначен подход, характеризующий большие возможности динамики современных процессов и ее актуальность, особенно в сравнении с натуралистической программой исследования.

Нейсбит демонстрирует многообразие реакций на культурную разнородность. Его книга «мегатренды» в течение двух лет сохраняла статус бестселлера «Нью-Йорк Таймс».

Он посещал Китай много раз с 1967. После выхода его «Мегатрендов» в 1982 году, в Китае было продано 20 000 млн. экземпляров этой книги, переведенной на китайский язык. Она многократно переиздавались. Нейсбит сказал своему китайскому другу на Западе, что Тайвань выглядит более интересно, чем Китай, но именно Китай стал предметом его подлинного интереса и выработки вех его современного развития.

В 1992 году часто бывающий в Китае Нейсбит был приглашен на частную встречу с председателем КНР Цзян Цзэмином, где китайский лидер выразил особый интерес к идее мегатрендов. Первые слова, которые председатель КНР сказал Нейсбиту, были предложением написать о мегатрендах в Китае. В электронном письме через несколько дней после встречи китайский лидер написал Нейсбиту письмо: «Есть много книг о прошлом Китая и новом подъеме, о политическом, экономическом и культурном будущем. Но нам, прежде всего, необходим анализ, наподобие того, который содержался в Ваших «Мегатрендах». Далеко даже не всем китайцам известно, что происходит в Китае и куда движется страна. Почему бы Вам не проанализировать мегатренды Китая и не написать об этом?» [Нейсбит, 2012: 9]. Проблема этничности являлась в этих предложениях решающей. Была поставлена задача увидеть страну глазами самих китайцев. Но Нейсбит не принял предложение, считая себя не готовым, и вернулся к нему только через десятилетие.

Методологию исследования китайских мегатрендов Нейсбит описывает следующим образом: «...Во-первых, самое важное, нужно фиксировать исключительно факты, реальные события – никаких планов, никаких деклараций. Во-вторых, нельзя руководствоваться заранее фиксированными шаблонами: любая структура определенным образом ориентирует исследование, а, значит, мы рискуем пропустить то, что надеялись отыскать, то, чего мы не знаем, что нас поразит. Наконец, третья задача состояла в том, чтобы собрать и перевести статьи из китайских СМИ, создав таким образом базу данных» [Нейсбит, 2012: 10].

В мае 2009 года вышла книга супругов Нейсбит «Китайские мегатренды». Главным в ней было смотреть на Китай глазами китайцев, т.е. показать, как они сами воспринимают Китай. Супруги Нейсбит описывают семь столпов, обеспечивших прогресс и перспективы Китая:

1. Освобождение разума: разрешение отстаивать собственные взгляды по вопросу о пути развития Китая. Ставилась задача – подхватить инициативу снизу, а такие инициативы уже были (хорошая идея во-время, у свободы много лиц, от мясного скота к дойным коровам).

2. Баланс векторов «сверху вниз» и «снизу вверх».

3. Высаживание деревьев: «пусть растут леса» (новые структуры, цели, гибкие структуры, особые экономические зоны).

4. Вброд через реку, нащупывая камни (не жесткие приказы, а наилучшие варианты, успешная производительность китайцев в США).

5. Художественная и интеллектуальная политика (художники и интеллектуалы во главе перемен).

6. Присоединение к миру – агрессивное встраивание в мировые тренды.

7. Свобода и справедливость (экономически возможное и социально желательное).

8. От олимпийского золота к нобелевским премиям

Сегодня эти мегатренды работают в Китае. Они были открыты супругами Нейсбит совместно с 28 студентами и аспирантами двух китайских университетов и китайских консультантов – предпринимателей и ученых. Результаты команды Нейсбита

и сейчас применяются в Китае. Трудно представить, чтобы маленький коллектив во главе с супругами Нейсбит так быстро справился с задачей. Возможно, Нейсбиты долго готовились к ее решению, к пониманию китайской культуры и образа жизни. Им удалось довести, доконструировать известные им особенности китайской жизни до тенденций, в которых китайский характер находит себя. Серьезными фактами, способствующими нахождению тенденций, стали китайский прагматизм, духовная жизнь, не противопоставляемая практической и ряд свойств китайского народа, процессуальный характер выстраиваемой ими этничности.

Идеи супругов Нейсбит работают в Китае, и это – не просто проявление китайского прагматизма, но гораздо большей культурной гомогенности Китая в сравнении с другими странами. Часть общепринятого представления о культуре относится в Китае не только к идеям, как устроен мир, что принято за данность, что кажется почти естественным.

Россия нуждается в подобной работе. Наши мегатренды нуждаются в Нейсбите, даже если это будет российский Нейсбит или группа междисциплинарных специалистов. Особую роль в этом может сыграть исследовательская группа социальных антропологов и этнологов, ибо она в наибольшей мере имеет своей задачей исследование повседневности.

Список литературы

- Бегельсдайт Ш., Маселанд Р.* Культура в экономической науке. М.; СПб, 2016.
- Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003.
- Зингалес Л.* Капитализм для народа. Либеральная революция против коррумпированной экономики. М., 2016.
- Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология. М., 2005.
- Межуев В.М.* Культура и история. М., 1977.
- Найт Ф.* Экономика и человеческая деятельность // Философия экономики. Антология. М., 2012.

- Нейсбит Дж.* Новая система на подъеме // Нейсбит Дж, Нейсбит Д. Китайские мегатренды. 8 столпов нового общества. М., 2012.
- Тишков В.А.* От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. 2016. № 5.
- Тросби Д.* Экономика и культура. М., 2013.
- Федотова Н.Н.* Динамика идентичности // Идентичность. Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семенов. М., 2017.
- Федотова Н.Н.* Изучение идентичности и контексты ее формирования. М., 2012.
- Человек в экономике и других социальных средах. Отв. ред. В.Г. Федотова. М., 2008.
- Anderson P.* Modernity and Revolution // New Left Review. 1984. № 1/144.
- Naisbitt J.* Ten New Directions Transforming Our Lives. N.Y., 1982.

ФЕДЕРАЛИЗМ РОССИИ В ИНОСТРАННЫХ ПРОЕКТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Т.Ю. Красовицкая

Главная проблема, которой посвящена последняя сессия Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, это состояние и перспективы научных исследований, касающихся осмысления России как полиэтничного общества в разных хронологических срезах, из них наиболее важными являются кризисные, потребовавшие коренного государственного переустройства.

Среди них – захват большевиками власти, усиление воздействия этнического фактора на политическую обстановку в стране. Этнические культуры находились в турбулентных отношениях с властью, культурная жизнь была духовно напряженной. Национализм уже впитал в себя теоретические постулаты, идеологемы, политические программы и даже проявления веры. Он наполнял их чувствами и эмоциями. Требовал упорядочить их в социополитической реальности. На Всероссийском Демократическом совещании в сентябре 1917 г. представитель мусульман У. Токумбетов указав на «грозный и смертельно опасный момент», настаивал на выработке «государственно-полезной» идеи. «Мы, ... так называемые инородцы, всегда стояли на страже, как нашей общей родины, так и на страже дорогой нам свободы, но нас ... не хотели знать... И, конечно, не нам

вернуться, не нам отстаивать ушедший в пропасть старый порядок» [«Физиономия российской революционной демократии...»].

Большевики искренне не желали восстановления империи. Их квазирелигиозная догматическая страстная интернационалистическая идеология представляла государство как основу чего-то принципиально нового, что, в конечном счете, охватит все человечество. В.И. Ленин видел в праве наций на самоопределение эффективный способ разрушить империю, но этничность, участвуя в организации постимперского политического ландшафта, уже фигурировала в качестве стороны Гражданской войны.

Этнические элиты предпочитали, чтобы государство строилось на принципах федерализма. В большинстве своем в Гражданской войне они за них и боролись. Этнизация процессов достигла весомых масштабов, содержание разных проектов стало полем конкуренции на полях сражений, не стесняясь апеллировать к этническому чувству, так подпитывая комплекс неурегулированных задач правового положения этнических культур.

Этнические элиты писали (и пишут) собственную «книгу истории», в которой история Гражданской войны описана с точки зрения национализма или интернационализма, либерализма или традиционализма, государственничества или анархии. Каждая внутренне непротиворечива, хотя в каждой присутствует умолчание каких-то сторон прошлого. Размышления о децентрализации и регионализации власти, образовании этнокультурных блоков, регулирующих их деятельность механизмов власти, опасение или поддержка разных систем управления с изменчивой геометрией обязательств, ответственности, союзов и субординации переполняют нарративы, но воспринимаются по отдельности и, чаще, с отрицательной коннотацией.

На передний план выходит анализ диалоговой позиции о *предпочтении федеративной формы как основы будущего государственного устройства*. Этот диалог шел по вертикали властных институтов разных сторон – большевистской и антибольшевистской. Содержательно его поддерживают и историки. С 1990-х годов изучение участия этнических элит в Гражданской войне продвинулось. В первую очередь опубликованы ранее недоступные источники, они существенно обогатили нацио-

нальные историографии. Написаны десятки монографий, диссертаций, в том числе за рубежом. В отделившихся в 1990-е годы советских республиках большое внимание уделяется представителям элит, занимавшим в годы Гражданской войны государственные, партийные, дипломатические и прочие посты. Их видение будущей России, конечно, анализировалось. Внимание уточняют введенные в научный оборот новые документы. Сами политики (М. Грушевский, А.-З. Валидов, А. Букейханов, А.А. Топчибашев, В. Ластовский и др.), были основными акторами и историографами (ряд из них профессиональными) процесса.

Но вне внимания остается совокупная сложность субъектов действия в гражданском противостоянии, с теми, кто присматривался к разным аспектам идей и практик российского федерализма из-за рубежа.

Этнические элиты, прежде чем перейти на советскую сторону, пытались счастья не только в белом стане, но и у Ю. Пилсудского, К. Маннергейма, у представителей Германии и стран Антанты, у М. Кемалья. Такая совокупность союзов и договоренностей, их распад заставляет взглянуть на роль российского федерализма в Гражданской войне по-новому. В результате собирается масштабная историческая картина, воссоздающая историю перипетий, протекавших в пространстве власти, и сложность в один момент становится очевидной в разы.

Не счесть работ, посвященных *Naczelniku Państwa* Ю. Пилсудскому, К. Маннергейму, М. Грушевскому, С. Петлюре, лидерам второго, третьего плана, совсем уже, кажется, малозначительным, на общероссийском небосклоне. Но никогда не анализировалась *совокупность их воззрений* на федерализм, как условие «замырения», как механизм решения этнокультурных проблем.

Главное внимание историков, как видим, концентрируется на борьбе «своих» с политиками центра, чаще на их поражениях. Процесс гражданского противостояния на западе – поляков, украинцев, белорусов, литовцев, на востоке – тюркских народов, их общая история определялись отсутствием серьезных конфликтов; языковой, часто и религиозной близостью. При этом каждый из народов жил на своей этнической территории: национальные кордоны были незначительными. На выбор федера-

листских конструкций влияли интернациональные сентенции, воплотившиеся в реакции на динамическую смену политической карты не только Восточной Европы, но и Османской империи.

Член Юридического совещания Временного правительства Б. Нольде писал: «Большевики ... обладали дозой самоуверенности и смелости, которой не было у их предшественников. *Не сдерживаемые никаким государственным чувством*, они без колебаний заняли собой на несколько недель сцену мировой истории... *Они отправились в Брест, шумно и крикливо, как победители и учителя всего мира*» [Нольде, 2001].

Но Высокая Порта поручила своим представителям на переговорах в Брест-Литовске требовать не только немедленного возвращения «переданных в свое время России в качестве залога за возмещение военных убытков областей – Карса, Ардагана, Батума», но и «признания независимого Кавказского государства», отказ от всякого вмешательства в его внутренние дела. Неприятное развитие дискуссий намечалось и касательно «внутренних» этносов, на территории которых германские войска не находились, но участники переговоров подчеркнули ответственность большевиков за сделанные ими декларации: *«Россия, в соответствии с принципами права на самоопределение народов, объявленного ее нынешним правительством, должна признать это право и за мусульманскими народами империи. При этом имеются в виду Казань, Оренбург, Туркестан, Бухара»*, – информировал Берлин германский генерал фон Сект в декабре 1917 года [Аветисян, 1997].

Депутаты Миллет Меджлисе 10 января 1918 г. приняли наказ Комиссии по вопросам мира внести *«на международную арену обеспечение правового статуса решений, принятых Миллет Меджлисе мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири о конституции национальной автономии и Идель-Урал Штата»*. В ходе обсуждения Г. Исхаки сказал: в настоящий момент *«делится наследство России»*. Ему возразил С. Максуди, утверждая: *идет не раздел русского наследия, а создание федеративной республики, в которой народы должны бороться за защиту своих прав* [Тормыш, 1918].

Делегация от Центральной Рады занимала на переговорах в Брест-Литовске самостоятельную позицию. В дневнике министра иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернина запечатлена реакция Л. Троцкого, которую он наблюдал во время наиболее острых выступлений главы делегации В. Голубовича. Честолюбивый и умный нарком иностранных дел терял лицо: «Троцкий был в столь подавленном состоянии, что вызывал сожаление. Совершенно бледный, с широко раскрытыми глазами, он нервно что-то рисовал на... бумаге. Крупные капли пота текли с его лица. Он, по-видимому, глубоко ощущал унижение от оскорблений, наносимых ему его согражданами в присутствии врагов» [Брест-Литовск, 1921. Т. II: 129].

Болезненная реакция касалась перспектив федеративных отношений Украины и России. 11 января О. Чернин записал в дневнике: «Сегодня утром Троцкий сделал тактическую ошибку. Он произнес целую речь, ... заявив, что мы играем в фальшивую игру, что стремимся к аннексиям, *прикрывая их мантией права народов на самоопределение*. Он говорил, что никогда не согласится на такие претензии и готов скорее уехать, чем продолжать в таком духе» [Чернин, 1923: 254].

В Бресте представители этнических элит воочию наблюдали истинное отношение большевиков к федерализму. О. Чернин в дневнике писал 6 января: «Украинцы сильно отличаются от русских делегатов. Они значительно менее революционно настроены, они гораздо более интересуются своей родиной и очень мало – социализмом. Они, в сущности, не интересуются Россией, а исключительно Украиной, и все их старания направлены к тому, чтобы как можно скорее эманципировать ее. Но они, по-видимому, не выяснили себе, будет ли независимость полная, то есть, будет ли Украина признана самостоятельным государством, *или же она должна быть включена в рамки русского федеративного государства*» [Чернин, 1923: 254–255].

В ноябре 1918 г. в румынском городе Яссы на совещании дипломатических миссий союзников с антибольшевистскими делегациями на помощь Антанты возлагались большие надежды. Союзники (французский командующий союзными войсками в Румынии и на Юге России А. Бертелло), были готовы ее ока-

зять. Они не признавали советскую власть, считая «Россию существующей». Добровольческая армия не признала Брестский мир. В «Записке, адресованной союзному командованию», русская делегация писала: «Если страны Согласия желают видеть новую Россию ... членом семьи цивилизованных народов, ... помощь, которую они России окажут, не должна ни опоздать, ни быть незначительной» [Русское прошлое, 1992: 338–342].

Русская делегация в Яссах воспринималась ядром формирования культурной программы русского возрождения, «неоспоримым моральным центром русского дела». Белогвардейские идеологи и политические лидеры считали возможным поддерживать притязания народов, в частности на самоуправление и даже на самоопределение, но в границах единой России. Провозглашая политическую интеграцию, подчеркивалось: они *противники жесткого централизма* [Наумова, 2004: 58–61]. Об этой установке белого движения заявлено в декларациях Русского политического совещания в конце 1918 г., обращенных в первую очередь к западным политикам. За Польшей, Финляндией и Украиной признавалось их право на «государственное возрождение» [Белый архив, 1928. Т. 2–3: 130131].

Но «оказалось: никаких полномочий для серьезных переговоров местные представители Антанты не имеют. Едва ли не по почину местных людей создалась самая идея этого Совещания... Заседание есть лишь безответственный обмен мыслями вслух», вспоминал участник совещания Н.В. Савич из Совета государственного объединения России. Западные представители в Яссах обещали помощь русским силам, но были оторваны от главных политических центров Антанты [Яское совещание, 1918]. «На Парижской мирной конференции, – пишет С.В. Листиков, – сложный “русский вопрос” западные политики метко сравнивали с обитающим в старинном замке кровавым призраком, вызывающем всеобщее отвращение, но требующем постоянного внимания» [Листиков, 2012: 121].

На состоявшихся встречах и конференциях общей позиции достигнуть не удавалось. Мусульманские, славянские, балтийские элиты России, побывав на окраинах двух, даже трех империй, испытав давление имперской системы, на этих встречах

делали выбор в пользу более развитых ресурсов культуры, преодолевали отдаленность, провинциальность, расширяя границы сознания и поведенческих моделей, раздвигая границы нормы. Вопросы этнической истории, исторические мифы народов использовались ими для обоснования места их культуры в общем цивилизационном потоке. Анализировались чужие стратегии, сопоставлялись практики, оценивались внутривнутриполитические шаги в контексте новых вызовов. Конечно, контакты носили амбивалентный характер, вызывая чувство психологического дискомфорта, вызванного деконструкцией исторически апробированного объекта, с которым связывали чувства религиозной общности, сопричастности, сопереживания.

Мнение Особого Совещания при Главнокомандующем ВСЮР об участии новых государственных образований в Парижской мирной конференции 1919 г. выглядело следующим образом: «На мирной конференции Россия должна быть представлена, как единое целое. Представительство отдельных государственных образований, возникших на ее территории, не должно быть допущено. В образовании единого представительства России должны принять все те правительства отдельных ее частей и временных государственных образований, которые, отвергая Брестский договор, со всеми вытекающими из него последствиями, а равно все договоры и акты, заключенные от имени России или ее частей с коалицией центральных держав после 25 октября 1917 г., ведут борьбу во имя Единой России».

На Парижской конференции участвовали в качестве независимых государств делегации от Украины, Азербайджана, Армении, Грузии, Финляндии, Польши, Латвии, Литвы, Эстонии и Дагестана (Северный Кавказ). Федерализм в их политических позициях корректировался в соответствии с международной конъюнктурой, позициями великих держав по конкретному случаю, относящемуся к самоопределению народов России. Отношение к нему превращалось в важную переговорную позицию.

На приеме у представителя Азербайджанской республики А. Топчибашева в Стамбуле 15 ноября 1918 г. украинский посланник в Турции М. Суковкин заметил: «Украина не будет против федерализации отдельных государств, образовавшихся в

разных частях России. Такая федерализация может быть наподобие Штатов С[еверной] Америки. Но нельзя допустить, чтобы снова могло образоваться и существовать единое Российское государство, как раньше. Это немислимо» [Дипломатические беседы, 1994: 145; РГАНИ. Ф. 894. Оп. 10. Д. 151. Л. 12–13]. П.П. Скоропадский, подчеркивая, что Суковкин – это посланник Д.И. Дорошенко, о нем В.В. Зеньковский писал: «Для Дорошенко Россия (или Московия) была просто чужим государством, с которым недобрая судьба приказала пребывать в соседстве; вся русско-украинская проблема заключалась для Дорошенко (по крайней мере, тогда) в том, как отгородиться от России» [Зеньковский, 1995: 137]. Скоропадский отмежевался от такой позиции: «Я хочу лишь широко децентрализованную Россию, я хочу, чтобы жила Украина и украинская национальность, – я хочу, чтобы в этом теснейшем союзе отдельных областей и государств Украина занимала достойное место и чтобы все эти области и государства сливались бы в одном могучем организме, названном Великая Россия, как равные с равным. Я не сомневаюсь, что, чтобы там ни было, так, в конце концов, и будет, но это могло быть теперь, или, по крайней мере, значительно скорее, нежели может быть достигнуто теперь, при создавшихся условиях. А к этому дело шло» [Скоропадский, 1995: 80].

Дипломатический представитель Англии в Стамбуле полковник Тампл острие вопросов концентрировал на основательности претензий на независимую государственность, на имеющиеся к тому культурные ресурсы. Беседуя с посланником Азербайджана А. Топчибашевым, он интересовался: «Ваш народ более развит, чем оттоманцы? *Мы.* Несравнимо».

Тогда Тампл обратил внимание Топчибашева на роль русской культуры в развитии региона: «*Полковник.* В какой период была оккупирована ваша страна? *Мы.* Начиная с 1813 года. *Заместитель.* Не считаете ли вы, что обязаны своим развитием русской культуре? *Мы.* Мы не скрываем, что вначале русская оккупация представлялась для нас благом, но в последнее время – чтобы помешать народу ясно видеть пути своего освобождения – российское правительство беспощадно сдерживало наше развитие» [Дипломатические беседы, 1994: 148].

На встрече А. Топчибашева с бывшим министром иностранных дел Временного правительства П.Н. Милоковым 7 декабря 1918 г. Милоков дезавуировал позицию украинского посланника Суковкина: «Вся власть будет пока сосредоточена ... у ген. Деникина. С этой властью обещал считаться и гетман Скоропадский. Я. Да, читал и пришел к заключению, что Украина больше самостоятельно не желает существовать. Вот даже здесь украинский посланник Суковкин после этого обращения гетмана спустил национальный украинский флаг на своем пароходе "Александр Михайлович" и поднял на нем андреевский флаг. Милоков. Это мы потребовали от украинского правительства и гетмана согласия» [Дипломатические беседы, 1994: 150]. В Яссах Милоков вообще считал, что Россия вернется к монархии [Савич, 1993: 421].

С падением правительства П. Скоропадского Топчибашев имел беседу с новым посланником правительства Петлюры А.Я. Шульгиным. В Стамбуле Шульгин подчеркивал роль изменившихся обстоятельств: «Не забывайте, что тогда жива была идея федеративной России и Всероссийского учредительного собр[ания]. Теперь положение резко изменилось: большевизм русский оттолкнул от России почти все народности, коим нужна взаимная поддержка в деле признания их самостоятельности».

Позиция П.Н. Милокова хотя и менялась, фиксирует Топчибашев: но она касалась оценки культурных ресурсов этнических движений:

«Милоков. Я понимаю, что ваши народы должны были спасти себя и в этих видах образование ваших республик естественно, вы должны были так и поступить. Но, с другой стороны, в образовании ваших республик нельзя не видеть дела рук немцев и их восточной политики за последнее время. Я. По поводу вашего мнения о немцах можно спорить, ибо это вряд ли так, но совершенно верно, что Россия сама ушла от нас, ушли сами войска, ушли власти. Ну, а дальше, какое будет отношение к отделившимся? Милоков. Дальше? Трудно сказать: очень сложно и запутано. Конечно, важно решение самого населения таких частей. Впрочем, для нас сейчас всего важнее центральная Россия. А как вы думаете? Я. Я думаю, что народы уже решили

свою судьбу, и в том числе мы, азербайджанцы» [Дипломатические беседы, 1994: 156].

Топчибашев встретился 5 января 1919 г. и с бывшим российским министром иностранных дел С.Д. Сазоновым, входившем в состав Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР А.И. Деникине.

«Сазонов. Значит, татары на Кавказе, т.е. мусульмане, уже похоронили Россию и поставили на ней большой крест?! Я. Нисколько. Напротив: мы, азербайджанцы, желая идти своей дорогой и жить по своим представлениям и силам, тем самым облегчаем задачи будущей России из чисто русских провинций и с чисто русским населением. Такой России мы всегда будем желать счастья. Затем мы, азербайджанцы, хотели жить в дружном сожительстве с нашими соседями грузинами и армянами и *намечаем образование единой федеративной республики* наподобие швейцарского союза. Сазонов. Вряд ли это окажется возможным: слишком большая разница между народами Кавказа. Особенно с вами не пойдут армяне» [Дипломатические беседы, 1994: 156].

Манифест Совета старейших Эстонского Земского Собора «Ко всем народам Эстонии» 24 февраля 1918 г., объявив Эстонию независимой демократической республикой, признал народами Эстонии, помимо эстонцев русских, немцев, шведов, евреев и других. Им гарантировалось право на автономию их культур. Соответствующие гарантии содержались и в Конституции Эстонской республики. В протоколе заседаний латвийской делегации на конференции от 1 февраля 1919 г. указано: «В меморандуме следует четко сформулировать отношение ведущих наций – немецкой и русской – к латвийскому народу, особо указав на *планы и попытки русификации и германизации*, а также замыслы колонизации. В меморандуме следует особо указать на политические усилия русского общества и возможности для латвийского народа не возвращаться под эгиду России, а *также не федерализоваться, по крайней мере на данный момент*» [Борьба дипломатов за независимую Латвию]. Председателем дипломатической делегации Эстонии был К.Р. Пуста. Литовский поэт Оскар Милашюс (обосновался в Па-

риже с конца 1890-х годов, он изучал ассириологию и семитологию в школе Лувра и в школе Восточных языков), был секретарем делегации Литвы, протоколы 108 заседаний делегации говорят об интенсивности работы [Обзор оцифрованных документов: исторический контекст и источники].

Свои особенности имелись на Украине. Шла активная дискуссия. Активнее других были еврейские общины. Четвертый универсал, принятый 7 января 1918 г., гласил: «Каждая населяющая Украину нация имеет право в пределах УНР на национально-персональную автономию, то есть на самостоятельное образование своей национальной жизни... Закон автоматически распространяется на русских, поляков и евреев».

Было создано Министерство по еврейским делам и Еврейская национальная рада. С апреля 1918 г. Министерство стало подотчетным Раде. После свержения гетмана, Директория в конце декабря 1918 г. воссоздала министерство. На встрече с В.К. Винниченко обсуждался вопрос о статусе и компетенции главы восстанавливающегося еврейского ведомства. Он считал, что глава ведомства должен носить титул «министра по еврейским делам», быть равноправным членом Совета Министров, назначаемым им и ответственным перед ним. Винниченко считал, что для Директории не столь важно Еврейское ведомство, сколько еврейский министр, *полноправный член кабинета, который демонстрировал бы поддержку еврейским меньшинством политики Директории* [Ревуцкий, 1924: 24].

Комитет еврейских делегаций представил 10 июня 1919 г. Парижской мирной конференции меморандум с требованием включить в договоры с новыми государствами особые условия, гарантирующие обеспечение их автономии в сферах культурной, религиозной и общественной жизни. Требование о признании национальных меньшинств политически автономными единицами не было удовлетворено. Обобщающий термин «национальное меньшинство» заменен более ограниченным определением: «лица, принадлежащие к этническим, языковым и религиозным меньшинствам». Выработанный договор о правах меньшинств подписали Польша, содержащиеся в нем обязательства взяли на себя Латвия, Литва и Эстония. В системе международ-

но-правовых актов, зафиксировавших произошедшие в Европе политические и территориальные изменения после Первой мировой войны, немалое место отводилось вопросам защиты прав национальных меньшинств в новообразованных государствах. В соответствии с конвенцией, в конституции новых балтийских государств включены пункты, гарантировавшие политические и культурные права национальных меньшинств, проживавших на территории этих стран. Однако в Польше возобладало мнение, что великие державы вынудили Польшу подписать несправедливый Малый Версальский договор, обвиняя в активной лоббистской деятельности международные еврейские организации и программу президента США В. Вильсона [Гущин, 2003: 15].

Севрский договор выделял отдельную проблему оттоманского имперского наследия. Статья 147 оговаривала права меньшинств: их защищенность законом, право устанавливать этнокультурные институты, а также преподавание языка меньшинств в школах. В силу слабой этнокультурной дифференциации на Востоке эти проблемы затрагивали частично и российские этносы, особняком в них была армянская проблема. Если раньше все мусульмане придерживались ортодоксального мусульманского пути общетюркским языковым сообществом, теперь этнокультурные проекты намечали несколько полюсов влияния и развития. 22-23 февраля 1919 г. в сообщении корреспондента газеты «Азербайджан» опубликована информация о состоявшейся беседе с председателем Башкирского областного совета Ш.А. Манатовым, делегированным на Парижскую мирную конференцию: «Проездом в Париж остановился в Баку представитель Башкирского правительства, член Всероссийского Учредительного собрания, председатель Башкирского областного совета Шариф Монатов, делегированный правительством Башкирии на мирную конференцию. Следует упомянуть, что Ш. Монатовым был подписан акт об автономном управлении Башкирии, изданный областным советом». 20 марта 1919 г. В.И. Ленин, И.В. Сталин, исполняющий обязанности председателя ВЦИК М.Ф. Владимирский, и секретарь ВЦИК А.С. Енукидзе подписали Соглашение Российского рабоче-крестьянского пра-

вительства с Башкирским правительством о советской автономии Башкирии. В печати оно опубликовано 23 марта.

М.Э. Расулзаде, возглавлявший парламент Азербайджана, поддерживал важность выбора этнокультурного (не исламского) фактора: «нация, не уверенная в себе и ожидающая подачек от других, не может жить как нация». Этот выбор волновал многих: модернистские концепции точно вокруг оси вращались вокруг проблемы национальностей. Расулзаде подчеркнул, что «нет нации, называющейся ислам. Счастье этой нации в ней самой, в ее национальном правительстве. Прежде, чем Россия разделится на автономии на национально-территориальной основе, она поделится на несколько автономий – российских тюркотатар, Туркестан, Казахстан, Башкирию и Азербайджан-Дагестан, которые, в свою очередь, образовав тюркскую опору, займутся решением собственно национально-культурных вопросов в форме учреждения» [Гасанлы, 2014: 121; Балаев, 2013: 56]. Министерство народного просвещения и религиозного вероисповедания Азербайджана учреждено 28 мая 1918 г. Решением Совета Министров от 30 июня 1918 г. утверждена структура, состоящая из трех отделов (общее среднее образование, высшее и средне-специальное образование, профессиональные училища). В парламенте во фракцию национальных меньшинств вошли: 1. Кун Л.Я. – немец; 2. Гухман М.А. – еврей; 3. Вонсович С.А. – поляк; 4. Кужум В. – украинец. Помимо представителей от национальных меньшинств участвовали различные партии и объединения [Беккер]. Но дипломатический представитель Азербайджана А. Ахвердов при правительстве Горской республики признавал: число «интеллигентских сил в Союзном Совете весьма незначительно, большинство либо муллы, либо лица, пользующиеся в стране влиянием, благодаря богатству или обширному родству, но никак не политические деятели» [На полное восстановление Союза горских народов, 2012: 153].

Министр образования в Горском правительстве П.Т. Коцев пишет: «идеи коммунизма посеяли раздор в среде религиозных деятелей... Будучи *настоящими националистами* (в правильном понимании этого слова) они не видели истинного лица большевизма. Даже признанные всеми религиозные лидеры Арслан

Шарипов, Аббас Эффендиев стали оружием в руках большевиков» [Коцев, 1994: 20].

Конечно, большинство планов формирования механизмов власти оставалось в мечтах и на бумаге. Член Горского правительства П. Коцев в письме председателю делегации Горского Правительства А.Г. Кантемирову пишет: «надоело топтаться на месте: задачу я понимал так – или действовать активно в интересах защиты идей Горского Союза или уйти. Трусость одних, честолюбие других, корысть третьих, сплетни, провокация самого низкого характера не давали выполнить первую задачу» [ЦГА РСО–А. Р–9. Оп. 1. Д. 13. Л. 83–84 об.; Кармов, Саблиров: 374–398]. Деникин не доверял ингушам, считал их «ландскнехтами советской власти, ее опорой, *не допуская, однако же, проявления ее в своем крае*. Одновременно они старались завязать сношения с Турцией и искали турецкой помощи из Елисаветполя, немецкой – из Тифлиса». Большая часть осетинской элиты поддержали советскую власть, «Кабарда ... смирилась сразу» [Деникин, 1990. Т. 4: 134].

Но премьер-министр Азербайджанской республики Ф.Х. Хойский утвердил председателем делегации в Париж А.А. Топчибашева [Азербайджанская Демократическая Республика, 1998: 116; Алимардан-бек Топчибашев. Письма из Парижа, 1998: 19]. На приеме у В. Вильсона Топчибашев заявил: «Мы могли бы говорить и говорили только о едином Кавказе, о возможной с нами Конфедерации кавказских народов: армян, грузин и дорогих наших соседей-горцев, с представителями коих мы имеем честь сейчас быть у вас» [Текст обращения А.А. Топчибашева].

Делегацию народов Северного Кавказа возглавил А.-М. Чермоев, чеченский нефтепромышленник. Он представлял ЦК Союза объединенных горцев Кавказа, фактически местное национальное правительство, выстроенное по национально-федеративному признаку. В него вошли представители северокавказских элит – карачаевцев, балкарцев, кумыков, караногайцев, туркменов Ставропольской губернии, ставропольских ногайцев, кубанских черкесов, чеченцев и ингушей, осетин и дагестанцев [Первый горский съезд, 1917; Владикавказская конференция, 1917; Про-

граммные документы Союз объединенных горцев, 1996; Музаев, 2007]. Развитие идеологии конфедеративного Кавказа зафиксированы в тайной переписке, секретных документах, в декларациях кавказских политических организаций, участвующих позднее в протеметевском движении [Кавказская конфедерация, 2012]. В.И. Ленин после поездки Чермоева во главе делегации от Горской республики в Париж сказал: «Теперь он собирается сменить чеченский (кавказский) костюм на европейский» [Натаев, 2009].

В Закавказье у азербайджанцев сложилась особая ситуация с их соседями-армянами – народом древней и оригинальной культуры (их религия – особая ветвь христианства), но одновременно – с тяжелой судьбой. Существование в древности армянских царств, воспоминания о них одновременно и грели, и растревляли душу армян в години невзгод, разукрашивалось грезами о будущем. Многие столетия история армян – это история народа без государства, окруженного культурно чуждыми народами, испытавшего множество страданий и унижений. Кто только не топтал армян, даже не борясь с ними, а грабя и сгоняя с места «мимоходом», чтобы «не путались под ногами». Естественно ощущение трагичности «армянской судьбы», комплекс культурного превосходства над соседями и одновременно – страх перед их многочисленностью, острое ощущение униженности своего положения, сложное и амбивалентное отношение к будущему. И смутные надежды на то, что, может быть, судьбу рано или поздно удастся переломить и стать народом, которого соседи будут побаиваться. Азербайджанцы – люди с иной психологией и культурой. Их этнокультурная уникальность девальвируется в их сознании принадлежностью к громадным общностям – мусульманской и тюркской. У них нет ощущения, никогда не покидающего армян, что ты окружен врагами, которые могут тебя уничтожить. У азербайджанцев нет и «великого имперского прошлого», нет и компенсаторных мечтаний о такой империи.

Русская Армения получила приглашение на конференцию, в Париж направились две делегации: одну возглавлял Погос Нубар (от западных армян), вторую – А. Агаронян, председатель Армянского национального совета, провозгласивший независи-

мость Армении 28 мая 1918 г. В ходе конференции из представителей Азербайджана, Грузии и Горской Республики образована смешанная комиссия по вопросу о возможности объединения кавказских республик в один политэкономический союз. Армянская делегация отказалась участвовать в комиссии. А. Ага-ронян заявлял: «У нас дорога шире, а идеалы – великодушные. У вас узко-кавказские интересы, у нас же заботы об интересах всего армянского народа, всей объединенной Армении» [Нифталиев, 2017]. И.Г. Церетели выступал за объединение закавказских народов: «...если будет разрушено внутреннее единство народов Закавказья, – мы будем растоптаны» [Церетели, 1917–18. Т. 2: 100–121]. В Закавказской федерации он видел единственную защиту культур малых народов международной демократией, для чего и присутствовал на Парижской конференции. После встречи с В. Вильсоном Чермоев считал, гораздо проще добиться международного признания Кавказской федерации в целом, чем отдельно каждой республики. «Однажды Чермоеву показалось, – вспоминал в начале 1930-х годов грузинский дипломат З. Авалишвили, – что мечта его о слиянии грузинской, азербайджанской и горской делегаций в одну кавказскую непременно осуществится в конце их одного важного совещания. На сей торжественный случай, было даже припасено несколько бутылок шампанского, выстроенных в ряд на выступе камина в зале совещания. Слияния делегаций, однако, не произошло, и шампанское так и осталось не откупоренным» [Авалов, 1924: 24].

Н. Чхеидзе, И. Церетели, И. Джавахишвили, З. Авалишвили и др., представляя Грузинскую республику, добивались признания ее независимости Парижской конференцией. В докладе, представленном делегацией Грузии конференции 14 марта 1919 г. «вкратце упомянуто» «о древности ее литературных традиций, о высокой степени ее культуры, о ее языке, о достаточно большом количестве образованных людей, компетентных в разных областях жизни государства». В сложных условиях правительство в корне меняло путь развития грузинской культуры. Поддерживались прогрессивные тенденции: национализация, демократизация и европеизация грузинской культуры. Особое значение приобретал синтез грузинской культуры с европейской

культурой. Процесс, сопровождался противоречиями, но шел интенсивно. Успешным проектом правительства была реформа образования. Начальное образование стало бесплатным, всеобщим и обязательным как основа и составная часть средней и высшей школы. Конституцией 1918 г. предусматривалась выдача одежды, питания и школьных принадлежностей беднейшим детям. В 1918 г. началась национализация школ и семинарий. Они объявлены грузинскими государственными школами, обучение происходило на грузинском языке. Что касается церковной политики, Конституция, исходя из принципа отделения церкви от государства, требовала полного отделения школы от церкви, по закону от 26 ноября 1918 г. в школах запрещено преподавание религии. Желающие имели право изучать ее на собственный счет. В правительстве не разрабатывался и не решался ни один вопрос, в рассмотрении которого бы активное участие не принимали представители Тбилисского государственного университета. 18 января 1919 г. при нем создан санитарный институт, который впоследствии положил начало медицинскому институту [Лилуашвили Евгения, 2006: 15].

Образованное в декабре 1918 г. Русское Политическое Соединение в Париже – политическая структура, созданная в Париже в конце 1918 года как объединенное представительство зарубежных структур бывшей Российской империи (вошли уполномоченные правительственными центрами: кн. Г.Е. Львов от Омского правительства, С.Д. Сазонов, министр иностранных дел, представитель командования Добровольческой армии, Н.В. Чайковский, глава Северного Областного правительства и др.) по вопросу о «судьбе тех населяющих Россию национальностей, представители которых в Париже добиваются от союзников признания своей независимости», свои задачи сводило к «признанию восстановления status quo ante bellum в отношении прежних российских владений, за исключением земель, имеющих отойти к независимой Польше» [«Наказ» см.: ГА РФ. Ф. Р–5827. Оп. 1. Д. 93. Л. 1]. Свою «точку зрения» члены делегации выразили в «особой декларации, переданной русскими представителями в Мирную Конференцию 9 марта сего года» [Карпович, 2015: 187–197]. В ней указывалось: новая Россия расположена

удовлетворить законные стремления народностей устроить свою национальную жизнь на самобытных началах. Она мыслит свое восстановление в виде свободного сожительства народов, ее составляющих, на основах автономии и федерации или даже, в некоторых случаях, на началах независимости отдельных национальностей, при условии обеспечения интересов России. «Однако какие бы то ни было окончательные решения в этой области (за исключением Польши, независимость которой была уже признана Временным Правительством) не могут быть приняты в настоящее время без участия и согласия русского народа. Вместе с тем, вполне понимая неотложную необходимость для национальностей создать теперь же временный порядок, который отвечал бы потребностям момента, Россия не возражала бы против признания союзниками созданных отдельными народностями властей – в качестве фактических правительств, поскольку эти власти действительно имеют за собой поддержку населения» [Карпович, 2015: 187–197; S. Sazonoff. Fol. 51–52; Тончибаши А.А. Парижский архив, 2016: 8].

Представитель Русского политического совещания в Париже В.А. Маклаков, обращаясь к дипломатической канцелярии в Екатеринодаре и к Министерству иностранных дел в Омске 11 марта 1919 г. подчеркивал: «Мы не представляем себе будущее России иначе как *свободным* сожительством народов на принципах не только автономизма и федерализма, но даже в некоторых случаях и на условиях, установленных обоюдным соглашением и на началах независимости» [Думова, 1982: 215]. Глава же английской военно-разведывательной миссии С. Хор вспоминал: «Когда заговорили о новых русских границах, Сазонов ответил: "если Россия их и потеряет временно, то она обязательно вновь достигнет их... Какое право русский патриот имеет торговать хотя бы пядью русской земли"» [Кононова, 2001: 71–83].

П.Б. Струве в Париже вручил председателю французского правительства Э.А. Мильерану письмо, в котором высказал идею будущей организации России, которая «должна быть основана на договоре, заключенном между политическими новообразованиями, фактически существующими. Воссоединение различных частей России... *в широкую федерацию должно быть*

основано на свободно заключенном договоре, исходящем из общности интересов» [Врангель, 1992. Ч. II: 189, 190].

Большевики оказались сильными противниками. 16 января 1919 г. Д. Ллойд-Джордж, возражая Ж. Клемансо, говорил: «Неизвестно, кто берет верх, но надежда на то, что большевистское правительство падет, не оправдалась... Большевики теперь сильнее, чем когда бы то ни было, ... их влияние на народ теперь сильнее... Мысль о том, чтобы уничтожить большевизм военной силой, — безумие» [Танин, 1927: 61–62]. Военный министр Англии У. Черчилль 17 июля 1919 г. на банкете британско-русского клуба, говорил: «Россия, милорды и джентльмены, является в настоящее время решительным фактором мировой истории ... Сила Лиги наций будет испытана в русском вопросе» [Генерал А.С. Лукомский, 1922: 250].

Ни одно из белых правительств в годы Гражданской войны, даже в период наибольших военных успехов, дипломатически не признано странами Антанты, за исключением признания де-факто правительства Врангеля в Крыму. Деникин впоследствии горько упрекал союзников: они охотно и торопливо признавали новые государства, возникшие на окраинах России, их этнокультурные программы [Деникин: 81]. Более дальновидные деятели понимали непривлекательность курса на подчинение этнических проблем силовым механизмам решения.

На конференции (18 января 1919 – 21 января 1920) Россия признана страной, побежденной в войне. Российские дипломаты потеряли право международного голоса, союзники не считались с их условиями, настаивали на признании «фактически существующих окраинных государств» [Наумова, 2010: 424427].

К.Н. Соколов считал: союзники «потворствуют» новообразованиям, их политика все дальше «отклонялась от национально-государственной программы» Деникина.

Получил известность и «первый акт дипломатического вандализма, шокировавший даже самих эмиссаров, он учинен главой украинской миссии Григорием Сидоренко прямо во время консультационной встречи грузинских, литовских, латышских и, конечно же, украинских посланников с представителями Антанты: “...Сьому Черчиллю, я йому дам по морді! Що він, сукин син, думає собі, що проводить думку про Єдину Росію. Я його

поставлю на належне місце!»» [Пришва]. Свежая кровь новых элит из окраинных просторов, с петровских времен угрожала петербургскому истеблишменту, разрушала имперские грезы. Трагикомическими неудачниками оказались порою первостепенно одаренные люди. Не лучшая судьба ожидала и их оппонентов в Париже.

Усугубляло ситуацию недоверие союзников друг к другу. Деникин вспоминал, что, по сведениям из французской миссии, главе военной миссии Польши А.С. Карницкому, прибывшему для переговоров с ним в сентябре 1919 г., «даны инструкции настаивать перед командованием Юга на границах "Великой Польши", обнимающих Курляндию с Балтийским побережьем, Литву, Белоруссию и Вольшь». Деникин обратил внимание и на то, что Франция, оказывая материальную поддержку вооруженным силам Юга, Украины, Финляндии и Польши, серьезно относилась лишь к последней. И «только для ее спасения вступила впоследствии в более тесные сношения с командованием юга в финальный, крымский период борьбы» [Деникин, 1990. Т. 4: 172, 180]. С.Д. Сазонов соглашался с ним: «Польша очутилась в положении государства, лежащего между двух соседей, более ее сильных, из которых каждый считает себя ею оскорбленным. Ее третий сосед, Литва, хотя сам по себе менее опасный, но вновь призванный к государственной жизни при тех же обстоятельствах, как и она сама, еще более остальных потерпел от ее неудержимого империализма. Европа признала Литву самостоятельным государством в границах, близко подходящих к ее этнографическому составу» [Сазонов, 2002: 127].

На границах двух распадающихся империй – Российской и Османской, проблема федерации испытывала влияние европейских политических традиций. Упразднив Османский султанат и халифат, М. Кемаль ликвидировал имперскую традицию. Он ориентировался на французскую модель нации: «Наша мысль должна работать не в духе летаргической ментальности прошлых веков, а в соответствии с представлениями о скорости и действии нашего века», – указывал Ататюрк. С. Хантингтон признавал: идеалы кемализма были даже более проевропейскими, чем настроения в самой Европе тех лет [Хантингтон, 2003: 603]. Главным содержанием светских реформ Ататюрка стали гражданские гарантии свободы совести и вывод культуры и об-

разования из-под контроля религии. Тем не менее, оставалось и представление о практиках европейских политических институтов, в том числе и государственного устройства как о враждебной или, по крайней мере, чуждой силе. Эта сила виделась угрозой тюркскому единству, представление об угрозе усилено «севрским комплексом». Севрский договор, подписанный 10 августа 1920 г., предусматривал раздел Османского наследия между различными этническими общинами. Он остался болевой точкой тюркского коллективного сознания, болезненно отразившимся и на этнокультурных проектах, реализуемых в Закавказье.

Статья 117 Версальского мирного договора ставила под сомнение легитимность большевистского режима в России и обязала Германию признать договоры и соглашения союзных и объединившихся держав с государствами, которые «образовались или образуются на всей или на части территорий бывшей Российской империи».

Тезис о предоставлении национально-персональной автономии меньшинствам, проживающим в Беларуси, впервые изложен в Декларации белорусской делегации как официальном документе на советско-германских переговорах в Бресте в январе 1918 г. В Исполнительный Комитет Белорусской Рады уже вошли представители национальных меньшинств, среди которых были социал-сионисты, еврейская социал-демократическая партия Поалей-Цион. Во второй Уставной грамоте указывалось и на равноправие языков. Тексты грамот опубликованы и на идиш. Предполагалось провести перепись населения, выяснить численность белорусов, поляков, литовцев, украинцев и прочих национальностей [НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 19. Л. 29, 30].

Первый народный секретарь просвещения БНР картограф и экономист А.А. Смолич инициировал создание в апреле 1918 г. Комиссии для разработки предложений по реформированию образования и созданию белорусского университета. В нее вошли Е.Ф. Карский, М.В. Довнар-Запольский, сам А.А. Смолич и другие ученые с опытом университетского администрирования. Активно работали историк М.В. Довнар-Запольский и бывший ректор Варшавского императорского университета Е.Ф. Карский.

25 марта 1921 г. в день трехлетия провозглашения Белорусской Народной Республики, в Ковно председатель Рады П.А. Кри-

чевский приветствовал нового члена белорусского правительства министра национальных меньшинств С. Житловского. С. Житловский благодарил за честь войти в состав правительства: «Я желаю принять участие в этой работе как уроженец и как еврей... Мы, евреи, знаем, что сила не во временном подавлении чужой свободы, а в стремлении самого народа к свободе» [НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 112. Л. 162–163].

С. Житловский рассказал об официальном договоре, подписанном в конце марта 1921 г. правительством Белоруссии и министром. Основой акта являлись семь пунктов, характеризующие права евреев в БНР: 1. Две нации являются доминирующими — белорусы и евреи, которые объединяются для работы в Белорусской Республике. 2. Евреи имеют полное равноправие в культурном и религиозном отношении и т.п. Значение договора С. Житловский охарактеризовал как один из немногих в мировой практике официальных актов, признающий равенство евреев с другими национальностями [*Герасимова*]. Недавно И. Герасимова опубликовала проект договора, ранее известный лишь из текста парижской газеты „Еврейская трибуна” от 10 июня 1921 г. под заголовком «Права евреев в Беларуси» [НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 119. Л. 6].

Но сохранялось недоверие, множились межнациональная напряженность и конфликты. Не лучшие человеческие эмоции поощряли национальные предрассудки и племенную жестокость. Еврейские погромы были неотъемлемым элементом Гражданской войны: О. Будницкий приводит данные о 100 тысячах их жертв на Украине [*Будницкий*, 2005: 128]. Агентурная разведка 1-й большевистской армии сообщала в 1919 г.: в лагере противника «мусульманам доверия нет, их всегда посылают в передних цепях, сзади ставят пулеметы; среди мусульман за последнее время наблюдается сильное дезертирство» [*Аманжолова*, 2009: 40]. Осведомительный отдел штаба колчаковских войск указывал: «киргизы, обманном путем привлеченные на службу в красноармейские части, ... массами дезертируют. На этой почве постоянные столкновения Красной армии с киргизами» [Вперед. 1919. 28 июня].

Многие оказались между молотом и наковальней. Общая цель: свержение большевиков отодвигала реализацию реальных проектов и объективно ее затрудняла.

Белые режимы все больше опирались на правые политические силы – и закономерно сужали самостоятельность входивших в сферу их влияния национальных элит и их организаций. Военно-политический прагматизм сокращал внимание к этнокультурному фактору как демократическому потенциалу политики, к дифференцированному и гибкому курсу. Грузинский федералист З.Д. Авалишвили из беседы с К.Н. Соколовым в Париже вынес впечатление: белые больше надеялись на армию и меняли свои взгляды в зависимости от ее успехов: «Последняя призвана была установить то соотношение сил, которое позволит России решать все вопросы по-своему ... В предвкушении этого поворота событий правительство ген. Деникина недооценивало всех весомых и неважных причин, входящих в состав грузинского и вообще кавказских и других окраинных вопросов» [Авалов, 1924: 121]. Он вспоминал разговор в октябре 1919 г. в Париже «с одним видным русским дипломатом». Речь шла о процессе восстановления России. Успехи армии генерала Деникина казались в тот момент значительными, деникинцы овладели Орлом и угрожали Москве. «Теперь, говорил мой собеседник, девяносто шансов из ста, если не все сто, что восстановление России с юга закончится успешно... Украинский вопрос как-то исчезает – самостоятельность сходит на нет. О белорусском можно не говорить... Граница с Польшей? Это вопрос будущего. Пока как-нибудь обойдемся. *Соберется Россия с силами, и будет видно.* Независимость Финляндии будет нами признана, надеюсь, теперь же. Что касается балтийских государств, то хотя многие там действуют так, как если бы Россия окончательно сгинула, но и там ведь имеются люди, знающие действительно Россию. Бессарабия? Мы допускаем плебисцит в южной части. Румынскую точку зрения мы все же провалили здесь в Париже. – *Ну а в Грузии, допустили ли бы вы плебисцит?* – Я лично не вижу оснований к обратному» [Пученков, 2012: 212].

Усиливалось разочарование международными институтами, но не уменьшались амбиции элит. Оккупационные режимы и общая атмосфера вызвали резкое обострение межнациональных конфликтов [Грациози, 1997: 163]. Победы Красной армии заставляли национальных лидеров склоняться к признанию со-

ветской власти. Они, примыкая к побеждающей стороне, формировали с Москвой большевистский федеративный проект.

Сталин в дни работы Парижской мирной конференции намеком не обмолвился о собственных проблемах подходах к федерализму, но выделил преимущества его основы: большевистскую доктрину: «Здесь, в нашем лагере, Советская Россия с *молодыми советскими республиками*, с нарастающей пролетарской революцией в странах Европы, но без капиталов, без испытанных агентов, *без опытных администраторов*, зато с опытными агитаторами, умеющими зажечь сердца трудящихся освободительным огнем... *Эстляндия и Литва, Украина и Крым, Туркестан и Сибирь, Польша и Кавказ, наконец, сама Россия* — не самоцели, а *лишь арена борьбы*, смертельной борьбы двух сил: империализма, стремящегося укрепить ярмо рабства, и социализма, борющегося за освобождение от рабства» [Сталин. Т. 4].

«Ряд вопросов из нашего недавнего прошлого, уточнит М. Чокаев в 1933 г. в письме одному польскому советологу, — освещен так, что все выходит "наоборот". Старые источники или запрещены, или же просто уничтожены. Прошлое изучается по большевистскому "новому" освещению. Получается так, что победа большевиков в нашей стране является не результатом вторичного завоевания *русскими вооруженными силами*, а вполне логическим и законным следствием "классовой борьбы" под ленинским знаменем» [Чокаев, 2001: 43].

В историографии Гражданской войны создано множество нарративов. Анализ борьбы, ее логики никак не «балансируют» общую ее историю, в ней трудно примирить историю борьбы за разные проекты устройства многонациональной страны. Ранее историки ограничивались анализом практик большевистской доктрины, но в Гражданской войне шла борьба и за другие проекты будущего российских этносов. Потому-то в Гражданской войне обстоятельства вылились в нарративы, рассказанные разными голосами, связанными с борьбой разных этносов с авторитарной властью (бывшей или будущей) в разных ее изводах. В таком подходе несомненно увеличилось число политических субъектов, боровшихся за реализацию своих идеалов. Для сил, противостоявших большевикам, общероссийских и националь-

ных, весомой целью было то, как будет учтен в государственном устройстве России этнический фактор.

Список литературы

- Авалов З.* Независимость Грузии в международной политике 1918–1921 гг. Воспоминания. Париж, 1924.
- Аветисян Г.* К вопросу о "Кавказском доме" и пантюркистских устремлениях // Этнические и региональные конфликты в Евразии. В 3-х кн. М.: Весь мир, 1997.
- Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Внешняя политика. (Документы и материалы.) Баку. 1998.
- Алимардан-бек Топчибашев.* Письма из Парижа. Донесения председателя делегации Азербайджанской Республики на Парижской мирной конференции. Составитель и автор предисловия В. Кулиев. Баку. 1998.
- Аманжолова Д.* На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы, 2009.
- Балаев А.* Мамед Эмин Расулзаде. На чужих берегах (1922–1943). М., 2013.
- Башкирское национальное движение 1917–1920 гг. и А. Валиди / Сост. И.В. Кучумов. Уфа, 1997.
- Белый архив. Т. 2–3. Париж, 1928.
- Беккер М.* Межнациональный диалог в контексте политического опыта Азербайджанской Демократической Республики 1918–1920 гг. <http://stj.sam.az/post/>.
- Борьба дипломатов за независимую Латвию: протоколы Парижской мирной конференции <http://rus.lsm.lv/statja/analitika/analitika/borba-diplomatov-za-nezavisimuyu-latviyu-protokoli-parizhskoy-mirnoy-konferencii.a220853/>.
- Брест-Литовск (из мемуаров Оттокара Чернина) / Архив русской революции» издаваемый И.В. Гессеном, б. м., 1921. Т. II.
- Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005.
- Владикавказская конференция Юго-Восточных областей 16–21 октября 1917 года. Владикавказ, 1917.
- Вперед. 1919. 28 июня.
- Врангель П.Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 – ноябрь 1920 гг.). Ч. II. М., 1992.
- Гасанлы Дж. П.* Али Мардан-бек Топчибашев. Жизнь за идею. М., 2014.

- Генерал А.С. Лукомский.* Воспоминания. Берлин, 1922. С. 250.
- Герасимова И.* Евреи и Белорусская Народная Республика // kamunikat.fontel.net 00:08 11/11/2015.
- Грациози А.* Большевики и крестьяне на Украине. 1918–1919 годы. М., 1997.
- Гущин А.В.* Польша и защита национальных меньшинств по международному и внутреннему праву 1919–1934 гг. Автореф. канд. дисс. М., 2003.
- Деникин А.* Мировые события и русский вопрос. Париж, 1939.
- Деникин А.И.* Очерки русской смуты. М., 1990. Т. 4.
- Деникин А.И.* Поход на Москву. Белое движение: начало и конец. М., 1990.
- Дипломатические беседы А.А. Топчибашева в Стамбуле (записи чрезвычайного посланника и полномочного министра Азербайджанской Республики). 1918–1919 гг. Баку, 1994.
- Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982.
- Зеньковский В. Пять месяцев у власти. Воспоминания. М., 1995.
- Известный и неизвестный Заки Валиди (В памяти современников) / Сост. А. Юлдашбаев. Уфа, 2000.
- Кавказская конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения "Прометей". Сб. документов. М., 2012.
- Кармов А.Х., Саблиров М.З.* Жизнь и общественно-политическая деятельность П.Т. Коцева // ИВ КБИГИ. Вып. II. Нальчик, 2005.
- Карпович М.М.* Русское политическое совещание в Париже, 1919 г. Публ. А.В. Смолина // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. Санкт-Петербургский университет. 2015. № 14.
- Кононова М.* Деятельность дипломатов царского и Временного правительств в эмиграции в 1917–1938 годах // Международная жизнь. 2001. № 9–10.
- Коцев П.* Свобода не дается без жертв. Из истории Горской республики // Наш Дагестан. 1994. № 172–173.
- Лилуашвили Евгения.* Грузинская культура и Тбилисский государственный университет в 1918–1921 годах. Автореф. канд. дисс. Тбилиси. 2006.
- Листиков С.В.* Версаль и «русский вопрос»: идея «окружения» Советской России и ее эволюция /Версальская система и современность. Сб. ст. СПб. 2012.
- Меморандум, предъявленный находящимся в Константинополе почетным представителям держав Антанты, членом правительства Азербайджанской республики, Чрезвычайным министром-посланником при правительствах Блистательной Порты Армении и Грузии Алимардан-беком Топчибашевым (ноябрь 1918 г.). Баку, 1993.

- Музаев Т.М.* Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа. М., 2007.
- «Наказ» русской делегации на Версальской мирной конференции, разработанный С.Д. Сазоновым и генералом Деникиным см.: ГА РФ. Ф. Р–5827. Оп.1. Д. 93. Л. 1.
- «На полное восстановление Союза горских народов они смотрят скептически». Доклад дипломатического представителя Республики Азербайджан при Горском правительстве. 1919 г. // Исторический архив. 2012. № 4.
- НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 19. Л. 29, 30.
- НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 112. Л. 162–163.
- НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 119. Л. 6.
- Наумова Н.И.* Автономизм и федерализм в идеологии и политике белого движения (1918–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281.
- Наумова Н.И.* Национальные проблемы и их решение в мемуарах К.Н. Соколова «Правление генерала Деникина» / Документ как социокультурный феномен. Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Томск, 29–30 октября 2009 г.). Томск, 2010.
- Натаев С.* Тапа Чермоев. Вехи судьбы // Молодежная смена. 2009. 9 декабря.
- Ницталиев И.* Армянские капризы на Парижской мирной конференции // Каспий. 2017. 20 июля.
- Нольде Б.* Итоги 1917 года. Брестские переговоры и Брестский мир // Вестник Европы. 2001. № 2.
- Обзор оцифрованных документов: исторический контекст и источники. Укрепление Литовского государства на международной арене в 1918–1924 гг. http://valstybingumas.lt/RU/saltiniu-apzvalga/diplomatija/Pages/default.aspx#_ftn6.
- Первый горский съезд 1 мая 1917 года. Сост. Б.К. Далгат. Владикавказ, 1917.
- Пришва Р.* Агония Первой Украинской Республики и уроки ее крушения <http://hvylyya.net/analytics/history/agoniya-pervoy-ukrainskoy-respubliki-i-uroki-ee-krusheniya.html>.
- Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. – 1917 г.). Сборник документов. Вып. 2. Сост. В.М. Фомин. М., 1996.
- Пученков А.С.* Национальная политика генерала Деникина. СПб., 2012. РГАНИ. Ф. 894. Оп. 10. Д. 151. Л. 12–13.
- Ревуцкий А.* В тяжелые дни на Украине. Заметки еврейского министра. Берлин, 1924 (на идиш).

- Русское прошлое. Историко-документальный альманах. СПб., 1992. № 3.
- Савич Н.С.* Воспоминания. СПб. – Дюссельдорф, 1993.
- Сазонов С.Д.* Воспоминания. Мн., 2002.
- Скоронадский П.П.* Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918. Київ – Філадельфія, 1995.
- Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская Республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы. Отв. ред. А.И. Османов. Махачкала, 1994.
- Сталин И.* Два лагеря / Соч. Т. 4.
- Тайны национальной политики ЦК РКП. Стенографический отчет секретного IV совещания ЦК РКП. 1923. М., 1992.
- Танин М.* 10 лет внешней политики СССР. М.–Л., 1927.
- Текст обращения А.А. Топчибаева к президенту США В. Вильсону во время аудиенции в Париже 28 мая 1919 года // CERCEC. ENESS. Archives d'Ali Mardan-bey Topchibachi. Carton № 4/1.
- Тоган А.В.* Не сочтите за пророчество (Письма, обращения, выступления) / Перевод и составление А. Юлдашбаева. - Уфа, 1998.
- Топчибаши А.А.* Парижский архив 1919–1940. В 4 кн. – Кн. 1. 1919–1921. Составители Г. Мамулия и Р. Абуталыбов. Введение, перевод и примечания Г. Мамулия. Научный редактор И. Агакишиев. М., 2016.
- Тормыш. 1918. 4 января.
- «Физиономия российской революционной демократии до сих пор остается неопределенной»: Стенограмма заседания Демократического совещания по национальному вопросу. Сентябрь 1917 г. Публ. Т.Ю. Красовицкой и А.П. Ненарокова // www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003.
- ЦГА РСО–А. Р–9. Оп. 1. Д. 13. Л. 83–84 об.
- Церетели И.* Речи. Т. 1–2. Пг. Тифлис, 1917–18. Т. 2.
- Чернин О.* В дни мировой войны. Мемуары. М. – Пг., 1923.
- Чокаев М.* Отрывки из воспоминаний о 1917 г. Токио – М., 2001.
- Яское совещание 1918 (журналы заседаний Русской делегации). – СПб., 1992. Кн. 3.
- S. Sazonoff, prince Lvoff, N. Tchaikovsky, W. Maklakoff.* A Monsieur le président de la conférence de la Paix. Paris, 9. 3. 1919 // Archives du ministère des Affaires étrangères. Correspondance politique et commerciale. 1914–1940. Série Z (Europe). Dossier № 794 (Russie). Fol. 51–52.

ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ОТ РОССИЙСКОГО К СОВЕТСКОМУ

*Д.А. Аманжолова,
Т.Ю. Красовицкая,
В.А. Тишков*

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС В ТРАНЗИТНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В современной историософской оценке России как цивилизационно-культурной целостности философы и политологи склонны обвинять большевистскую диктатуру и тиранию сталинизма, абсолютизировать их роль в радикальном разрыве с существовавшей петровско-пушкинской европейской имперскостью. Философ В.К. Кантор считает: «Парадокс заключался в том, что разбудившая и будоражившая эту стихию интеллигенция не понимала исторического смысла своих усилий: полагая обогнать Запад, большевики обрушили Россию и еще не закрывшуюся черную дыру первого сбоя России на пути к цивилизации – в бездну бесправной жизни, восстановив принципы монгольской тирании» [Кантор, 1997: 8]. Действительно, когда речь заходит о советском периоде отечественной истории, расхождения в оценках становятся более резкими, ситуация с понятиями народ-нация-государство – более смутной.

С точки зрения этнографического метода и с точки зрения более приземленной науки социально-культурной антропологии такие большие категории, как «цивилизация», «исторические» смысл, стихия, сбой, бездна или судьба не являются операциональными категориями научного анализа. Хотелось бы взгля-

нуть на Россию все же более рационалистично, с помощью исторических фактов. Действительно, не только страна с ее территорией и политическим строем, но и ситуация с периферийными национализмами и с общенациональной идентичностью существенно поменялись после октября 1917 г. Война, новая власть и ее идеология, внутригражданские коллизии, дезинтеграция и экономическая разруха стояли у истоков нового государственного образования. Новое государство хотя и сохранило почти всю прежнюю территорию под своим контролем, но обрело новое название, новую столицу, новую топонимику, символику и календарь, новую идеологию. Последнее особенно важно для анализа содержания категорий *народ* и *нация*, а тем более для изучения идентичности.

Идентичность российского народа перешла нам в наследство от «советского народа». Нынешние конструкторы субъективных предписаний (политики, ученые, журналисты, деятели культуры) сторонятся представления о российском народе как о гражданской, исторической и социально-культурной общности в отличие от повседневных проявлений общности на уровне профессиональных, родственных и местных коллективов, которые они готовы признавать и демонстрировать.

Меж тем, если внимательно всмотреться в историческую действительность, то 1917 год подытоживал интеллектуальную работу по осмыслению проблемы «идеального отечества» как отечества именно российского, а не имперского.

Имперское отрицало свое родство с большинством своего этнического спектра. Большое раздражение вызвала не только расширительная трактовка, но и фундаментальная двусмысленность использования в империи правовой и обиходной категории «инородец». Как известно, в Российской империи в XIX в., благодаря М.М. Сперанскому, юридически закрепился термин «инородцы», обращенный, прежде всего, к народам Сибири. Известный этнограф Л.Я. Штернберг в 1910 г. отметил различия в понимании и использовании термина властью и этническими сообществами: «Термин *инородец* понимается на языке правительства и националистической прессы в двояком смысле – политическом и технико-юридическом. В политическом и глав-

нейшем значении этого слова основным признаком инородчества является *язык*. Только население, говорящее на великорусском наречии, имеет привилегию на звание русского народа. Ни раса, ни даже религия, ни политическая лояльность не играют существенной роли. Поляки, будучи славянской крови, говоря на славянском диалекте, все же считаются инородцами. Грузины, хотя и православные, все же остаются инородцами. Даже украинцы, родные братья по крови с великороссами, такие же православные, как последние, но имеющие дерзость говорить на собственном малорусском наречии, хотя и столь близком великорусскому, не перестают во многих отношениях считаться на положении инородцев. Остзейские немцы, славящиеся своей лояльностью, остаются такими же инородцами, как и “бунтовщики” поляки. Но русские сектанты, даже самые яростные враги православия, даже самые подозрительные в глазах правительства по своим социальным учениям, но сохранившие великорусский говор, остаются неизменно в списках настоящего русского народа. И всем хорошо известно, что за этой классификацией кроется серьезная политическая сущность, целый комплекс политических отношений огромной важности» [*Штернберг Л.* Инородцы: Общий обзор, 1910: 531].

В обиходном употреблении термин применялся ко всем подданным Российской империи неславянского происхождения. Формально юридически он относился к перечисленным в законе этническим группам русских подданных неславянского происхождения. Первоначальное значение его в официальном применении, например, к образовательной практике, распространялось на этносы, которые имели такой юридический статус, ограничивая им доступ к образовательным ресурсам на родном языке. Понятие указывало и на важность лояльности власти. Являясь показателем уровня цивилизованности народов, трактовка юридически выделяла чужеродность, воспринимаемую угрозой, реальной или воображаемой, безопасности Империи и русского народа. Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов, утверждённый ВЦИК 10(23) ноября 1917 года и одобренный СНК 11(24) ноября 1917 года, покончил с понятием «инород-

ства». До настоящего времени он не отменен в Российской Федерации и в бывших союзных республиках.

Важную роль играло совершенствование дисциплинарной матрицы политических наук в системе имперского высшего образования. Начался синтез политических наук: сближалось содержание учебных курсов политических наук и наук о государстве (государствоведение), что привело к существенной перегруппировке интеллектуальных сетей [Топычкалов, 2014: 141–158].

Мультикультурное разнообразие, политическая, экономическая, культурная и социальная жизнь полиэтнических областей были далеки от простоты. Вплоть до начала XX в. «Этнографическая карта Европейской России» 1875 г. А.Ф. Риттиха служила основным пособием для изучения расселения народов России. Из отечественных ученых сбором картографического материала занимался Г.Е. Грум-Гржимайло, Н.М. Пржевальский и будущий активист Белого движения П.Н. Краснов. Созданием карт увлекались многие российские гуманитарии, исследующие жизнь российских окраин (М. Грушевский, М. Довнар-Запольский, Е. Карский, В. Бартольд и др.). Особого внимания требовали многослойные зоны контактов, различия и континуитет людей, их воззрения и отношение к истории формирования пограничных областей [Маловичко, Покотилова, 2003: 201; Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь, 2005: 129].

В академических кругах имела успех роскошно изданная на русском языке книга Ф. Ратцеля (1844–1904 гг.), родоначальника науки о взаимосвязи природного ландшафта и человеческого поведения [Ратцель, 1904]. Актуальным в ней оказалось положение о взаимосвязи территории («почвы») и населения («народа»), из которой рождаются государства. Это была серьезная интеллектуальная посылка, рожденная на стыке академической науки и практической политики. География модерна, вдохновленная Великими географическими открытиями и успехами физической географии, постулировала существование мира как единого целого, своим когнитивным усилием создавала картину адекватности картографических проекций этнографическим реалиям. Налицо проявлялся поворот, обусловленный модерном, с

одной стороны, к проблеме, обусловленной развитием самого научного знания, с другой стороны, общественный поворот, детерминированный характером социальных изменений.

В сентябре 1910 г. была образована Постоянная комиссия по составлению этнических карт России. Председателем стал академик С.Ф. Ольденбург. В конце 1913 г. в ее составе работали два отдела: 1) Европейской России и Кавказа и 2) Сибири и Туркестана.

Из-за политических событий (Первая мировая война, революция) Постоянная комиссия не завершила составления этнических карт, но возбудила интерес к ним активистов на местах, к поездкам членов Комиссии по стране. Усиление внимания к этнической картографии превратило ее в предвестника Комиссии по изучению племенного состава населения России (КИПС). В нее вошли многие члены Постоянной комиссии [Лисячин, 2003]. Исследования ученых нашли своего потребителя в бурные месяцы 1917 года. Это были члены национальных партий и комитетов, возникших в разных этнических средах [Красовицкая, 2015].

Подходы к восприятию проблем, связанных с этническими границами, в немалой степени зависели от состава национальных комитетов, политических взглядов и ориентаций их членов, их образования, уровня развития тех или иных этносов, научного авторитета и политического настроения привлекаемых экспертов. Февральская революция явилась переломным этапом в развитии идеи национальной государственности. Но потеря политической независимости тюркских государственных образований, *отсутствие мусульманского двора как социального заказчика* исторических произведений были основной причиной забвения картографических жанров исламской историографии в Поволжье и Приуралье [Зайцев, 2009]. Отношение украинских политических элит к идеям федерализма питала мощная интеллектуальная традиция, которая вела отсчет от Кирилло-Мефодиевского братства, и реальный уровень включения части местной элиты в национальный проект. Решимость УЦР добиваться своих правомочий другим национальным комитетам казалась перспективной.

Когда под воздействием февральских событий 1917 г. встал вопрос о самоопределении Беларуси, проблема этнических, а впоследствии и государственных границ стала одной из важнейших. Соседям белорусов – полякам «идеальное отечество» представлялось в границах 1772 года. С этим вряд ли могли согласиться деятели Белоруссии, Украины, да и Литвы, при обсуждении территории юрисдикции [*Грушевский*, 1880]. Могилевский белорусский национальный комитет требовал включить в «свои земли» Белосток, Двинск и Вильно, что вызывало противоречия с Польшей, Латвией и Литвой. Для уточнения этнографических границ комитет создал специальную комиссию известных ученых, в чьих работах пространству отводилось внимание как потенциалу саморазвития, фактору политического развития государств, народов. В комиссию вошли ректор Московского университета М. Любавский, академик А. Шахматов, исследователь национальной и культурной самобытности белорусов М. Довнар-Запольский [*Митрофан Довнар-Запольский*, 1908], академик Е.Ф. Карский, сторонник идей западнорусизма. Работы Карского, впервые подняв проблему этнических границ, положили начало белорусоведению. Он даже составил этнографическую карту Беларуси в 1903 г., обозначив этническую территорию, в которой белорусы составляют абсолютное или относительное большинство [*Карский*, 1903; *Брыгадзін, Ладысеў*, 1998: 70; *Павлова*, 1999; *Колосов, Мироненко*, 2001: 301–303; *Беспамятных*, 2007; 25, 30, 46.]. Труды КИПС она переиздана в Петрограде в 1917 г. [*Карский*, 1917] Правду сказать, Карский не мог предугадать, какую роль эта карта будет играть в руках большинства политиков первой половины XX века! Вспоминают, что первый руководитель Белорусской ССР А.Г. Червяков всегда носил эту карту в кармане и извлекал ее оттуда при первой же надобности [*Зинова, Швецов, Горецкий*].

Среди ученых не было единства в этом вопросе. М.К. Любавский не связывал образование Литовского государства с немецким влиянием, в отличие от историков юридической школы, а считал его результатом развития внутренних экономических и социальных отношений [*Топычканов*, 2014: 291–302]. К исследованиям М.В. Довнар-Запольского сложно относиться

часть профессоров Московского университета [Довнар-Запольский, 1895; Польско-Литовская уния на сеймах до 1569 г.: Исторический очерк, 1897; Акты Литовско-Русского государства, 1899; Спорные вопросы в истории Литовско-Русского сейма, 1901]. «Я совершенно правильно поступил, заняв пустую, за уходом Кизеветтера, кафедру, – записал в дневнике 12 марта 1917 г. М.В. Богословский, не приветствуя занятия «областными историями». – Если бы я ее не занял, был бы на нее посажен Довнар-Запольский ... и расплодил бы здесь свою школу» [Богословский, 2011]¹.

Любопытно: два «патриарха» исторической науки – украинской и белорусской – Грушевский и Довнар-Запольский – стали двумя антиподами, не нашли общего языка. Грушевский считывал на нового соратника и благожелательного рецензента украинских национально-исторических проблем. Но у Довнар-Запольского уже сложились национально-белорусские убеждения, он опробовал их в этнографических и историографических исследованиях Беларуси, в публикации памятников национальной литературы, организации исследовательских и просветительных структур. Грушевский же упрекал его в «российско-центризме» [Ульяновский, 2002; Киштымов А., Лебедева В.М. Довнар-Запольский и М. Грушевский: Встреча на страницах «Записок наукового товариства імені Шевченка», 2007: 35; Довнар-Запольский, 1910].

Впрочем, рассмотрение общей истории народов в цельном виде требовало анализа всей совокупной сложности русско-польских, русско-литовских, русско-немецких или русско-турецких отношений.

В Закавказье проблема размежевания этнических территорий была еще острее, прошла несколько этапов завоеваний разными государствами, начиная с античности, и имела свою специфику. Достижения в отечественном кавказоведении представлены исследованиями, которые не утратили научного значения. Касаясь истории формирования имперского влияния на Кавказ

---

¹ В 1918 г., после провозглашения Белорусской народной республики (БНР) Довнар-Запольский активно поддержал ее, в апреле 1918 г. поступил на дипломатическую службу Рады БНР.

академик Н.Ф. Дубровин отмечал: об этом крае написано такое обширное количество литературы, какое не имеет «ни один уголок ... отечества» [Дубровин, 1871. Т. 1. Кн. 1: 14]. Фундаментальные обобщения В.А. Потто, Р.А. Фадеева, П.И. Ковалевского, Н. Романовского, М. Острогорского, Б. Эсадзе и др. включали события военной истории, связанные с вхождением Кавказа в состав России [Матвеев, 1998: 7–36].

К 1917 г. в сложившемся на Кавказе региональном контексте исследований прослеживалось наличие «целостного историко-культурного облика», имевшего «внутри одного государства» ряд отличительных черт. Корифеям русского кавказоведения было очевидно: при разноплеменности и разноязычности, при сложности этнической истории Кавказа, включавшей массовые передвижения народов, процессы ассимиляции, интеграции, этнокультурного взаимодействия, народы Кавказа сохраняли общность и конвергентность (сближение) этнокультурного развития. Это продвигало изучение пространства кавказоведческих проблем, не ограничиваясь контекстом одной этнической среды. В сопоставительном ряду прослеживалась этнокультурная вариативность явлений или субъектов, допускалась возможность объяснения явления одной этнической культуры через однотипные явления другой.

Комплексный, междисциплинарный подход к русскому кавказоведению присущ этносоциологическим трудам М.М. Ковалевского [Миронов, 2006]. Ему удалось ввести и обосновать российский вариант этносоциологии и антропологии. М.О. Косвен высоко ценил деятельность дореволюционных этнографов-осетин: «В результате этнография оказывается одной из наиболее развитых отраслей всего дореволюционного кавказоведения» [Косвен, 1962: 270]. Этнические границы рассматривались на фоне истории, археологии, фольклористики; археологическое решение вопроса подкреплялось живыми данными этнографии и лингвистики, опирались на понимание того, что физические носители данного языка жили в определенной этнокультурной среде.

Поэтому дореволюционные кавказоведческие труды практически невозможно отнести к какой-либо одной отрасли гуманитарного кавказоведения. С.А. Панарин указывает, что ограни-

чение региона морями с Востока и Запада, разделение Большим Кавказским хребтом сделало Кавказ мостом между Севером и Югом. Мост этот ориентировался первоначально на контакт с Югом, однако приход на Кавказ России привел к переориентации его на Север [Ланарин, 2001: 35–46]. «Ошибочно было бы думать, – говорилось в передовице газеты «Ачыг Сез» от 9 июля 1917 г., – что народы Кавказа не стремятся к национальному самоопределению. Только работы в этой области отличаются пассивностью, что является продуктом инертного отношения к данному вопросу нашей интеллигенции. Нам, конечно, не приходится брать примеры с Польши или с Украины в смысле самоопределения, но, тем не менее, работа в этом направлении нужна» [Волхонский, Муханов, 2007; Кипкеева, 2002].

Проблема территориального разграничения национальностей на Южном Кавказе обсуждалась на заседаниях Озакома с участием депутатов от Южного Кавказа бывшей IV Государственной думы. 16 апреля 1917 г. в Тифлисе на совещании национал-демократов, меньшевиков и социалистов-федералистов после обсуждения вопроса о границах Грузии был принят тезис о бесспорных и спорных территориях. Бесспорной решили считать территорию, где грузины составляли большинство населения. Спорные территории – окраинные районы, где они не составляли большинства [Ментешаивили]. Вопрос об их будущем устройстве должен решаться опросом и референдумом местного населения. Такой принцип «не давал возможности при размежевании между Грузией, Арменией и Азербайджаном исходить из принципа исторической принадлежности» [Ментешаивили]. В июне 1917 г. VI съезд меньшевиков Южного Кавказа признал: границы территориального самоуправления должны быть установлены по принципу реального расселения национальностей. При изменении национальных границ должен быть проведен референдум в тех местностях, которые являлись спорными [Мустафаева, 2013: 375–380].

Кавказская секция КИПС, возглавляемая Н.Я. Марром, начала работу в апреле 1917 г. и должна была на *исторической основе* готовить новую реформу административно-территориального устройства демократической России. Марр умел к целому комплексу кавказоведческих проблем подойти с

новых методологических и концептуальных позиций. КИПС исходила из устоявшихся представлений о Кавказе как едином регионе, несмотря на фактор его «разноплеменности и разноязычности».

Комиссия решала практические политические задачи: разработку основ административного деления страны, исходя из установок новой власти, готовила этнографические карты отдельных регионов бывшей Российской империи, включая, конечно, и Кавказ. Как отмечал секретарь КИПС С.И. Руденко: «на первых же заседаниях мне было поручено совместно с покойным статистиком Паткановым С.К. разработать инструкцию к составлению племенных карт. Инструкция эта была напечатана в первом выпуске Трудов КИПС, и Комиссия до последнего времени ею руководилась в своих картографических работах». Инструкция, опубликованная в декабре 1917 г., стала важнейшим шагом в развитии этнической картографии. Согласно Инструкции, «все работы по составлению племенных карт были централизованы и совершались по одному общему плану, одними и теми же методами». Руденко подчеркнул: «Кавказский отдел занимался вопросами топонимики и племенных названий» и положил основу развитию этнической картографии на Кавказе [Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег, 2004: 43; *Псянчин*, 2004].

Работы членов комиссии привлекли внимание закавказских элит. Большое возмущение азербайджанских элит вызвала готовящаяся к публикации работа тогда еще молодого доцента кафедры армяно-грузинской филологии Петроградского университета И.А. Орбели по надписям, выявленным им в Гандзасарском монастыре в Нагорном Карабахе в 1909 г. Тираж книги пролежал до 1922 г. Известен лишь отдельный оттиск [*Орбели*, 1919]. Данные из него до сих пор влияют на напряженность армяно-азербайджанских отношений в Закавказье.

В Закавказье у азербайджанцев сложилась особая ситуация с их соседями-армянами – народом древней и оригинальной культуры (их религия – особая ветвь христианства), с сильным ощущением своей уникальности, но одновременно – с тяжелой судьбой. Существование в древности относительно больших

армянских царств, воспоминания о которых одновременно и грели, и растравляли душу армян во время невзгод, разукрашивалось грезами о будущем. Многие столетия история армян – это история народа без государства, окруженного культурно чуждыми мусульманскими народами, испытывавшего множество страданий и унижений. Кто только не топтал армян, даже не борясь с ними, а сгоняя с места «мимоходом», чтобы «не путались под ногами». Естественно, сложилось ощущение трагичности «армянской судьбы», комплекс культурного превосходства над соседями и одновременно – страх перед их многочисленностью, острое ощущение униженности своего положения, сложное и амбивалентное отношение к будущему. И смутные надежды на то, что, может быть, судьбу рано или поздно удастся переломить и стать народом, которого соседи будут побаиваться. Азербайджанцы не переживали того, что довелось пережить армянам. Их ощущение национально-культурной уникальности девальвируется осознанием ценности принадлежности к громадным общностям – мусульманской и тюркской. У них нет ощущения, никогда не покидающего армян, что ты окружен врагами, которые могут тебя уничтожить. У азербайджанцев нет и «великого имперского прошлого», нет и компенсаторных мечтаний о такой империи. В итоге пространство и его границы обладали разной степенью важности для соседних народов.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ КОЛЛИЗИИ ФЕДЕРАТИВНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Пришедшим к власти большевикам далеко не всё, не всем и не на всех этапах было ясно, какова основа нового государства (помимо формулы «диктатура пролетариата») и какова политика власти в отношении периферии и этнических групп. Как должны были соединяться пролетарский интернационализм и диктатура пролетариата с лозунгами и установками новой власти о равноправии народов и их национальном самоопределении? Принятая в первые дни октябрьского переворота Декларация прав народов России названием и содержанием утверждала в

политическом поле категорию «народы России». Именно эти субъекты истории должны быть «освобождены и раскрепощены» «решительно и бесповоротно». Все четыре пункта Декларации заключали в себе новаторские формулировки и революционное содержание: равенство и суверенность народов, право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, отмена национальных и национально-религиозных ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп России.

До этого ни одна высшая государственная власть не отваживалась столь решительно сдавать полномочия центра и отказываться от представления о целостности страны не только как территории, но и как сообщества людей. Вводилось понятие «трудящийся народ». Понятие нации в Декларации прав народов России не использовалось, но появились понятия самоопределения народов для создания «самостоятельных государств» (читай – этнических), национальные ограничения мыслились как этническая дискриминация, а термин национальные меньшинства применительно к этническим сообществам вообще был пионерским для того времени понятий.

В советской этнической политике формировались две тенденции. Первая стремилась учесть сложную этническую структуру населения, интересы этногрупп и их элит, найти подходы к федерализации государства и его аппарата. Вторая стремилась найти механизмы концентрации в центре функций контроля и унификации культурной сферы для реализации стратегических целей новой власти. В конечном итоге *все определяла основанная на силе и пропаганде политическая импровизация и соотношение сил участников политической и вооруженной борьбы.*

Известно, что федерализм не пользовался успехом у В.И. Ленина. Но к весне 1919 г. противоборство в гражданской войне достигло такого накала, что вопрос о том, на чью сторону встанут этнические элиты, политически организуя свои сообщества на огромных, не контролируемых центром пространствах, стал важнейшим для сохранения власти большевиков. В этот исторический момент Ленин увидел в лозунге самоопределения наций спасение большевистской власти. Федерация национальных республик

виделась теперь реальным шансом спасения режима. Ее же можно было противопоставить бюрократическому централизму, корни которого в советских структурах власти уже дали свои побеги.

На VIII съезде РКП(б) Ленин выступил против защитников централизаторской линии в ЦК и осудил позицию Наркомпроса, отметив: «У нас есть, например, в Комиссариате просвещения или около него коммунисты, которые говорят: единая школа, поэтому не смейте учить на другом языке, кроме русского! Помоему, такой коммунист, это – великорусский шовинист. Он сидит во многих из нас, и с ним надо бороться» [*Ленин*. Т. 38: 183–184]. Вторая программа РКП(б) закрепила признание федерации как типа советского государства. Своеобразным федеративным договором стал декрет ВЦИК от 1 июня 1919 г. о военно-хозяйственном союзе РСФСР, Украины, Литвы, Латвии и Белоруссии. В решениях VIII Всероссийской конференции РКП(б) в декабре 1919 г. вновь было сказано о праве наций на самоопределение, но во главе угла должен сохраняться приоритет классовых интересов над национальными (имелись в виду этнические интересы).

В первое десятилетие советская этническая политика носила эклектичный и импровизационный характер. Исторически существовавшие разнородные религиозные и этнокультурные системы, опиравшиеся на традицию и на повседневный контекст, соперничали с абстрактной большевистской доктриной самоопределения и с эсхатологической настроенностью на мировую революцию. Содержание национально-культурной политики во многом зависело от соотношения основных действующих лиц и сил в данной сфере, от идеологических установок и от реализующих эту политику организационно-правовых механизмов. Центром столкновения стали два ведомства – Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) и Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос).

Первый в большей степени представлял позиции периферийных этнических элит, которые претендовали на наделение государственным статусом своих народов. Претензии были зачастую громкими и настойчивыми (как в телеграмме Н. Нариманова из Баку в Москву: «не будет Карабах азербайджанским, не будем отгружать керосин»). Этноэлиты стремились упрочить

собственную власть на автохтонной территории. Они принимали участие и на антисоветской стороне с учетом собственных интересов, и почти никогда не были едины. Стремление к собственной легитимации составляло суть конфликта между всеми субъектами борьбы за власть. Проблема осложнялась неустойчивым положением большевистского центра, дискуссиями по основам государственного устройства. Большевики, теоретически признавая право наций на самоопределение, увязывали его с идеологией интернационализма и развертыванием мировой революции.

В целом большевики признали целесообразность федеративного устройства Российской советской республики. III Всероссийский съезд советов уже в январе 1918 г. принял Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа [*Ленин*. Т. 35: 223]. Классовая доктрина доминировала в определении формы правления «свободного союза свободных наций, как федерации советских национальных республик». Привлекательный лозунг расширял социальную базу большевиков. Другое дело, что этот же самый лозунг обладал не только мобилизующей, но и потенциально разрушительной для российского государства силой, поощряя сепаратистские взгляды и проекты.

В ходе гражданской войны острая борьба центробежных и центростремительных сил отражалась на содержании этнополитики и на ее организационно-правовых основах. Нестабильность и неясность государственных границ, низкая политическая культура, диктаторские методы руководства дополнялись и умножались соперничеством центральных ведомств. В Прибалтике, в Закавказье, на Северном Кавказе, Украине, в Белоруссии, Средней Азии, Сибири созданы государственные образования с собственными структурами управления, в том числе, в культурной сфере. К августу 1918 г. насчитывалось до 20 «центральных» и областных антибольшевистских правительств: Комуч в Самаре, Временное Сибирское правительство в Омске, Уральское областное в Екатеринбурге, Амурское в Благовещенске, Деловой кабинет Дальнего Востока в Харбине, казахи – Кубанская краевая Рада, Уральское, Оренбургское, национальные республики и автономии украинцев, закавказских народов, башкир, казахов, туркестанцев и др. Но все самопровозглашенные этно-

территориальные образования не были устойчивы. Представления о форме государственного устройства России, принципах взаимоотношений центра и провинции, степени самостоятельности национальных, территориальных и культурных автономий, их отношениях между собой были различными, даже у сторонников федерализма. Сложное соотношение, взаимовлияние и взаимодействие сепаратизма, автономизма, регионализма и великодержавия составило одну из драматических характеристик событий 1918–1920 гг. в лагере противников Советской власти.

Разнообразные концепции федерализма и унитаризма испытывались на практике в чрезвычайных обстоятельствах. Большевики добивались раскола этнических элит, выделяя левацки настроенных активистов. Их лидеры, примыкая к побеждающей стороне, стремились вырвать уступки. В ходе переговоров налицо был прагматизм сторон, хитрость и осторожность, готовность идти на уступки, лишь бы получить право на официальное признание. В конечном итоге *большевики ставили условием признания этнонациональных автономий лояльность своей власти, и эта тактика несла им успех.*

Тем временем в Наркомнаце шло строительство нового аппарата управления, а внимание руководителей и Сталина как наркома сосредоточилось на территориях, на которых развивались сепаратистские процессы. Политические декларации и обращения («Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской Раде», «Декрет о Турецкой Армении» и др.) были направлены на удержание страны от распада. Этим объясняется создание в Наркомнаце первых *национальных комиссариатов* для западных народов: поляков, литовцев, армян, белорусов, евреев, латышей, немцев, с развитыми культурными ресурсами (школой, прессой). В феврале 1918 г. открылся мусульманский комиссариат как орган политического сотрудничества с мусульманскими массами. К лету 1918 г. уже работали чувашский, отдел горцев Кавказа, удмуртский, мари и другие национальные отделы. К осени было 18 национальных комиссариатов.

В структурах национальных комиссариатов и отделов большое значение отводилось отделам культуры и просвещения, они состояли из подразделов и секций внешкольного, театраль-

ного, изобразительных искусств, литературно-художественного, библиотечного и др. [Макарова, 1987: 38; Народный комиссариат по делам национальностей. Отчет о деятельности с 1 ноября 1917 по 20 июня 1918 г., 1918: 31]. Ими руководили образованные люди и даже яркие личности. В белорусском комиссариате школьным отделом руководил ученик академика А. Шахматова Б. Тарашкевич, в армянском – выпускник Лазаревского института, публицист и литературный критик П.М. Макинциан, в калмыцком – выпускник восточного факультета Петербургского университета, вместе с академиком В.Л. Котвичем занимавшийся работой над калмыцким эпосом «Джангар», Н. Очиров. В мордовском культурно-просветительном отделе работал известный этнограф М.Е. Евсевьев.

Руководящие должности в Наркомнаце занимали представители около полусотни национальностей. Самыми крупными группами были евреи (48 ответственный сотрудник), поляки (31), татары (25), латыши (19), осетины (18), литовцы (16), марийцы – 14, армяне – 13, немцы и белорусы – по 11, коми – 10, киргизы (казахи) – 9, башкиры – 8, эстонцы, украинцы, мордва, калмыки – по 7, удмурты, чувашаи, азербайджанцы, якуты – по 6 и другие.

Впечатляет число людей (64 человека) с высшим образованием, полученным в Московском, Петербургском, Казанском, Киевском, Томском, Варшавском университетах, а также в заграничных – Берлинском, Женевском, Венском, Цюрихском, Сорбонне, Бейрутском, Каирском университетах. Имелись 9 выпускников факультетов восточных языков: Лазаревского института, восточного отделения Военной академии, Академии Генерального штаба. Работали 78 выпускников других вузов. 104 человека были с педагогическим образованием или с опытом учительства, работали 31 журналист, 21 юрист, 20 специалистов в историко-филологической области, 5 профессоров Петербургского, Казанского университетов, 4 специалиста-этнографа.

На владение двумя языками (русским и родным) указали 126 человек, тремя – 92, четырьмя – 78, пятью – 38, шестью – 19 (руководитель культурно-просветительного отдела мусульманского комиссариата крымский татарин И. Фирдевс владел французским, турецким, немецким, итальянским, татарским, русским

языками; руководитель такого же отдела армянского комиссариата – П.М. Макинциан владел французским, немецким, латинским, татарским, армянским, русским языками), семью – 8 (белорус Ф.Ф. Турук владел латинским, греческим, древнееврейским, немецким, французским, русским, белорусским языками), восемью – 2, девятью – 2 (латыш Ф.А. Розин-Азис владел латышским, немецким, русским, английским, голландским, французским, итальянским, латинским, греческим языками) [Красовицкая, 2007].

Национальные комиссариаты начали формировать свои структуры, ориентируясь на культурный уровень населения, наличие интеллектуальных и кадровых ресурсов. Географически отдел культуры и просвещения мусульманского комиссариата, например, охватывал территории проживания татар, башкир, горцев Кавказа, крымских татар, туркестанцев, казахов [Ульянинский, 1919]². В Казани отдел сотрудничал с местной научной коллегией. Она состояла из отделов по составлению программ и учебников для школы, по организации народного университета, литературы, языка и истории, организации музея и библиотек, театра, музыки и искусства и отдела печати. Отдел литературы, языка и истории состоял из подразделов по составлению словаря татарского языка и энциклопедии, по разработке вопросов, связанных с орфографией и письмом, по собиранию памятников литературы тюрко-татар [Тутаев, 1970: 405]. По сути, каждый национальный комиссариат создавал свой наркомпрос. Таким образом, *в Наркомнаце тенденция развивалась в сторону создания «своих» органов управления национально-культурной автономией в центральном аппарате.*

Складывание автономистских структур в Наркомнаце выбивалось из политики Наркомпроса по централизации всех отраслей культуры и просвещения (школы, высшей школы, театров, музеев, архивов, научных учреждений, библиотек и др.). За школу как важнейший ресурс культуры, за то, в чьей компетенции она будет находиться и каким будет ее реформирование, началась острая борьба. Наркомпрос, готовя перевод системы

---

² В январе 1919 г. на территории страны действовали 69 таких комитетов разного уровня.

народного образования в свое ведение, не мог не реагировать на развертывание «национальных наркомпросов» в Наркомнаце. Наркомнац, в свою очередь, просил предоставить национальным комиссариатам право делегировать по одному представителю в Госкомиссию по просвещению. В декрете СНК о передаче всех школьных учебных заведений Наркомпросу от 5 июня 1918 г. речь шла не только о государственных и частных учебных заведениях [Декрет СНК о передаче в ведение Народного комиссариата по просвещению учебных и образовательных учреждений, 1974: 13]. Мектебе и медресе мусульман (11 тысяч), хедеры и иешивы иудеев (9,5 тысяч), ламские школы буддистов должны были прекратить обучение детей. Об этом гласил и декрет СНК от 23 января 1918 г., встреченный неодобрительно населением [Декрет СНК от 20 января 1918 г. о свободе совести, церковных и религиозных обществах, 1918]. Даже попытки уяснить численность, например, религиозных школ хотя бы у дагестанских горцев (есть сведения, что их было около 800) потерпели крах.

В мае 1918 г. представители польского, белорусского, мусульманского, литовского и еврейского комиссариатов создали аналог Госкомиссии по просвещению, но для нерусских народов – культурно-просветительную комиссию Наркомнаца. В Наркомпросе возражали против «распыления сил», хотели «распоряжаться всеми силами и средствами», стремиться к «одному целому, одной крепкой руководящей воле, одному сознанию». В мае 1918 г. с Наркомнацем удалось достигнуть компромисса: «дело народного образования должно быть централизовано» в Наркомпросе, но с учетом национальных особенностей каждого народа. Будучи более осведомлены о ситуации на местах, члены культурно-просветительной комиссии Наркомнаца предложили войти в Госкомиссию в полном составе как «межнациональная секция». Но преодолеть сопротивление Наркомпроса не удалось. 18 июня 1918 г. СНК РСФСР утвердил «Положение об организации дела народного образования в РСФСР». Руководство возлагалось на Госкомиссию Наркомпроса. В нее Наркомнац мог делегировать только одного представителя [Декреты Советской власти. Т. 2: 451].

Политику большевиков формировать общее для всего населения образовательное пространство замнаркома просвещения историк М.Н. Покровский отстаивал, жестко заявляя: «создание национальной культуры на средства центра – фактор культурного раздробления России». Но учитывая реакцию в Наркомнаце, он предложил создать в Наркомпросе специальный отдел национальных школ с представителями его в местных советах народного образования. Игнорируя реальную этническую структуру населения, он ограничил участие в них «не более трех от самых крупных» народов. На совещании 26 июня 1918 г. Покровский еще резче подчеркнул, что «в Большой Государственной комиссии решено не поддерживать национальную культуру – это дело самой нации, а наша задача – общегосударственная». Поскольку вопрос «имеет политическое значение», «то он, конечно, останется за центром». Покровский в Наркомпросе играл роль партийного комиссара. Он был известен нигилистическим отношением не только к нерусским, но и к русской исторической традициям. Именно он предлагал убирать слово «русский» даже из названий музеев.

Военно-коммунистические методы управления, пренебрежение этнической спецификой (чаще всего она казалась большевикам несущественной мелочью) вызывали разные формы недовольства: от глухого раздражения до игнорирования новой власти и открытого сопротивления. Конфликт в Наркомнаце обострили манипуляции Сталина с принципами формирования коллегии наркомата. От этнического представительства Сталин стремился перейти к партийному принципу, в чем ему удалось убедить ЦК партии, принявшего его сторону. Коллегия Наркомнаца стала первым органом, состав которой раньше одобрил ЦК, а потом утвердил СНК РСФСР. Отношение к такой конфигурации структуры власти на местах было негативным. В июне 1918 г. I Общеучувашский рабоче-крестьянский съезд высказался за «культурную автономию». Всего в 1918 г. прошло 22 национальных съезда просвещенцев. Лейтмотивом их требований была культурная автономия [*Красовицкая*, 1980: 54].

На I Всероссийском съезде по просвещению в августе 1918 г. обсуждалось «Положение о единой трудовой школе».

Наркомнац, разрабатывая свое положение о национальной школе, с представлением документа на съезд опоздал. Выяснилось разное толкование того, что есть национальная школа. Часть стояла за то, что это всего лишь школа на родном языке обучения, другая – за то, что школа – это народообразующий фактор и потому в ней должна быть отражена специфика этнического воспитания. За последней формулировкой стояла попытка сохранить религиозные школы мусульман, иудеев, буддистов. Отсутствие регламентированного статуса национальных школ в правоустанавливающем документе в реальных политических условиях не умножало лояльность нерусского населения к советской власти. Но съезд, хотя и отметил отсутствие внимания к учету национальных особенностей, «Положение» одобрил.

28 сентября Госкомиссия, наконец, вынесла эту проблему на обсуждение представителей коллегии трех наркоматов: Наркомпроса, Наркомнаца, Наркомюста и Конституционной комиссии. Разногласий о необходимости централизовать руководство просвещением нерусских народов в Наркомпросе уже не было. Отделу школьной политики поручалось создать отдел школ нерусских народов. *Произошел отказ от термина «национальная школа».* Было решено называть их школами национальных меньшинств, по предложению литовского комиссара Наркомнаца В. Мицкявичюса-Капсукаса. В официальном языке термин использовался в документах международной социал-демократии и в 14 пунктах В. Вильсона, представленных Конгрессу 8 января 1918 г. 31 октября постановление «О школах национальных меньшинств» подписал М.Н. Покровский.

В национальных комиссариатах пункт постановления, ограничивавший правомочия созданного в Наркомпросе отдела школьными проблемами, отвергался. Самая резкая реакция была у мусульманского комиссариата, возглавляемого М. Султангалиевым. Сотрудники национальных комиссариатов не желали «затеряться» среди отделов Наркомпроса. Трудность согласования позиций и компетенций умножалась тем, что национальные комиссариаты сосредоточили в себе силы крепких организаторов. Именно они в начале 1920-х годов были в фокусе общения центральной власти с региональными этноэлитами, добивавши-

мися разной степени политического самоопределения. Сотрудники наркомата нащупывали и применяли разные способы и инструменты этнополитики, во многом ставшие затем общим достоянием институтов власти. Одновременно проводилась работа по насыщению партийных организаций, органов советской власти, учреждений и ведомств, общественных структур представителями автохтонных народов республик и автономий. До конца 1918 г. при советах 20 губерний, кроме Кавказа, Сибири и Туркестана, только мусульманским комиссариатом организованы около 100 местных *национальных отделов*. В 1919 г. такие отделы были созданы в 25 центральных и поволжских губерниях. В августе 1919 г. ВЦИК принял постановление «Об организации гражданского управления в Сибири», по которому создавался национальный отдел и совет национальностей при нем (Сибнац), имевший подотделы: татарский, эстонский, еврейский, финский, польский, литовский, латышский, немецкий, бурятский, якутский и общемонгольский с подразделениями на местах.

Переход от войны к миру ознаменовался упорядочением в проведении этнической политики.

ФЕДЕРАТИВНОСТЬ И КУЛЬТУРНАЯ АВТОНОМИЯ

Можно сказать, основную задачу завоевания этнической периферии в пользу большевистского центра и подготовки объединения республик и народов в СССР Наркомнац выполнил.

Наряду с ним вопросами этнополитики занимался Отдел национальностей при ВЦИК. Национальные секции и бюро создавались и при партийных организациях. В 1920-е годы прошли совещания и конференция по национальному вопросу, он обсуждался на съездах РКП(б): особое место заняли X (1921) и XII съезды (1923). Во второй программе партии и в резолюциях X, XII съездов утверждалась возможность в рамках федерации охватить разнообразие быта, культуры и экономического состояния наций и народностей. На практике федеративные отношения складывались между отдельными республиками уже в 1918–1922 гг., да и советское государство изначально называлось Рос-

сийской Советской Федеративной Социалистической Республикой. В руководстве же партии, прежде всего у народного комиссара И.В. Сталина, преобладало стремление к централизации. Вхождение республик в состав РСФСР на правах автономий представлялось ему наиболее приемлемой формой объединения.

Отметим, что идеи самоопределения в сознании населения этнической периферии вряд ли получили ясное толкование. Выступления против власти (белой и красной) вызывались не правовыми, а более прозаическими причинами – насилием, непомерными налогами, разрушением традиционных основ жизнедеятельности. К ним добавлялись и межэтнические распри. Организационные структуры региональных и национально-территориальных автономий, институтов самоуправления были вынуждены считаться с ожиданиями порядка и недоверием к центру. Они стремились к упрочению собственной власти на автономной территории и неохотно вступали в борьбу «центральных» властей между собой во время войны, хотя за это лидерам меньшинств, как правило, давалось обещание предоставить автономию и определенные права. Не только советские, но и колчаковские, например, чиновники предлагали признать национальные земства в волостях и уездах при условии, что они будут учитывать интересы русского населения и согласовывать свои действия в центре.

После 1917 г. на этнических окраинах новое государственное строительство стало одной из примечательных особенностей времени, и политическое самоопределение российских национальностей было важной частью этого процесса. Национально-территориальная, культурная или административная автономия рассматривались как адекватный ответ на вызов эпохи. Этнические элиты получали в ходе образования автономий реальные рычаги власти, а отношения с Центром и упрочение позиций на местах стали доминантой государственного строительства и сопровождались глубокими трансформациями этнической жизни. Национальные советы были дополнительным рычагом политики административного регулирования этнических процессов и межэтнических отношений. Речь шла о поисках форм и механизмов включения окраин в общероссийское хозяйственное, административно-территориальное, политическое и

социокультурное пространство, которое само в это время радикально перестраивалось.

Иерархизация этнополитической структуры общества потребовала более четкого определения статуса этнических общностей и их места в административно-территориальной системе СССР. Типология этнических общностей была достаточно сложной, и к меньшинствам, например, могли быть отнесены как коренные малочисленные народы разных регионов, прежде всего Сибири, Севера и Дальнего Востока, так и этнические группы, не получившие свои областные автономии или автономные округа, или дисперсно расселенные в Поволжье, на Кавказе, в Средней Азии и т.д.

К меньшинствам, требующим национального самоуправления, относились и группы переселенцев из мест традиционного проживания, независимо от того, получила ли основная часть данного народа в составе СССР или вне него некую государственно-административную единицу.

Административно-территориальные преобразования должны были оформить компактное проживание этнических групп. На практике это порождало массу противоречий и проблем. Созданные автономные единицы стремились укрепить положение, прежде всего, путем включения в свой состав максимально большего числа представителей «титულიной» национальности. «Где прошла моя красная конница, там и Башкирия», – примерно так считал Заки Валидов. Руководство автономной области Коми в 1923 г. обратилось во ВЦИК и ЦК РКП(б) с просьбой перевести в ее подчинение часть бывшей Пермской и несколько волостей Вятской губерний, населенные коми-пермяками.

На IV совещании по национальному вопросу с ответственными работниками национальных республик и областей (июнь 1923 г.) была принята программа по развитию экономики и культуры в национальных республиках, по расширению участия нерусских народов в политической жизни и т.п. [Тайны национальной политики ЦК РКП(б). Стеногр. отчет секретного IV совещания ЦК РКП, 1923 г., 1992]. Особую роль в этом должна была играть *политика коренизации*, направленная на расширение

образования и подготовку кадров управленцев, хозяйственников, интеллигенции получивших автономию национальностей.

Создание новых кадров было грандиозной по масштабам и весьма важной для каждого народа задачей. Отчеты и материалы отделов по делам национальностей констатировали острейший дефицит грамотных людей. Не хватало представителей меньшинств в учреждениях и ведомствах образования, здравоохранения, юстиции, издательствах и пр. На местах приходили к идее отказаться от специального аппарата для нацменьшинств.

В 1921 г. недоброжелательное отношение губисполкомов к национальным отделам отмечалось в Вятской, Гомельской, Пермской, Самарской, Симбирской, Челябинской губерниях. Архангельский, Брянский, Вологодский, Рязанский губисполкомы предлагали упразднить их, что уже сделал Воронежский губисполком, аргументируя практически однородным составом населения. За полное упразднение работы среди нацменьшинств из-за разрухи, низкой квалификации, политической и организационной незрелости работников-националов, необходимости даже их обрусения выступали енисейские чиновники. В Самарской губернии не справлялись с межэтническими конфликтами по поводу продналога, перевыборов волостных и сельских советов, распределения земельных участков, но выполнить решение о выделении чувашского населения в отдельную административно-территориальную единицу не спешили. В Курской и Пензенской губерниях отделы считали нужным сохранить.

С ликвидацией Наркомнаца национальная политика перешла в ведение партии, став важной частью ее общей работы. Она заключалась в реализации решений XII съезда РКП(б) и интеграции регионов и национальностей в недавно образованном СССР. Учреждена вторая палата ЦИК СССР – Совет национальностей, организованы союзные наркоматы, уточнена юрисдикция республиканских и автономных наркоматов. Шло вовлечение этнической периферии в советское строительство, идейно-политическое и кадровое обеспечение политики партии на местах. По решению ВЦИК от 7 июля 1923 г. был создан Отдел национальностей ВЦИК. Этот отдел и Совет национальностей ЦИК СССР стали частью общегосударственной структуры вла-

сти. Их прерогативы и содержание работы встраивались в общегосударственную систему управления и преобразования экономики и общественных отношений. Решением Президиума ВЦИК от 15 декабря 1924 г. вводились инструкторы по делам национальностей в Отделе национальностей и уполномоченные на местах. С помощью советских идеологических принципов карьера воспитанных на них кадров теперь зависела от верности партии и реализации ее указаний [Аманжолова, 2010].

Прав Т. Мартин, что советская этническая политика носила модернизационный и антиколониальный характер. Принципы организации СССР были принципиально иными в сравнении с империей Романовых и другими империями Нового времени. Но политика «спонсирования» этничности при жестком централизаторском контроле в конечном итоге была направлена на утверждение СССР как национального государства [Martin, 2002: 91–105]. Этот, казалось бы, неожиданный вывод, имеет под собой основания. Т. Мартин справедливо полагает, что в СССР осуществлен первый в истории эксперимент политики положительного действия (affirmative action), т.е. реализована политика институционализации (огосударствления) этнических меньшинств, поддержки их культур, поощрения этнонационализма, за исключением национализма «господствующей нации», под ним подразумевался «великорусский шовинизм». Такая политика была направлена на конструирование социалистических наций с наделением их своими «национальными территориями», экономической базой, письменными языками, профессиональной культурой и т.п. Это было не ментальное конструирование или своего рода лингвистическая конструкция, но реальное формирование этнотерриториальных сообществ с материальной базой: столичные города, органы власти, конституции, хозяйственные комплексы, образовательные институты, театры, печатное дело.

Добиваться этого приходилось, проводя ожесточенные дискуссии и репрессии. Среди представителей будущих союзных и автономных республик не было единодушия по поводу прав, полномочий и ответственности разных национально-государственных образований перед центром, их взаимоотношений. К примеру, наркомпрос Украины В.П. Затонский в

1922 г. в тезисах по национальному вопросу заявил: «...метод федерации, по существу совершенно правильный, не дал полностью ожидаемых результатов» из-за неопределенности и несогласованности действий центральных ведомств, неорганизованности аппарата и «подозрительности в самостоятельности». Он предлагал отказаться от термина Российская в названии советской федерации, заменив его названиями Восточно-Европейская или Россия. Это важно, считал Затонский, для т.н. великорусской части России, чтобы не было представления, будто «РСФСР претендует на территорию империи и чтобы Советская республика не отвечала за грехи русского царизма». Он обращал внимание и на рост русского патриотизма [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5588. Л. 1–4].

В декабре 1922 г. была подписана Декларация об образовании СССР, однако предстояло выработать еще Конституцию СССР. В феврале 1923 г. Сталин направил в Политбюро ЦК РКП(б) записку, в которой указывал на неопределенность существующего положения республик. Оставалось неясным, являются ли Грузия, Армения, Азербайджан и автономные республики в составе РСФСР субъектами СССР, либо таковыми являются Закавказская и Российская федерации, а не республики в их составе. Сталин утверждал: если принять, что закавказские республики имеют право стать членами Союза по отдельности, а не через федерацию, это означает, что и Татарстан, Башкирия, Казахстан (называемый тогда Киргизией), Якутия и Крым имеют такое же право. По мнению Сталина, это требовало упразднить РСФСР, создав несколько национальных республик, включая Русскую, что он считал категорически неприемлемым.

Вопрос о Русской республике поставлен Сталиным в теоретической плоскости для того, чтобы обосновать необходимость сохранения РСФСР и Закавказской федерации в новом Союзе. Возможность создания Русской республики наравне с другими национальными республиками на месте бывшей Российской империи отвергалась интернационалистской идеологией коммунистической партии. На XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г., где остро дебатировался национальный вопрос и принципы организации Союза, выступавшие партийные лидеры резко нападали

на «великорусский шовинизм», считая борьбу с ним до полного искоренения главной целью строящегося Союза.

На заседании ЦК КП Туркестана по итогам XII съезда партии и IV совещания говорилось о настоящей необходимости расширить права республики в экономике, просвещении и других сферах: «... в Грузии все национальное просвещение стоит лучше, чем у нас, в Федерации [РСФСР], в Украине то же самое. Они умеют хозяйством заниматься. В Грузии они держат крупные предприятия и отрасли хозяйства в своих руках, это не значит, что нефтяная промышленность и другие столь же крупные отрасли промышленности не централизованы, но, тем не менее, что возможно, они держат в своих руках и выжимают из этого максимальные выгоды. Туркеспублика живет преимущественно на средства Наркомфина СССР. Заблагорассудится Наркомфину РСФСР, он делает вычеты, заблагорассудится ему, он по открытым уже кредитам не снабжает нас дензнаками ... Словом, мы находимся в полной зависимости от капризов Наркомфина. Имеет ли Туркеспублика свою финансовую базу, участвуем ли мы, например, в налоговом вопросе в какой-либо мере? Говорить же о Наркомпросе и почтово-телеграфном ведомстве уже не приходится, туда и подавно нос сунуть нельзя... Нужно, чтобы Туркеспублика принимала участие в хозяйственной жизни всех государственных фондов и была в курсе всех их работ» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 525. Л. 38].

12 и 14 ноября 1926 г. состоялось совещание Комиссии по строительству РСФСР во главе с председателем ЦИК СССР М. Калининным. Присутствовали около 50 человек от 17 республик и областей России, члены ВЦИК и ЦИК СССР. Обсуждались взаимоотношения РСФСР с входящими в ее состав автономиями, которыми ведала, преимущественно проблемы государственно-правового характера. Автономии, как и другие структуры национальных меньшинств, настаивали на четком определении их правового статуса, представительстве меньшинств в центральных органах законодательной и исполнительной власти, ведении государственного делопроизводства на родном языке в судебных и других учреждениях, реальном, а не формальном суверенитете. Руководители республик и областей

выступали против «зажима» местных органов власти, за расширение полномочий и повышение роли Отдела национальностей ВЦИК в реализации национальной политики. Они предлагали ввести своих представителей в коллегии всех наркоматов РСФСР. Тревожные сигналы с мест о тяжелом положении национальных окраин, нехватка средств, госбюджетных ассигнований, медленные темпы промышленного строительства, крайне неудовлетворительное состояние материально-технической базы восстанавливаемого народного хозяйства – все эти вопросы были крайне важны.

Не оставляли они и надежды на повышение статуса своих образований до уровня союзных республик и превращение России из федерации в национальную русскую республику. Проекты, принятые Комиссией Президиума ЦИК СССР под председательством М.И. Калинина, националы считали неудовлетворительными, они не предусматривали расширение прав автономий, в том числе в бюджетной сфере, в разграничении полномочий наркоматов. Оставались неурегулированными вопросы землеустройства и землепользования между коренным и пришлым населением целого ряда республик и областей, несмотря или вследствие перманентных перераспределений земли. Болезненными оставались проблемы социального развития, просвещения и образования и др. [ГА РФ. Ф. Р–3316. Оп. 3. Д. 188. Л. 11–13].

Наиболее важные предложения, прозвучавшие на совещании:

- включение в Конституцию СССР статьи о праве свободного вступления и выхода отдельных народов из СССР. Предложение исключить статью из Конституции 1918 г. трактовалось как умаление политических и правовых основ автономий;

- создать по аналогии с ЦИК СССР в РСФСР Совет Национальностей с постоянно действующим аппаратом и передачей ему функций Отдела национальностей ВЦИК, а также других учреждений, ведающих национальной проблематикой (Комитет Севера, Федеральный Земельный Комитет и др.);

- инициировалось конституционное оформление автономий путем утверждения их конституций;

- определить критерии преобразования автономной области в автономную республику, определить условия их включения в краевые и областные объединения, без ущемления прав

автономий, как это случилось при разработке положения о Северокавказском крае;

- справедливо распределять материальные средства и финансы. Так, в Крымской АССР расход на душу населения составлял в 1926/27 гг. 21 руб., а в Казахстане – 4 руб. 30 коп.

Директивы XII съезда партии и решения IV совещания ЦК РКП(б) по национальному вопросу выполнялись весьма слабо, что могло привести к отставанию развития СССР в целом. В тезисах Комиссии в ноябре 1926 г. говорилось: «...система заготовляющих органов лишена всяких организующих хозяйство начал и приспособлена исключительно к выкачке сырья и накопления наибольшей прибыли... Неурегулированность межнациональных земельных отношений приводит:

а) к усилению тенденции решения земельных столкновений в пользу пришлого населения в виде попыток: пересмотра «земельной реформы» в Казахстане, закрепления арендуемых у коренного населения земель за пришлым в Башкирии, Бурят-Монголии, Калмыкской области, неприятия мер против самовольного переселения;

б) сохранению неуверенного, неустойчивого настроения в массах коренного, к стремлению и реставрации старых отношений со стороны пришлого населения, что порождает общее настроение выжидания, а не окончательного успокоения обеих групп;

в) к замедлению процесса отношения и перераспределения земель по трудовому принципу, среди коренного населения» [ГА РФ. Ф. Р–3316. Оп. 3. Д. 188. Л. 7–8].

Не лучше обстояло дело и с ограничением централизаторских амбиций центра к расширению прав автономий. Комиссия считала необходимым повысить статус автономных областей до республик, их положение (количество населения, культурный уровень, экономическое развитие) практически не отличались от автономных, да и ряда союзных республик [ГА РФ. Ф. Р–3316. Оп. 3. Д. 188. Л. 9; *Чеботарева*, 2008: 44–66].

Аналогичные трудности испытывали и союзные республики, что определялось общим внутривнутриполитическим курсом партии. Административно-территориальное деление, государственно-правовой статус, степень экономической самостоятельности,

обеспечения культурной и языковой идентификации народов СССР все меньше принимались во внимание по мере "развертывания наступления социализма по всему фронту". Подготовленная вслед за совещанием записка «К вопросу о конституционных взаимоотношениях между центральными органами РСФСР как союзной республики и входящими в ее состав автономными республиками» осталась без движения [Аманжолова, 2013: 67–83].

Вместе с тем преодолевались слабые стороны использования исторического ресурса, доминирования стереотипов восприятия инструментов власти сквозь призму русификации, имперства и т.п. От них отталкивались планы создания современных институтов и ресурсов культуры, намечались практики «социального конструирования реальности», в основу коих клалась марксистская традиция о взаимодействии с миром, человеком и вообще любым партнером по диалогу. Ситуация рассматривалась как подготовительный этап вызревания управленческих конструкций, отвергающих имперскую унификацию. Группы нерусских элит проявили высокий уровень интеграции внутри себя и жесткое противостояние имперским структурам.

Напомним, что согласно Всероссийской переписи населения 1897 года в стране проживало более сотни разных по численности этнических общностей. Понятия «народы» или «национальности» как категория учета населения в Российской империи отсутствовали. Важнее были данные о родном языке и религиозной принадлежности. По ним позднейшие интерпретаторы вычисляли этнический состав, т.е. число и численность народов. В России этничность не была институционализована в качестве основы для определения группы и ее статуса, а государство не было организовано по этнотерриториальному принципу. Страна была империей и нацией одновременно при всей обширности ее территории и этноконфессиональном многообразии населения. Этничность была на заднем плане в иерархии идентичностей. Что касается личностной и групповой самоидентификации (кем они себя считали), то в этой сфере царил конгломерат подвижных названий и самоназваний, включавший религиозные, языковые, этнические, регионально-местнические и даже династические отсылки.

Те, кого тогда называли грузинами, не включали в себя мингрелов и сванов, а в основном картлийцев (собственно грузин, если так можно выразиться). Татарами называли всех представителей тюркских народов, включая азербайджанцев и ногайцев. Казахо́в называли киргизами, а киргизов – каракиргизами. Были туркменские племена, но не было общего понятия туркмены как народа. Не было узбеков и таджиков, как их стали понимать в итоге советского нацистроительства. Зато были туркестанцы, сарты, ташкентцы, ферганцы и др.

К первой советской переписи населения 1926 года и в ходе нее страна обрела наиболее полную номенклатуру народов. Именно тогда появился списочный состав этнических идентичностей как «список народов», который обрел официальный характер. Грандиозную работу по классификации «племенного состава населения» провела выше упомянутая КИПС с решающей в ней ролью этнографов и географов. В 1924–1926 гг. в КИПС разработали инструкции по регистрации национальности и составили Список национальностей СССР.

В действительности советский режим в 1920-е гг., будучи теоретически антиимперским, не был антинациональным. Продолжалась реализация двух разных подходов к проблемам, связанными с этническим составом населения страны, взаимоотношениями центра и периферии. Один подход основывался на признании, поддержке и развитии партикулярных культур и языков нерусских народов, а также на оформлении автономного статуса территорий их преимущественного проживания. Другой подход имел государственнический, централизаторский и модернизационный характер.

А.И. Микоян, руководивший Северокавказским краевым комитетом ВКП (б), имел основания заявить в 1925 г.: «Самое интересное то, что Советская власть создает нации, Советская власть помогает оформиться отдельным племенам в нации» [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 208. Л. 8]. В целом, советская власть, не возражая против привнесения в советский континуум национальных характеристик, оценивала их как второстепенные. В этом контексте как мешающие модернизации оценивались институты и инструменты, которые складывались у народов на

базе собственных культурных ресурсов, языка, по преимуществу. В упрощенном смысле процессы рассматривались двояко: с одной стороны, как борьба с «излишествами» самопознания различных этнических сообществ, с другой – как этап введения народов в более широкое и, как считалось, более культурное пространство. Социальная инженерия направлялась на защиту общества от эксцессов национализма, выступая «внешней рамкой» реализации субъективной воли личностей, действующих от имени партии, ее идеологии и политических целей. Она подавалась как деятельность, направленная на включение нерусских этносов в строительство социализма (процесс модернизации). Общие цели, таким образом, достигались: идеологическое содержание политики «центра» определяло содержание исторического процесса. Этнические отличия учитывались при осуществлении тех или иных преобразований, хотя вопрос об этнокультурной автономности постепенно элиминировался ссылкой на то, что страна Советов строилась как сверхнациональное государство. Она считала себя преемницей Просвещения и лидером Прогресса.

Политизация этничности, связанная с самоопределением народов, привела к масштабной реорганизации всего административно-территориального устройства страны (1928 – создание районов вместо волостей, начало 1930-х – округов вместо областей и т.д.). Конструирование этнополитического ландшафта СССР не закончилось созданием союзных республик, автономных республик, областей и округов. Этнический компонент внедрялся в сознание и идентичность людей вплоть до микроуровня – национальных районов и сельских советов. В 1933 г. в СССР было 250 национальных районов и 5300 сельсоветов.

Но наряду с укрупнением и разукрупнением территорий, этническое картографирование оказалось достаточно сложным и имело неоднозначные последствия. С одной стороны, постепенно складывались национально-государственные образования разного уровня, которые обусловили «матрешечный» каркас федеральной организации территории страны. Этнополитические границы были условием институционализации и советизации притязаний национальных элит и движений на политическое самоопределение, а также проведения всевозможных меро-

приятий и проектов по достижению фактического равенства народов в экономическом, социальном, культурном отношении.

С другой стороны, оказалось крайне затруднительно выделить как моноэтнические территории (споры по поводу границ среднеазиатских республик и Ташкента, а также показательная судьба столиц Казахстана), так и региональные «федералистские» объединения (яркий пример – Горская АССР), обеспечить управленческие структуры подготовленными представителями титульных этносов и т.д. Глава Отдела национальностей ВЦИК С.Д. Асфендиаров в 1925 г. заметил: «С экономической точки зрения размежевание Средне-Азиатской Республики дало мало положительных результатов. ...Экономическое и торговое тяготение к отдельным центрам не было достаточно учтено» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 188. Л. 70].

Сама категоризация и дифференциация этносообществ вызывала затруднения, что сказывалось на качестве управления и решении конкретных социальных задач. Этнизация органов самоуправления порождала своеобразные коллизии: пытаясь точно следовать директивам центра, местные руководители искусственно распределяли те или иные этнические группы по разным советам, даже если они проживали вдали от назначенных и в непосредственной близости от других, но уже имевших «прикрепленные» меньшинства. Это давало столь необходимую для отчетов динамику роста, но почти не учитывало сложившееся «лоскутное» территориальное размещение и связанные с этим многочисленные взаимосвязи людей [Советское строительство, 1927: 232; Хацкевич, 1927: 50, 48–49, 143; Хацкевич, 1929: 135; Хацкевич. 1927: 84–87].

Кроме того, управление и согласование полномочий, предметов ведения и уровней взаимодействия значительно усложнялось. В отчете правительства России «Государственное оформление РСФСР» за 1924–1926 гг. отмечалось: «при определении границ не могли быть полностью учтены все национальные и экономические моменты». Председатель Госплана СССР Г.М. Кржижановский писал в ЦК партии (29 декабря 1927 г.): «Чем больше число управляемых единиц, чем разнообразнее они по предметам ведения и объему территории, чем сложнее переда-

точная цепь управления, тем менее эффективно управление, тем большая затрата сил и меньший полезный результат». А.С. Енукидзе 31 января 1928 г.: единообразии в районировании сразу же упрощает управление [ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос, 2005. Кн. 1: 521–525, 531–534]. Стоит добавить, что сложности были связаны еще и с введением делопроизводства на национальных языках.

В.М. Молотов в январе 1926 г. рекомендовал руководителям тюрко-татарских парторганизаций: «...нужно идти не по национальной линии, а по экономической, по линии защиты экономических интересов, как трудящихся... К партийному руководству нужно привлекать не левых, а лучших. Нужно потребовать, чтобы люди знали язык, работая там, иначе ничего не получится». К тому же, говорил он, «...Создали совет национальностей, который ничего не делает. Это орган на 9/10 русский. ...ничто, конечно, не оживит межнациональные органы. Они национальные вопросы не решают, партийные вопросы не решают, но массовые административные вопросы пусть националы решают. Ведь все-таки они остаются директивой ЦК? Без ЦК воспитывать будет, правда, трудно...» [«Как вести руководство, на что ориентироваться?». Стенограмма совещания секретарей парторганизаций в ЦК ВКП(б) по вопросу о «большевизации национальных кадров». 1926 г., 2015: 100–125].

Став символом национального равенства и справедливости, национально-государственные образования служили средством во многом искусственной политизации этничности и воплощения мечты рывком преодолеть цивилизационный рубеж. В «ловушку национальной государственности» (С.В. Кулешов) попали и большевики, и националы.

Формы политического самоопределения народов СССР в определенной степени содействовали институционализации этнических общностей, давая импульс форсированной перестройке этносоциальных структур и отношений, обновлению и интеграции национальных политических элит в общесоюзную систему устройства власти. Но заданная центром иерархия этнических территорий и их регламентация отнюдь не означали подчинение пересекающихся и пластичных социально-культурных

пространств жизнедеятельности народов заданному из центра формату. Одним из важных факторов, повлиявших на межэтнические отношения и роль этнических компонентов в самосознании граждан, был постоянный рост кросс-культурных контактов, в т.ч. вследствие во многом искусственного характера границ национально-государственных образований.

За 80 лет советской власти российскость как категория и как смысловое начало отодвигалась на задний план, ее роль была перепоручена интернационализму. Под ним понималось взаимодействие и взаимопомощь этнических культур при преобладающей роли русской культуры. Все, годившееся для советского строительства, вовлекалось в его сферу и приветствовалось. Все, что сопротивлялось – клеймилось как «буржуазные», «феодално-байские» пережитки и отвергалось, а позже репрессировалось. Русский культурный ресурс исторически поддерживался властью как имеющий очевидную перспективу развития в условиях закрытого общества.

Между тем подлинное соотношение объемов русского и разных других иных в *российском* (в их «цветущей сложности» по К. Леонтьеву, в мире бесконечного диалога по М. Бахтину) возможно в случае, когда главным объединяющим императивом станут социокультурные горизонты российской цивилизации. На первое место тогда выдвинется совокупность черт, свойственных всем российским этносам: их география (пространство), светская культура (литература, театр, кухня и проч.), цивилизационный архетип (уважение суверенитетов и т.п.).

Список литературы

- «Как вести руководство, на что ориентироваться?». Стенограмма совещания секретарей парторганизаций в ЦК ВКП(б) по вопросу о «большевизации национальных кадров». 1926 г. // Исторический архив. 2015. № 5. С.100–125.
- Martin T.* The Soviet Union as Empire: Salvaging a Dubious Analytical Category // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С 91–105.
- Акты Литовско-Русского государства. М., 1899.

- Аманжолова Д.А.* Из истории взаимодействия центра и субъектов РСФСР (на примере КАССР. 1920-е гг.) // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск: ИРИ РАН; МаГУ, 2013. Вып. XII. С. 67–83.
- Беспамятных Н.Н.* Этнокультурное пограничье и белорусская идентичность: проблемы методологии анализа кросс-культурных взаимодействий. Минск, 2007. С. 25, 30, 46.
- Богословский М.* Дневники. 1913–1919. М., 2011.
- В январе 1919 г. на территории страны действовали 69 таких комитетов разного уровня. См.: Ульяновский. Через год // Жизнь национальностей. 1919. 27 апреля.
- Волхонский М., Муханов В.* По следам Азербайджанской Демократической Республики. М.: Европа, 2007.
- ГА РФ. Ф.Р–3316. Оп.3. Д.188.
- Грушевский М.С.* Движение политической и общественной украинской мысли в XIX столетии. СПб., 1907.
- Декрет СНК о передаче в ведение Народного комиссариата по просвещению учебных и образовательных учреждений // Народное образование в СССР, 1917 – 1973: Сб. документов. М., 1974. С. 13.
- Декрет СНК от 20 января 1918 г. о свободе совести, церковных и религиозных обществах / СУ. 1918. № 18. Ст. 263: Правда. 1918. 21 января.
- Декреты Советской власти. Т. 2. С. 451.
- Довнар-Запольский М.В.* Белорусское Полесье: Сборник этнографических материалов. Вып. 1. К., 1895.
- Довнар-Запольский М.В.* Исследования и статьи // Русский Филологический Вестник. 1910. LXIII. № 1.
- Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Спб., 1871. Т. 1. Кн. 1. С. 14.
- Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 43.
- Зайцев И.В.* Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. Пути развития. Рукописи, тексты и источники. М.: Восточная литература, 2009.
- Зинова Р.А., Швецов А.А.* Г.И. Горецкий. К 100-летию со дня рождения. http://nasb.gov.by/rus/publications/natres/nr00_1b.php.
- Кантор В.К.* «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Исторические очерки. М., 1997. С. 8.
- Карский Е.Ф.* Этнографическая карта белорусского племени. 1903; Бригадзін П., Ладысеў У. Фарміраванне ідэі беларускай дзяржаўнасці ў 1917–1918 гг. // Беларусазнаўства. Мн., 1998. С. 70.
- Карский Е.Ф.* Этнографическая карта белорусского племени. Пг., 1917.

- Кипкеева З.Б.* Российский фактор в миграциях и расселении закубанских аулов XIX века. Армавир, 2002.
- Киштымов А., Лебедева В.М.* Довнар-Запольский и М. Грушевский: Встреча на страницах «Записок наукового товариства імені Шевченка» / Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. 2007. № 91. С. 35.
- Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география. М., 2001. С. 301–303.
- Косвен М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. III // Кавказский этнографический сборник. М.–Л., 1962. С. 270.
- Костомаров Н.И.* Укратинофильство. Б.м., 1880.
- Красовицкая Т.Ю.* Национальные съезды по просвещению (1917–1922) // Советские архивы. 1980. № 2. С. 54.
- Красовицкая Т.Ю.* Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности. Октябрь 1917 – 1924 гг. М.: ИРИ РАН, 2007. 406 с.
- Красовицкая Т.Ю.* Этнокультурный дискурс в революционном контексте февралюктября 1917 г. М.: Новый хронограф, 2015.
- Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 223.
- Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 183–184.
- Макарова Г.П.* Народный комиссариат по делам национальностей. 1917–1923. М.: 1987. С. 38.
- Маловичко С.И., Покотилова Т.Е.* Исследовательское поле Центра «Новая локальная история» // Источниковедческая компаративистика и историческое построение: Тез. докл. и сообщений XV науч. конф. Москва, 30 янв. – 1 февр. / Отв. ред. В.А. Муравьев. М., 2003. С. 201; Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь. Авт. М. Басханов. М.: 2005, С. 129.
- Матвеев В.А.* Россия и Кавказ в объективе исторических познаний: от державности к «тюрьме народов», национализму, евразийству и российскости. Под ред. и с пред. В.Б. Виноградова. Армавир – Ростов-на-Дону, 1998. С. 7–36.
- Ментешашвили А.* Из истории взаимоотношений Грузинской Демократической Республики с советской Россией и Антантой. 1918–1921гг. /www/infospace.narod.ru./public/.
- Мионов Д.В.* Социально-антропологическая концепция М.М. Ковалевского. Авт. канд. дисс. СПб., 2006.
- Митрофан Довнар-Запольский.* Баркулабовская Летопись. Киев, 1908. Типография Н.Т. Корчак-Новицкого Императорского Университета св. Владимира.

- Мустафаева С.* Проблема территориального разграничения национальностей на Южном Кавказе в 1917 году // *Tarih və onun problemləri*. 2013. № 2. С. 375–380.
- Народный комиссариат по делам национальностей. Отчет о деятельности с 1 ноября 1917 по 20 июня 1918 г. М., 1918. С. 31.
- Орбели И.А.* Надписи Гандзасара и Авоцпука, отд. оттиск. Пг., 1919.
- Павлова Т.* К вопросу о границах БНР // *Белорусский журнал международного права и международных отношений*. 1999. № 1.
- Панарин С.А.* Позиционно-исторические предпосылки современной политической ситуации в Кавказско-Закавказском регионе / *Россия и Кавказ – сквозь два столетия: Исторические чтения*. СПб., 2001. С. 35–46.
- Подробнее см.: *Аманжолова Д.А.* Форматирование советскости. Национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР. 1920–1930-е гг. М.: Собрание, 2010.
- Польско-Литовская уния на сеймах до 1569 г.: Исторический очерк. М., 1897.
- Псянчин А.* Комиссия по изучению племенного состава населения России от этнокартографии к идентичности и комплексному изучению человека / V Конгресс этнографов и антропологов России. Омск, 9–12 июня 2003 г. Тез. докл. М.: Ассоциация этнографов и антропологов России, Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2003.
- Псянчин А.В.* История этнической картографии в России (до 30-х гг. XX в.). М., 2004.
- Ратцель Ф.* Народоведение. СПб.: Книгоиздат. т-во «Просвещение», 1904. РГАСПИ. Ф. 558. Оп.1. Д.5588.
- РГАСПИ. Ф.17. Оп.68. Д.188.
- РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Д.525.
- Советское строительство. 1927. № 10–11. С. 232;
- Спорные вопросы в истории Литовско-Русского сейма. СПб., 1901.
- Тайны национальной политики ЦК РКП(б). Стеногр. отчет секретного IV совещания ЦК РКП, 1923 г. М., 1992.
- Топычкалов А.В.* Политические науки в России в эпоху Университетского устава 1863 года: проблемы институализации // *Środkowieuropejskie Studia Polityczne*. 2014. No. 4. S. 141–158.
- Топычканов А.В.* Формирование историко-географических представлений М.К. Любавского в контексте развития исторической географии в России // *Археографический ежегодник за 2011 г.* М.: Наука, 2014. С. 291–302.
- Тутаев М.З.* Октябрь и просвещение. Казань, 1970. С. 405.

- Ульяновский В.* Справа кафедры історії України в Університеті св. Володимира: Довнар-Запольский і Грушевский // Трєція Международныя Доунароускія чытанні. Мінск, 2002.
- Хацкевич А.* Общие итоги проведения белоруссизации к 10-й годовщине Октябрьской революции // Советское строительство. 1927. № 12 (17). С. 50, 48–49, 143.
- Хацкевич А.* Работа национальных советов в БССР (По материалам местного обследования нацсоветов) // Советское строительство. 1927. № 7. С. 84–87.
- Хацкевич А.* Строительство Советов Белоруссии к ее десятилетию // Там же. 1929. № 1. С. 135;
- ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 208.
- ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. М., 2005. С. 521–525, 531–534.
- Чеботарева В.Г.* Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. М., 2008. С.44–66.
- Штернберг Л.* Иностранцы: Общий обзор // Формы национального движения в современных государствах / Под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910. С. 531.

|| СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аманжолова Дина Ахметжановна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН,

Андриченко Людмила Васильевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая Центром публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Ачкасов Валерий Алексеевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой этнополитологии факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета

Волков Юрий Григорьевич – профессор, доктор философских наук, научный руководитель Института социологии и регионоведения ЮФУ

Воронов Виктор Васильевич – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Губогло Михаил Николаевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий Центром по изучению межэтнических отношений Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Дмитриев Анатолий Васильевич – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Дробижева Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН, заместитель председателя Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений

Красовицкая Тамара Юсуфовна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора изучения миграционных и интеграционных процессов Института социологии РАН

Пивнева Елена Анатольевна – кандидат исторических наук, заведующая отделом Севера и Сибири Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Тишков Валерий Александрович – академик РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, сопредседатель Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений

Фарукишин Мидхат Хабибович – доктор философских наук, профессор кафедры политологии Казанского (Приволжского) федерального университета

Федотова Валентина Гавриловна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН

Хабриева Талия Ярулловна – академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, сопредседатель Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений

Научное издание

Оригинал-макет и обложка: Кульбачевская О.В.

ISBN 978-5-4211-0209-0

9 785421 102090

Подписано к печати 15.05.2018
Формат 60x84 1/16 Усл. печ. л. 15,0
Тираж 200 экз. Заказ № 132

Участок множительной техники ИЭА РАН, Ленинский пр., 32 А